

# РОДОМ ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА:

---

школа развивающего чтения



# **Родом из военного детства:**

Школа развивающего чтения

*(читаем, размышляем, выражаем в слове)*

---

**Методико-библиографическое пособие  
для руководителей детского чтения,  
снабженное текстами  
литературных произведений  
для обсуждения с подростками**



## **СОДЕРЖАНИЕ**

Предисловие

Раздел 1. **Так началась война** /11

Раздел 2. **Вместо отцов** /27

Раздел 3. **Сиротство** /47

Раздел 4. **Память сердца** /71

Раздел 5. **В блокадном Ленинграде** /87

Раздел 6. **Под властью оккупантов** /103

Раздел 7. **Русские мальчики** /127

Раздел 8. **Вместе с партизанами** /151

Раздел 9. **Маленькие разведчики** /169

Раздел 10. **Они спасали раненых** /185

Раздел 11. **В гости к раненым бойцам** /203

Раздел 12. **Будущие адмиралы** /221

Раздел 13. **Храбрые девчонки и мальчишки** /239

Раздел 14. **Подвиги юных** /257

Раздел 15. **Война и гуманизм** /275

Раздел 16. **Победа** /293

Раздел 17. **Возвращение** /309

Заключение /325

**Указатель авторов и названий произведений для обсуждения** /334

Беляева Мария, 9 лет. У Кремлевской стены



**Эпохой бессмертия мы рождены  
И помнить обязаны свято:  
Взрастило нас время, мы — дети войны,  
За нас умирали солдаты.**

## **Предисловие**

На тему военного детства, говоря словами Виктора Драгунского, «у нас писано-переписано, читано-перечитано». Но произведения, о которых пойдет речь в данном пособии, — уникальны. Уникальность их определена тем фактом, что все они написаны в период с июня 1941 по май 1945 года, зачастую с фронтов действующей армии, по горячим следам событий военного времени. Их создавали писатели, которые своими глазами видели, пережили или слышали из первых уст, как мужали дети перед лицом войны.

Часто авторы — военные корреспонденты, — вернувшись с фронтов боевых действий, читали свои произведения по радио. Многие произведения печатались в журналах для детей, издаваемых в те годы. Из журналов не переставали выходить в период войны «Костер», «Мурзилка» и «Дружные ребята».

Война глазами детских журналов — это значительная часть истории детской советской литературы. В этой истории оставили заметный след такие писатели-классики, как В. Каверин, Н. Тихонов, А. Платонов, Л. Пантелеев, Л. Кассиль, М. Зощенко, А. Толстой, М. Пришвин. Их произведения — это самобытное явление духовной прозы в детской литературе на военную тему.

Если сегодня не познакомить детей с этими произведениями, то они, скорее всего, никогда их не прочтут. И в этом будет наша вина: не все они вошли в послевоенные сборники литературных произведений для детей. Почему именно в сборники? Да потому, что наиболее оперативным в военные годы был жанр рассказа. Объемные повести и романы о военном детстве появились позднее, часто уже в послевоенное время.

Мы попытались собрать «горячие» рассказы и выбрать из них те, что были написаны о детях военной поры и адресованы им. Каждый рассказ, как маленький сколок войны, добавляет и уточняет самое важное: духовное знание о базовом источнике

победы народа — о любви к Родине. Из частных случаев военного времени, отраженных в рассказах о детях, вырисовывается судьба целого поколения победителей.

Иногда считают, что, пока живы люди того поколения, чье детство совпало с годами войны, надо обратиться к ним, а не к литературе, чтобы именно они рассказали нынешним детям, как жилось им в те годы. Согласимся, живые воспоминания очевидцев бесценны. Их память многое сохранила. Однако художественные произведения о детях военного времени и их участии в борьбе с фашистами имеют достоинства, превосходящие личные воспоминания.

Переживания и ощущения героев художественных произведений нередко оказываются глубже, чем у реально живших людей. Тем более, что у многих, казалось бы, вымышленных героев, были вполне реальные прототипы, у которых писатели подмечали определенные черты характера или использовали рассказы о пережитых ими военных событиях в своих произведениях.

Каждый из авторов, написавших об эпизодах войны, создал свою образную реальность. В этой самобытной реальности 1941–1945 годов у всех произведений есть общее: раскрытие души героев, осмысление нравственных истоков свершенных ими подвигов.

Читать об этих фактах сегодняшним детям надо не для общего кругозора, а для того, чтобы они прочувствовали ту героическую эпоху и осознали свою идентичность с поколением прадедов, рано понявших свою ответственность за общее дело борьбы с фашизмом и участвующих в этом деле по мере сил и способностей.

Как известно, в российской начальной школе нет уроков истории, где закладывались бы основы патриотизма, осознания себя наследниками героического прошлого нашей страны. Сегодняшнее юное поколение обнаруживает плохое знание прошлого своей Родины. Сведения о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов они получают чаще всего из кинофильмов, в которых не всегда достоверно показывается картина войны и ее участники.

Не всегда убедительны и литературные произведения на военную тему, написанные в наши дни. Порой они подгоняются под представления о прошлом, внедряемые средствами массовой информации.

Не случайно поэт Николай Майоров, погибший на фронте в 1942 году, словно предчувствуя искажение правды о войне в послевоенную эпоху, писал: «Пройдут века, и вам солгут портреты, где нашей жизни ход изображен...». Его, как и многих других, беспокоил вопрос, какими запомнят их «мальчишки новой эпохи», дойдут ли до них подлинные портреты и события войны?

Цикл рассказов, который мы предлагаем вам для чтения и разговора с детьми на тему Отечественной войны, отвечает на этот вопрос положительно.

Сегодня, когда Российское историческое общество ставит цель развить историческое сознание наших школьников, привить уважительное отношение к нравственным ценностям прошлых поколений, к их боевым и трудовым традициям, особенно важно знакомить детей с настоящей, а не придуманной в угоду кому-то историей Родины. Для того чтобы первые впечатления о Великой Отечественной войне легли в основу исторического сознания нынешних детей, мы и даем убедительные в своей подлинности первоисточники темы «дети и война».

Долг сегодняшних взрослых и их детей сохранить верность тем, кто сражался, добывая победу в жестокой войне, кто спас от фашизма на том витке истории все человечество. И чем больше лет и десятилетий будут заслонять нашу Победу другие события, тем важнее будет для всех нас возрождение истоков духовной силы нашего народа, гордости за тех, кто победил в 1945 году.

Пусть этим духовным богатством вдохновляются наши дети — правнуки уходящего поколения и пусть оценивают на примере их героизма свои собственные силы и возможности.

Постигая героические дела своих сверстников, испытывая сопричастность их подвигу, страданиям, выносливости, дети пройдут проверку твердости собственного характера и любви к Родине.

В структуре пособия составитель придерживается того же тематического принципа, который был соблюден в издании, названном «Добру откроем сердце». В зависимости от содержания рассказов мы выделили произведения о подвигах детей, о сиротстве, о юных разведчиках и партизанах, о жизни в тылу, о русских мальчиках, о жизни в блокадном Ленинграде и на других оккупированных фашистами территориях страны, о работе девочек в госпиталях, о солдатской жизни подростков и о самой Победе.

По каждой теме предлагаем несколько рассказов разных писателей, сопровождаемых общим вступлением, аннотациями и вопросами для свободного обсуждения их с детьми.

Как показал опыт, такое расположение материала удобно как для родителей, читающих и разговаривающих дома со своим ребенком, так и для учителей и библиотекарей, имеющих дело с группами детей.

По существу, это готовый материал для творческого использования, как в индивидуальном общении, так и в коллективном собеседовании с классом или с группой детей, пришедших в библиотеку.

## РАЗДЕЛ 1

# ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Против нас полки сосредоточив,  
Враг напал на мирную страну...

*Вадим Шефнер*

В сорок первом, в сорок памятном году  
Прокричали репродукторы беду.

*Роберт Рождественский*

Дюдюев Кирилл, 9 лет. **Враг не пройдет!**



Было все так, как поется в песне: «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Правда, объявили нам о начале войны в 12 часов дня, когда выступил по радио Нарком Вячеслав Молотов. Сказав о вероломном нападении гитлеровцев на Советский Союз, он закончил свою короткую речь словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Этот день остался в истории нашей страны «черным воскресением», перечеркнувшим мирную трудовую жизнь, планы и надежды людей. Позже этот день в России назовут Днем памяти и скорби. К нему до сих пор возвращается мысль историков, поэтов, прозаиков. К нему возвращаются и те, кто родом из военного детства, кто пережил этот день расставаний и горестных слез.

По-разному восприняли его дети и взрослые. Для взрослых это было страшной бедой, для многих детей, особенно несмышленишей, война казалась продолжением их игр в Чапаева. Подростки вместе со взрослыми бросились в военкоматы «записываться на войну».

Но жизнь сама распорядилась судьбами детей и подростков военного времени. Сотни тысяч оказались на оккупированной немцами территории. Сотни тысяч лишились отцов и матерей и попали в детские дома, находящиеся далеко от дома. Оставшиеся в тылу подростки заменяли отцов и матерей, ушедших на фронт. Они взвалили на себя огромную ответственность не только за себя, но и за жизнь близких, за страну в целом.

Дети повзрослели в считанные дни и недели. Погас юношеский блеск глаз, сурово сдвинулись брови, редко раздавался беззаботный смех. Жесткие военные обстоятельства жизни научили детей побеждать страх, усталость, голод и холод. Тяжелым для семьи было расставание с отцами и братьями, уходящими на фронт. Со многими это расставание было прощанием навсегда.

Литература не оставалась в стороне. Она, отражая людское горе, вместе с тем старалась поднимать дух взрослых и детей, настраивать их на веру в победу. Эта вера основыва-

лась на любви к родной стране и нравственном превосходстве народа.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*Ю. Герман. «Война началась»*

*В. Осеева. «Отцовская куртка»*

*В. Голявкин. «Мой добрый папа»*

---

**О рассказе Юрия Германа «Война началась»  
(из повести «Вот как это было»)**

*Юрий Герман (1910—1967) принадлежит к числу крупных русских советских писателей. Им написано более десятка романов и повестей о замечательных людях советской эпохи. Известен он также как драматург и сценарист фильмов, созданных на материале его произведений. Особенно любим фильм по его книге «Дорогой мой человек», главного героя которого — военного врача — сыграл артист Алексей Баталов.*

*Проверяя себя на зрелость, Юрий Герман писал и для детей. Тема «дети и война» отражена им в повести «Вот как это было». Повесть состоит из отдельных рассказов, написанных от имени семилетнего ленинградского мальчика Мишки. Один из них называется «Война началась».*

*Мишка, больной scarлатиной, лежит в инфекционном боксе госпиталя. Рядом с ним — летчик Алексей Павлович. И вот беззаботным утром воскресного дня, когда больных кормят творожниками со сметаной, приходит известие о начале войны.*

*Писатель показывает, насколько по-разному воспринимают его ребенок и взрослый, к тому же военный человек. Первый не понимает, почему нянечки ходят с заплаканными глазами, гладят его и целуют. Второй стремится как можно скорее уйти на фронт.*

*Вместе с рассказом о начале войны писатель рассказывает и о первой бомбежке того самого госпиталя, где находятся Мишка с Алексеем Павловичем. Бомба пробила бомбоубежище, куда отвели больных. Из всех больных живыми (хотя и ранеными) остались только Мишка и летчик.*

*Так известие о войне превратилось для обоих в реальность. Драматизм войны не столько изображен писателем в действии, сколько передан в молчании раненого летчика.*

Юрий ГЕРМАН

## ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

(из повести «Вот как это было»)

**К**ак раз это было воскресенье, и мы творожники со сметаной и сахаром ели. По три творожника. А если кто-нибудь хочет, еще можно. Я четыре съел, а военный летчик Алексей Павлович — девять. Он поправляться стал, и нянечка даже с ног сбилась — все ему по штуке носила. Потом говорит:

— Вы, Алексей Павлович, извините, я вам сразу полдесятка принесу, для вас это даже незаметно будет, а меня уж и ноги не носят...

Потом молоко пили с булками, потом подушками кидались, потом Алексей Павлович приказал:

— Тише! А то я от вас укачиваюсь, как от морской качки.

А мы все с кровати повскакали. Его облепили и кричим:

— Рассказывать, рассказывать, рассказывать...

Очень весело нам было.

Вдруг главный доктор пришел и крикнул:

— Марш все по кроватям!

Подсел к Алексею Павловичу и что-то с ним зашептал. Долго шептал. Потом мы все поняли, про что он шептал: про войну. Пока мы спали, как раз война началась — проклятый Гитлер со своими фашистами напал на Советский Союз. Тут Алексей Павлович заторопился из больницы уходить. Спорили они, спорили с главным доктором, и даже до крика дошло у них. Алексей Павлович встал, и главный доктор перед ним стоит, руки в боки держит.

— Не имеете права, — Алексей Павлович говорит. — Я должен явиться в свою военную часть, к своим товарищам-летчикам, к своему начальнику.

А главный доктор в ответ:

— Сейчас я ваш главный начальник.

Алексей Павлович ему говорит:

— Неправильно это. Вы — главный начальник над нянечками и сестрами, а не над военными летчиками.

Тут главный доктор совсем закричал:

— Вы, — кричит, — для меня не военный летчик, а больной скарлатиной, как все эти ребята! Уж если вы такой военный, так

нечего было и скарлатиной болеть... И не повышайте на меня голос, потому что это дурной пример для всех ребят. Сегодня на меня скарлатина кричать будет, завтра корь, а послезавтра коклюш закричит!

Алексей Павлович очень смутился и попросил прощения у главного доктора. А главный доктор ответил:

— И вы меня извините.

Пожали друг другу руки. И ушел главный доктор. А мы стали выпрашивать Алексея Павловича про войну. Военный летчик Алексей Павлович сел посередине нашей палаты и покашлял. Потом заговорил:

— Напали на нас фашисты сегодня ночью и на многие города уже бомбы сбросили, на Киев, на Житомир, и людей поубивали. Они сразу хотят нас запугать, но не будет этого, ребята, не такие мы с вами люди, чтобы испугаться Гитлера с его фашистами. Правильно я говорю?

— Правильно! — закричали мы все. — Ура!

И нам было даже странно смотреть на наших нянечек, которые ходили с заплаканными глазами и очень нас всех гладили, и тискали, и даже целовали — точно мы были летчики, или танкисты, или военные моряки...

...

Война началась, а у нас все по-прежнему в больнице. Лежим себе, кушаем, лекарства разные глотаем...

А после ужина мы с моим соседом Толей Захаровым решили уходить на фронт. Скучно же так лежать. И еще потому решили уходить, что давеча нам военный летчик Алексей Павлович так сказал:

— Войну мы кончим нашей победой, потому что весь народ воевать будет.

Весь, а мы?

На дорогу мы начали себе откладывать продукты. По одной котлете от обеда, по полбулочки от завтрака, сахар от ужина. Картошку жареную в бумагу завернули и яблоков пять штук. И как все заснут, мы давай шептаться:

— Давай к танкистам пойдём.

— Нет, к летчикам.

— К летчикам не возьмут, у них вокруг аэродрома часовые ходят...

— А у танкистов не ходят?

— Танки просто в лесу стоят.

— А если к пулеметчикам?

— Тогда уж лучше к артиллеристам. У них во какие пушки!

Вот так мы однажды говорили, говорили, вдруг сирена завывала. Как прошлым летом. И гудки. Большой шум сделался. Я Захарову объясняю:

— Знаешь, что это такое? Это учебная тревога.

А Алексей Павлович спустил ноги с кровати и говорит:

— Боюсь, ребята, что это не учебная.

Тут все и началось. Нянечки бегают, сестра пришла, доктор, всех нас в подвал повели и говорят:

— Это бомбоубежище. Отсек номер три для скарлатины. С корью разговаривать не смейте. Она во втором отсеке. По этому коридору не ходить — он для коклюша. Садитесь по скамейкам.

Вот мы сидим, и Алексей Павлович с нами сидит — очень сердитый. Наши маленькие сразу на нем качаться начали. На ногах, на плечах. А которые побольше, его обороняют. В это время все и случилось.

Я даже не помню, что случилось. Помню, что свистки какие-то свистят, и синие лампы передо мной качаются, и стрельба такая, что в ушах трещит. И пить очень хочется.

И кто-то кричит рядом:

— А-а-а-а!

И еще кто-то тихонько говорит:

— Ножку больно, ножку больно, ножку больно...

Потом меня подняли и понесли.

И я опять все забыл или заснул вдруг.

Утром проснулся — палата другая. И все другое — не так, как у нас. И сидит рядом со мной Алексей Павлович — военный летчик.

Спрашивает:

— Что, брат, худо?

Я на него смотрю и вижу: все лицо его перевязано бинтом, и голова перевязана, только один глаз смотрит и нос торчит.

— С добрым, — говорю, — утром, Алексей Павлович.

— Ничего себе, — отвечает, — доброе утро. Болит нога?

Я ногой шевельнул и как завою.

Тогда он мне все и объяснил. Фашисты в нашу детскую больницу бомбу с самолета сбросили. Пробила она потолок, полы и угодила в бомбоубежище.

Поранило, говорит, кое-кого.

Рассказал и отвернулся.

Я стал расспрашивать, кого поранило; он молчал, молчал, потом ответил:

— Нас с тобой.

— А еще?

Молчит.

— Где же все остальные? — спрашиваю.

Молчит.

Потом поднялся и стал ходить. Никогда я не думал, что может человек столько по комнате ходить из угла в угол. Наверное, часа три ходил — то быстрее, то медленнее.

И вдруг за голову схватился, да как застонет, да зубами заскрипит...

И заговорил:

— Никогда вам этого не прощу, никогда! Умирать буду и не прощу!

Очень, наверное, у него голова болела. И очень он за это на фашистов сердился.

Знаете, что случилось?

Ранило-то меня серьезно! Это я сначала не понял, а потом, оказывается, о-хо-хо! И осколками и щепками. И чем хотите. Но я держался ничего себе. Это мне и доктор говорил, и сестра, и нянечка.

Я на перевязках только кряхтел, а чтобы реветь — этого от меня никто не дождался.

До самой осени меня все лечили и лечили.

Скучно лежать-то! Попробуйте после скарлатины еще столько лежать.

Алексей Павлович ушел, выписался.

Очень мы с ним подружились. Только он такой сердитый под конец сделался — просто невозможно. Даже сам предупреждал:

— Не разговаривай со мной, а то укушу. Я за себя не ручаюсь.

А выписывать стали — просто другой человек сделался. Повеселел. Не ходит, а танцует. И нянечку Анну Васильевну на руках по всему коридору пронес... Мы с ним, конечно, на прощание поцеловались, и он обещал ко мне в гости зайти.

Очень много у меня еще знакомых сделалось за это время. Пока я лежал в военном госпитале.

Это мои хорошие друзья.

Попрощался я с ними, уходя, и вышел, опираясь на костыль.

Посмотрела на меня мама и сказала:

— Вот и кончилось твое детство, Мишка.

И заплакала почему-то.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. Как встретили известие о начале войны Мишка и летчик Алексей Павлович?

2. Почему доктор не отпустил Алексея Павловича в воинскую часть?

3. Почему нянечки ходили в этот день с заплаканными глазами и целовали больных детей?

4. Как вы относитесь к подготовке Мишки бежать с другом на фронт? Что помешало им это осуществить?

5. Как Мишка и летчик, находясь в больнице, оказались ранеными? Как вы объясните, почему на вопрос Мишки «где остальные больные» летчик ничего не ответил?

6. Почему Алексей Павлович при выписке из больницы был особенно весел, а до этого даже разговаривать с Мишкой не хотел?

7. Как вы понимаете слова Мишкиной матери, когда он вернулся из госпиталя: «Вот и кончилось твое детство»? И почему она заплакала, говоря эти слова.

8. Как вы представляете дальнейшую жизнь Мишки, учитывая, что он живет в Ленинграде?

---

### **О рассказе Валентины Осеевой «Отцовская куртка»**

Как только было объявлено о нападении гитлеровцев на нашу страну, начался призыв военнообязанных мужчин и отправка их на защиту Родины. Во множестве семей происходили проводы отцов и братьев на войну.

Как это было в условиях сельской жизни, показала писательница Валентина Осеева (1902-1969) в рассказе «Отцовская куртка».

Писательница хорошо знала быт нашей предвоенной и военной деревни и психологию детей. Сказался ее опыт многолетней работы с детьми в детских домах.

*Современному читателю-подростку наиболее известны повести В. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» и «Динка». Но она признана и как мастер жанра рассказа.*

*«Отцовская куртка» — самый большой рассказ Осеевой. Это почти маленькая повесть о жизни деревенского мальчишки. В рассказе прослеживается жизнь семьи на протяжении всех лет войны, где роль «большака» выполняет десятилетний Ленька.*

*Рассказ начинается проводами отца на фронт и заканчивается его возвращением. О встрече Леньки с отцом речь пойдет в разделе «Возвращение», а здесь мы предлагаем для чтения и обсуждения начало рассказа.*

Валентина ОСЕЕВА

## ОТЦОВСКАЯ КУРТКА

Куртка была черная, бархатная, карманы ее топорщились, в глубоком, мягком рубчике отливали серебром круглые пуговицы. Сидела она на отцовских плечах крепко, туго обхватывая широкую грудь.

— Папаня, а папаня! Отдай мне эту куртку. Ты, гляди, уж старый для нее, — с завистью говорил Ленька, обдергивая свой коротенький пиджачок и приглаживая вихрастую голову.

— Я стар, а ты больно молод, — отшучивался отец.

Ленька и правда был еще молод. Он учился в четвертом классе, но в семье был старшим...

Люди спешили с уборкой урожая. Армии нужен был хлеб.

Ленькин отец возвращался домой поздно, при свете фонаря долго возился во дворе и, озабоченно поглядывая на сына, говорил:

— Ты, брат, гляди, приучайся к делу. Я не сегодня-завтра на фронт уйду. Большаком в семье останешься.

В день проводов отца в избе шла кутерьма. Мать как потерянная хваталась то за одно, то за другое. Стряпала, пекла, наспех укладывала в сундучок какие-то вещи. Отец вынимал их и отдавал ей обратно.

— Убери. Не в гости еду...

Увидев в руках матери бархатную куртку, он посмотрел на Леньку, усмехнулся и ласково сказал:

— Носи, большак!

Ленька вспыхнул и застеснялся.

— Да куда она ему! — всплеснула руками мать. — Не дорос ведь!

— Дорастет, — уверенно сказал отец и погладил мать по плечу. — Помощником тебе будет!

Уложив сундучок, отец обвел взглядом просторную избу, присел на край скамьи и сказал:

— По русскому обычаю, посидим перед дорогой.

Мать поспешно усадила детей и села с ними рядом, придерживая рукой болтающиеся ножки трехлетней Нюрки. Все притихли. Ленька посмотрел на отца, и горло его сжалось.

«Как же мы одни будем?» — подумал он, поняв вдруг, что отец действительно уезжает далеко и надолго.

Прощались у околицы, отец спустил с рук Нюрку и троекратно поцеловался с матерью.

— Прости, коль сгоряча обидел когда...

Низко, без слов, поклонилась ему мать:

— За все, что прожито, за все, что нажито, спасибо тебе, Павел Степанович!

Женщины подхватили ее под руки, и Ленька вдруг услышал тонкий плач с разноголосыми причитаниями.

Лицо у отца дрогнуло. Он махнул рукой, вынул туго сложенный платок, обтер им лоб, щеки и подозвал Леньку:

— До Выселовки проводишь меня.

Шли молча.

Ленька, в наброшенной на плечи отцовской куртке, размахивая длинными рукавами, то и дело поворачивал тонкую шею, чтобы взглянуть на отца. Но отец о чем-то думал и время от времени тяжело вздыхал.

— Так вот что... пять человек вас у матери...

Он замолчал, не находя простых и нужных слов, которые ему хотелось сказать сыну.

— Ты просись к пулемету, чуть что — сотню немцев уложишь, — озабоченно сказал вдруг Ленька.

— Там знают куда... — рассеянно ответил отец.

Ленька испуганно посмотрел на его круглое доброе лицо.

— А ежели в штыковой пойдешь, — шепотом сказал он и замер, глядя широко раскрытыми глазами в лицо отца.

— Ну-ну, — ласково усмехнулся тот.

Ленька бросился к нему на шею:

— Папка, вернись! Живым вернись!

Теплыми ладонями отец оторвал от своей груди голову сына и заглянул в его глаза:

— Мать береги.

Мелкие капли дождя сеялись на размытую лесную дорогу. По краям топорщились голые осенние кусты. В мутных лужах мокли опавшие листья.

Отец крепко держал за руку сына:

— Солому внесите, а то дожди намочат... Дров заготовьте на зиму...

Отец останавливался, крепко сжимая маленькую жесткую руку.

— Слышь, Ленька!

— Слышу, папаня!

Жизнь пошла по-новому. Один человек ушел из семьи, а изба осиротела.

Отцовскую куртку Ленька носить не стал, а аккуратно сложил рукав к рукаву, отдал матери и сказал при этом так же, как отец:

— Убери. Не в гостях я.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как готовил отец Леньку к тому, что он останется в доме «большаком»?

2. Какое впечатление оставили у вас проводы отца Леньки на фронт?

3. Каким солдатом, по вашему мнению, будет отец Леньки? Почему вы так думаете?

4. Почему подаренную отцом куртку Ленька носить не стал, а положил ее в сундук?

5. Обратили ли вы внимание, как Ленька копирует поведение и слова отца? О чем это говорит?

6. Какие наказания отец и сын давали друг другу при расставании? Верите ли в то, что Ленька выполнит наказ отца? Почему вы так считаете?

---

### О книге Виктора Голявкина «Мой добрый папа»

Виктор Голявкин (1929-2001) — один из классиков советской детской литературы. Он известен более всего как автор веселых и остроумных рассказов для детей младшего возраста. Много печат-

тался в журналах «Костер» и «Мурзилка». Отдельными изданиями для детей выходили сборники его рассказов. Такие, например, как «Тетрадки под дождем».

Повесть «Мой добрый папа» написана от лица шестилетнего мальчика Пети, который рассказывает о своей жизни до войны и во время войны. Это веселая и печальная повесть одновременно.

Знаток детской литературы Инесса Николаевна Тимофеева назвала эту повесть книгой благодарности, любви и нашей неизбежной печали о тех, кто пал на войне, защищая Родину. Она считала, что эта повесть должна войти в круг чтения каждого ребенка. Без нее она не мыслила современного детства.

Виктор ГОЛЯВКИН

## МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА

(отрывок)

**Я** пошел поглядеть виноград. Я-то знал, что он еще зеленый. Но я хотел еще раз поглядеть. Вдруг я вижу — бежит по дороге мальчишка. Вокруг пыль столбом и жара такая, а он орет:

— Война! Война!

Мама тоже вышла из дому. Слышит это и мне говорит:

— Вот негодный мальчишка! Вчера тоже кричал: «Пожар! Пожар!» А никакого пожара не было.

Папа всегда ходил на вокзал прогуливаться. Уж очень любил он вокзалы! Сядет там где-нибудь на перроне и все сидит. Отдыхает.

Вернулся он быстро. Мой папа вошел и сказал одно слово:

— Война!

Он не любил говорить много слов. Такой был человек мой папа!..

Мы уезжаем с дачи.

Мне очень жалко дачу. Жалко мне виноград — он еще не поспел... Жалко мне расставаться с морем...

Домой

Мы уезжаем. Завтра едет на фронт наш папа. Мы будем его провожать. А сейчас мы садимся в машину. И едем в обратную сторону.

Мы едем по той же дороге. Опять еду я с папой в кузове. Но почему мне не весело? Мне даже интересно. Хотя еду я в том же кузове. И мне могут опять все завидовать...

— Дождь будет, — говорит папа.

— А как же мы?

— Так же, как и сейчас.

— Но ведь дождь...

— Ну и что же?

— Но мы ведь промокнем...

— Промокнем...

А небо уже совсем серое. И дождь пошел.

Папа мой достает одеяло. И мы накрываемся. Мы сидим под одеялом. И дождь хлещет и хлещет на нас. Всюду льется вода. Наши вещи, наверно, промокли...

Мы почти в темноте. Я гляжу в щелку и вижу дождь — больше я ничего не вижу.

— Дурацкий дождь, — говорит папа, — черт бы его побрал...

— Плохо, — говорю я, — когда едешь и ничего не видишь.

— Это верно, — говорит папа, — не очень хорошо.

— И когда дождь, тоже плохо.

— Тоже плохо, — говорит папа.

— И когда ноги мокрые.

— Тоже верно, — говорит папа.

— Почему ты мне так отвечаешь?

— Как?

— Ну, как-то скучно...

— А тебе весело?

— Нет, мне почему-то не весело.

— Потому что дождь?

— И дождь и война. Все вместе. Но мы победим? Ведь верно?

— А как же!

— Эх, — говорю, — интересно все же! Трах-бах! Самолеты, танки...

Одеяло с нас чуть не свалилось. Папа поправил его и сказал:

— Ну, ну, ну. Не махай руками.

— Тебе каску дадут? — говорю.

— Дадут, — говорит папа. — Все дадут.

— Она ведь железная. Даже стальная. Как ты думаешь. Каска стальная?

— Стальная, — говорит папа.

— Ты ходи в каске, — говорю, — раз она вся стальная.  
— Обязательно, — говорит папа.  
А дождь льет и льет.  
А мы все едем.

До свидания, папа!

Я, мама, Боба стоим на балконе.

Мы глядим в темноту — вокруг темно, в нашем городе затемнение. Там, в темноте, мой папа. Мы слышим папины шаги. Мне кажется, я его вижу, вот он обернулся, махнул нам рукой... Он только что вышел из дома. Только что с нами простился. Он уходит все дальше, туда, в темноту.

— До свидания, папа! — кричу я.

— До свидания, папа! — кричит Боба.

Только мама стоит с нами молча.

Я кричу в темноту:

— До свидания!

Боба машет двумя руками. Темнота-то какая! А он все машет. Будто папа его увидит...



Шагов папы не слышно. Наверное, он свернул за угол. Мы с Бобой кричим:

— До свидания, папа!..

Мой папа ушел на войну. Мы уходим с балкона.

---

### **Вопросы для обсуждения**

- 1. Как семья, жившая на даче, узнала о начале войны?*
- 2. Почему мама не поверила словам мальчишки, бежавшего по дороге, что началась война?*
- 3. Почему папа так быстро вернулся с вокзала и что для семьи значило произнесенное им единственное слово — «война»?*
- 4. Какой состоялся разговор между папой и сыном, когда они ехали в кузове машины домой? Какое было настроение у сына и у папы? Из чего это видно?*
- 5. Как происходило расставание с папой, когда он уходил на войну?*
- 6. Какое чувство у вас вызвал этот отрывок из повести Виктора Голявкина?*

### **Дополнительная литература**

- Б. Балтер. «До свидания, мальчики»*
- Р. Алиев. «Штурм Брестской крепости»*
- В. Розов. «Вечно живые»*
- В. Шефнер. «Утоли мои печали»*
- В. Козлов. «Витька с Чапаевской улицы»*
- В. Осеева. «Васек Трубачев и его товарищи»*
- Е. Носов. «Усвятские шлемоносцы»*

## РАЗДЕЛ 2

# ВМЕСТО ОТЦОВ

Отцам вы своим помогли  
В смертельной их битве с врагом...

*Людмила Татьяничева*

Афанасьев Игорь, 11 лет. **Памятник защитнику Родины**



В страшные годы войны страна призвала: «Все для фронта, все для победы». Этот призыв был услышан и детьми. Они приняли трудовую вахту от ушедших на фронт отцов и простились со своей детской жизнью. Вместе со взрослыми работали на заводах и на полях, пытались, как могли, внести свою лепту в приближение победы.

На фотографиях, запечатлевших ребят тех лет, работавших у заводских станков, видно, что многие из них стоят на ящиках, ибо не доставали до режущих частей механизма. Многие из них были награждены медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Позднее их назовут «труженики тыла». В Самаре, городе, куда во время войны были эвакуированы многие фабрики и заводы, в 1996 году воздвигнут монумент «Несовершеннолетним труженикам тыла 1941-1945 гг благодарная Самара».

Корней Чуковский, размышляя о причинах нашей победы над фашизмом, особо отметил, что «у нас был могучий союзник: многомиллионная крепко сплоченная армия советских детей».

### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*Л. Пантелеев. «На ялике»*

*Е. Катерли. «Как на фронте»*

*Е. Катерли. «Юрка-пенек»*

---

### **О рассказе Леонида Пантелеева «На ялике»**

*Первый год Великой Отечественной войны был самый трудный, самый страшный и самый героический год ленинградской блокады. Этот год писатель Леонид Пантелеев (1908-1987) провел в осажденном Ленинграде. На ленинградском блокадном материале он написал несколько рассказов.*

*В основе каждого из них лежит какой-нибудь подлинный случай, и герои этих рассказов, как он сам говорил, тоже невыдуманые, невымышленные. Все они жили в блокадном городе.*

*Перевоз через Неву, о котором говорится в рассказе «На ялике», связывал Новую деревню с Каменным островом. Этим перевозом на лодке вместо погибшего отца занимались мальчишка Мотя и*

*его младшая сестренка Манька. Перевоз через Неву под грохотом взрывов списан писателем с жизни.*

*Подвиг стал буднями жизни детей. Они адаптировались к грохоту зенитных батарей. «Легче ведь не будет, если бояться», — сказал главный герой этого рассказа. Как писал Пантелеев, «такое не выдумаешь, не сочинишь».*

*Свой рассказ он считал памятником детям войны, которые вместе со взрослыми или чаще — вместо них трудились, боролись, переживали тяготы войны. Впервые рассказ был опубликован в газете «Комсомольская правда» 26 мая 1943 года.*

Леонид ПАНТЕЛЕЕВ

## НА ЯЛИКЕ

(публикуется в сокращении)

**Б**ольшая широкобокая лодка подходила к нашему берегу. Набитая до отказа, сидела она очень низко в воде, шла медленно, одолевая течение, и было видно, как туго и трудно погружаются в воду весла и с каким облегчением выскальзывают они из нее, сверкая на солнце и рассыпая вокруг себя тысячи и тысячи брызг.

А на маленькой пристаньке, куда должна была причалить лодка, уже собрался народ. Ялик подходил к берегу, и, чтобы не потерять очереди, я тоже пришел на эти животрепещущие дощатые мостки и смешался с толпой ожидающих. Это были все женщины, все больше пожилые работницы.

Некоторые из них уже перекликались и переговаривались с теми, кто сидел в лодке. Там тоже были почти одни женщины, а из нашего брата только несколько командиров, один военный моряк да сам перевозчик, человек в неуклюжем брезентовом плаще с капюшоном. Я видел пока только его спину и руки в широких рукавах, которые ловко, хотя и не без натуги, работали веслами.

— Матвей Капитоныч, поторопись! — закричал кто-то из ожидающих.

Гребец ничего не ответил. Подводя лодку к мосткам, он чуть-чуть повернул голову, и тут я увидел его лицо. Это был мальчик лет одиннадцати-двенадцати, а может быть и моложе. Лицо у

него было худенькое, серьезное, строгое, темное от загара, только бровки были смешные, детские, совершенно выцветшие, белые, да из-под широкого козырька огромной боцманской фуражки с якорем на околыше падали на запотевший лоб такие же белобрысые, соломенные, давно не стриженные волосы.

По тому, как тепло и дружно приветствовали его у нас на пристани женщины, было видно, что мальчик не случайно и не в первый раз сидит на веслах.

— Капитану привет! — зашумели женщины.

— Мотенька, давай, давай сюда! Заждались мы тебя!

— Мотенька, поспеши, опаздываем!

— Матвей Капитоныч, здравствуй!

— Отойди, не мешай, бабы! — вместо ответа закричал он каким-то хриплым простуженным баском, и в эту минуту лодка ударилась о стенку причала, качнулась и закрипела. Мальчик зацепил веслом за корму мостков, кто-то из военных прыгнул на пристань и помог ему причалить лодку.

Маленький перевозчик выглядел очень усталым, с лица его катил пот, но он очень спокойно, без всякого раздражения, сурово и повелительно распоряжался посадкой.

И вот, не успели мы как следует разместиться на своих скамейках, не успел наш ялик отойти и на сотню метров от берега, случилось то, чего, казалось бы, уж никак нельзя было ожидать в этот солнечный, безмятежно спокойный летний день.

Я сидел на корме. Передо мной лежала река, а за нею — Каменный остров, над которым все выше и выше поднималось утреннее солнце... Мирная жизнь спокойно, как река, текла на этой цветущей земле... Белая чайка летала. И было очень тихо...

И вдруг в эту счастливую, безмятежную тишину ворвался издалека звук, похожий на отдаленный гром. Легким гулом он прошел по реке. И тотчас же в каждом из нас что-то екнуло и привычно насторожилось. А какая-то женщина, правда, не очень испуганно и не очень громко, вскрикнула и сказала:

— Ой, что это, бабоньки?

В эту минуту второй, более сильный удар размашистым отзвуком прокатился по реке. Все посмотрели на мальчика, который, кажется, один во всей лодке, не обратил никакого внимания на этот подозрительный грохот и продолжал спокойно грести.

— Мотенька, что это? — спросили у него.

— Ну что! — сказал он, не поворачивая головы. — Ничего особенного. Зенитки.

Голос у него был какой-то скучный и даже грустный, и я невольно посмотрел на него. Сейчас он показался мне почему-то еще моложе, в нем было что-то совсем детское, младенческое...

А в чистом, безоблачном небе уже бушевала гроза... Канонада усиливалась, приближалась. Все новые и новые батареи вступали в дело, и скоро отдаленные залпы стали неразличимы, — обгоняя друг друга, они сливались в один сплошной гул.

— Летит! Летит! Поглядите-ка! — закричали вдруг у нас в лодке...

Сквозь гром зенитного огня я расслышал знакомый прерывистый рокот немецкого мотора. Гребец наш тоже мельком, искося посмотрел на небо.

— Ага. Разведчик, — сказал он пренебрежительно.

Я хотел было попросить его показать мне, где он увидел этого разведчика, но тут, будто огромной кувалдой, ударило меня по барабанным перепонкам, я невольно зажмурился, услышал, как закричали женщины, и изо всех сил вцепился в холодный влажный борт лодки, чтобы не полететь в воду.

Это открыли огонь зенитные батареи на Каменном острове... Началась настоящая музыка воздушного боя.

Ничего не скажу — было страшно. Особенно, когда в воду — и спереди и сзади, и справа и слева от лодки — начали падать осколки...

Женщины в нашей лодке уже не кричали. Перепуганные, они сбились в кучу, съжились, пригнули как можно ниже головы. А многие из них даже легли на дно лодки и защищали себя руками. Как будто можно рукой уберечь себя от тяжелого и раскаленного куска металла... Признаться, мне тоже хотелось нагнуться, зажмуриться, спрятать голову.

Но я не мог сделать этого.

Передо мной сидел мальчик. Ни на один миг он не оставил весел. Так же уверенно и легко вел он свое маленькое судно, и на лице его я не мог прочесть ни страха, ни волнения. Он только посматривал изредка то направо, то налево, то на небо, потом переводил взгляд на своих пассажиров — и усмехался. Да, усмехался. Мне даже стыдно стало, я даже покраснел, когда увидел эту улыбку на его губах.

«Неужели он не боится, — подумал я. — Неужели ему не страшно? Неужели не хочется ему бросить весла, зажмуриться, спрятаться под скамейку?..»

Канонада еще не кончилась, когда мы пристали к берегу. Не нужно было никого подгонять. Через полминуты лодка была уже пустая...

Я вышел из лодки последним. Мальчик возился у причала, затягивая какой-то сложный морской узел.

— Послушай! — сказал я ему. — Чего ты копаешься тут? Ведь осколки летят...

— Чего? — переспросил он, подняв на секунду голову и посмотрев на меня не очень любезно.

— Я говорю: храбрый ты, как я погляжу. Ведь страшно все-таки. Неужели ты не боишься?

В это время тяжелый осколок с тупым звоном ударился о самую кромку мостков.

— А ну, проходите! — закричал на меня мальчик. — Нечего тут...

— Ишь ты какой! — сказал я с усмешкой и зашагал к берегу. Я был обижен и решил, что не стоит и думать об этом глупом мальчишке... Но, по правде сказать, мне все еще было немножко стыдно, что маленький мальчик оказался храбрее меня. Может быть, поэтому я не стал прятаться под деревьями, а сразу свернул на боковую дорожку и отправился разыскивать Н-скую зенитную батарею.

Дела, которые привели меня на Каменный остров, к зенитчикам, отняли у меня часа полтора-два...

Когда я пришел к перевозу, ялик еще только-только отваливал от противоположного берега. На пристани еще никого не было, я сидел один на скамеечке, поглядывая на воду и на приближающуюся лодку...

И вдруг я очень живо и очень ясно представил себе, как здесь вот, на этом самом месте, в такой же, наверно, погожий, солнечный день, на этой же самой лодке, с этими же веслами в руках погиб на своем рабочем посту отец этого мальчика. И вот не прошло и месяца, а этот мальчик сидит на этой лодке и работает теми же веслами, которые выпали тогда из рук его отца.

«Как же он может? — подумал я. — Как может этот маленький человек держать в руках эти страшные весла? Как может он спокойно сидеть на скамейке, на которой еще небось не высох-

ла кровь его отца? Даже отдаленный орудийный выстрел должен был пугать его и холодить жестокой тоской его маленькое сердце. А ведь он улыбался. Вы подумайте только — он улыбался давеча, когда земля и небо дрожали от залпов зенитных орудий!..»

Но тут мои размышления были прерваны. Веселый женский голос звонко и раскатисто, на всю реку, прокричал за моей спиной: Матвей Капитоныч, поторопи-ись!..

Когда я входил в лодку, он посмотрел на меня, улыбнулся, показав на секунду маленькие белые зубы, и сказал:

— Что? Уж обратно?

— Да. Обратно, — ответил я и почему-то очень обрадовался и тому, что он меня узнал, и тому, что заговорил со мной и даже улыбнулся мне... Мне очень захотелось поговорить с мальчиком. Внезапно он взглянул на меня, поймал мою улыбку и сказал:

— Вы чего смеетесь?

— Я не смеюсь, — сказал я немножко даже испуганно. — С чего ты взял, что я смеюсь? Просто я люблюсь, как ты ловко работаешь.

— Как это ловко? Обыкновенно работаю.

— Ого! — сказал я, покачивая головой. — А ты, адмирал Нахимов, я погляжу, дядя сердитый...

Он опять, но на этот раз, как мне показалось, с некоторым любопытством, взглянул на меня и сказал:

— А вы откуда знаете, что я — адмирал Нахимов?

— Ну, мало ли? Слухом земля полнится.

— Командиры меня так дразнят: адмиралом. Я ведь их тут всех обслуживаю: и зенитчиков, и летчиков, и моряков, и из госпиталей которые...

— Да, брат, работы у тебя, как видно, хватает, — сказал я. — Устаешь здорово, небось? А?

Он ничего не сказал, только пожал плечами. Что работы ему хватает и что устает он зверски, было и без того видно...

— Послушай, Матвей Капитоныч, — сказал я, помолчав, — скажи, пожалуйста, откровенно, по совести: неужто тебе давеча не страшно было?

Он усмехнулся и с каким-то не то что удивлением, а, пожалуй, даже с сожалением, посмотрел на меня.

— Вы бы ночью сегодня поглядели, что было. Вот это да! — сказал он.

— А разве ты ночью тоже работал?

— Я дежурил. У нас тут на деревообделочном он зажигалок набросал целый воз. Так мы тушили.

— Кто «мы»?

— Ну, кто? Ребята.

— Так ты что — и не спал сегодня?

— Нет. Спал немного.

— А ведь у вас тут частенько это бывает.

— Что? Бомбежки-то? Конечно, часто. У нас тут вокруг батареи. Осколки как начнут сыпаться, только беги.

— Да, — сказал я, — а ты, я вижу, все-таки не бежишь.

— А мне бежать некуда, — сказал он, усмехнувшись.

— Ну, а ведь честно-то, по совести, — боязно все-таки?

Он опять подумал и как-то очень хорошо, просто и спокойно сказал:

— Бойся не бойся, а уж если попадет, так попадет. Легче ведь не будет, если бояться?

— Это конечно, — улыбнулся я. — Легче не будет...

— Всякое бывает. Могут и убить. Тогда что ж... Тогда, значит, придется Маньке за весла садиться. Сестренке. Она, вы не думайте, она хоть и маленькая, а силы-то у нее побольше, чем у другого пацана. На спинке Неву переплывает туда и обратно.

Беседуя со мной, Мотя ни на минуту не оставлял управления лодкой...

И опять на маленькой пристани уже толпился народ, уже слышен был шум голосов, и уже кто-то кричал что-то и махал нам рукой.

— Мотя-а-а! — расслышал я и, оглядевшись, увидел, что это кричит маленькая девочка в белом платочке и в каком-то бесцветном, длинном, как у цыганки, платье...

— Обедать иди! — загорячилась она. — Мама ждет, ждет! Уж горох весь выкипел.

И в лодке и на пристани засмеялись. А Мотя неторопливо причалил ялик. Дождался, пока сойдут на берег все пассажиры, только тогда повернулся к девочке и ответил ей:

— Ладно. Иду. Принимай вахту.

— Это что? — спросил я у него. — Это Манька и есть?

— Ага, Манька и есть. Вот она у нас какая! — улыбнулся он. И в голосе его я услышал не только очень теплую нежность, но и настоящую гордость.

— Славная девочка, — сказал я и хотел сказать еще что-то... А она шмыгнула носом, повернулась на босой ноге, и, подобрав подол своего цыганского платья, ловко прыгнула в лодку.

— Эй, бабы, бабы! Не шуметь! Без паники! — закричала она хриплым, простуженным баском, совсем как Мотя. «И, наверное, совсем как покойный отец», — подумалось мне.

Я попрощался с Мотей, протянул ему руку.

— Ладно. До свиданьица, — сказал он не очень внимательно и подал мне свою маленькую, крепкую, шершавую и мозолистую руку.

Поднявшись по лесенке наверх, на набережную, я оглянулся...

А ялик уже отчалил от берега. Маленькая девочка сидела на веслах, ловко работала ими, и весла в ее руках весело поблескивали на солнце и рассыпали вокруг себя тысячи и тысячи брызг.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Почему мальчишку-перевозчика взрослые называли то Матвей Капитоных, то Мотенька? А командиры прозвали его адмиралом Нахимовым?

2. Чем он поразил писателя-рассказчика, а вместе с ним, возможно, и вас?

3. Какие качества характера и манеры поведения переняли сын и дочь от погибшего отца перевозчика?

4. Как гордость за свою сестру Маньку проявлял ее брат Матвей? Достойна ли она его гордости?

5. Брат и сестра — герои рассказа, заменившие на трудовом посту погибшего отца, достойны ли они вашей гордости? И почему?

---

### О рассказе Елены Катерли «Как на фронте»

Елена Катерли (1902-1958) принадлежит к числу ленинградских писателей и журналистов. Те, кто ее хорошо знал, говорят о «естественности ее души», ее «первозданном свете». Более всего она известна как автор романов и повестей из жизни рабочих Ленинграда. Производственная тема отражена и в рассказах для детей времен войны.

Предлагаемый для обсуждения рассказ отражает боль души самой писательницы за гибель мальчика Васи Зимина, передовика производства по изготовлению деталей для оружия. Он работал за

*токарным станком, на котором работал раньше его погибший на фронте отец. От осколка снаряда погибает и сам Василий Зимин.*

*Скорбя о погибшем друге, члены его бригады, такие же мальчишки, как и он, решают действовать по образцу солдат: сначала те стреляют за себя, а потом за погибшего товарища.*

*Решение действовать «как на фронте» и приводит к тому, что ребята не только имя бригады сохранили, но и выполнили норму работы за него дополнительно к своей. Вот и вышло, что Зимин работает!*

*Но какой изобретательности, трудового товарищества и ответственности стоило это членам бригады. Эта проблема и есть, наверное, стержень разговора с нынешними детьми.*

Елена КАТЕРЛИ

## **КАК НА ФРОНТЕ**

(«Костер», 1945, № 7–8, с. 20–31)

— Убит. Осколок попал прямо в сердце. — Доктор медленно поднялся с колен, и все увидели, что на голубой майке лежавшего на полу Васи Зими́на расплылось темно-красное пятно.

Осколок? Ребята растерянно огляделись кругом и увидели, что на фанерном щите, которым было заколочено окно, появилась дырка. Немецкий снаряд разорвался на заводском дворе, а сюда, в цех, влетел осколок. Один-единственный. Но этого было достаточно, чтобы убить Васю.

Всего несколько минут назад все было спокойно, и вдруг за стеной раздался этот грохот, от которого цех вздрогнул и зазвенел, а в воздухе возникло облако пыли. Потом опять наступила тишина, пыль развеялась, и стало видно, что кругом все в порядке. Станки, и даже лампочки над ними горели ровным, немигающим светом, и только Вася Зимин лежал около своего станка, будто опрокинутый чьим-то тяжелым ударом.

Директор, вбежавший в цех вместе с врачом, теперь распоряжался около носилок. Вот уложили Васю на носилки. Кто-то opravил на нем спецовку, смахнул приставший сор. Мастер, серенький и горбатый, дрожащей рукой остановил станок Васи и пошел рядом с носилками.

В дверях он остановился и сказал директору:

— Он ведь с первого дня, как на завод пришел, был моим учеником. Лучшим, самым лучшим. А пришел еще зимой, в сорок первом году. Опухший, слабый. Под шапкой вязаный платок, пальтишко ремешком подтянуто, на ногах — большие валенки. Лица не видно, только глаза впалые смотрят строго. Пришел и говорит: «Мой отец тут работал — токарь Василий Зимин. Он умер вчера. Я за него работать буду». Поставил я его работать за отцовский станок. И хоть слабый был мальчуган и не знал ничего, упорством взял...

Мастер отвернулся, достал платок. В цехе было тихо.

Самый младший из мальчиков, Федюшка, начал всхлипывать, Жора, лучший друг Васи, вдруг растолкал стоявших рядом ребят и выбежал из цеха... Он упал на груды шлака, уткнулся лицом в колючие острые кусочки.

Нет больше его единственного друга — Васи, его унесли на носилках, а он, Жорка, остался один. Сегодня вечером они собирались пойти рыбачить, и его друг обещался рассказать ему про всадника без головы. Теперь он никуда не пойдет и никогда ничего не расскажет...

Жора долго лежал на куче шлака и не слышал, как подошел к нему горбатенький мастер и сел рядом. Жора испуганно поднял свое мокрое, перепачканное лицо, когда мастер положил руку ему на плечо.

— Поплачь! Поплачь! — сказал мастер. — Хороший он был паренек. Я ведь и отца его знал, и деда...

Мастер снял очки в узенькой железной оправе и начал протирать стекла уголком своей спецовки. Стариковские бесцветные глаза его покраснели, и он мигал ими часто-часто, точно смахивая соринку.

Жора только сейчас заметил, как состарился мастер, и сказал, стараясь говорить басом:

— Чего плакать-то? Слезами горю не поможешь!..

— Это верно, что не поможешь, — грустно согласился мастер, — только ведь и удержаться трудно.

— У меня тоже отца нет, на фронте его убили, — сказал Жора. — Я тоже хотел вместо него, да не берут. Я просился, в военкомат ходил, а все зря.

— Так ты и здесь все равно как вместо него, — возразил мастер. — Оружие-то мы для фронта делаем! Вот победим немца — и нам спасибо скажут.

Он поднялся и, опираясь на Жорино плечо, потянул его за собой.

— Пойдем в цех. Заказ — сам знаешь какой!

В цехе, как утром, жужжали станки, ребята стояли на своих местах. За Васиным столиком уже работал Федюшка. Лицо у него покраснело от напряжения — еще утром он был учеником, а теперь работал самостоятельно. И тут же висела доска с показателями: «В. Зимин — 197,6 %» — было выведено на ней мелом.

Жора недружелюбно посмотрел на Федюшку — зачем его поставили на Васин станок? А мастер тоже взглянул на доску и сказал, вздохнув:

— Да, сорок с лишним лет эта фамилия на заводе известна. А теперь — нет больше Зиминых...

Он махнул рукой и пошел по пролету — низенький, седой. Жора запустил свой станок и не поднимал головы, пока не кончилась смена.

После смены ребята вышли за ворота завода. Вышли всей бригадой, тихо, без обычного шума и толкотни. Вечер был тихий и ясный, ветер рябил упругие волны Невы, ударяя, как в парус, в изогнутые крылья чайки.

— Посидим на берегу, — предложил Федюшка.

Ребята спустились к воде и сели на теплую землю. Все молчали, и Федюшка начал бросать камни в покачивающуюся на волнах пустую лодку.

— Как мастер-то говорил? — сказал он. — «Больше сорока лет на заводе были Зимины...» А вот завтра сотрут с доски Васино имя. Жалко...

— Жалко тебе! — сказал Жорка... — Небось теперь твою фамилию на доске-то поставят...

Федюшка выпустил из рук камень и посмотрел на Жору. Он сидел какой-то похудевший, желтый, осунувшееся лицо его было испачкано сажей, а глаза смотрели злобно. Федюшка встал, отошел в сторону — ему было очень обидно, он любил Васю и гордился тем, что теперь его поставили именно на Васин станок.

Мальчики замолчали и смотрели то на Жору, то на Федюшку. Федюшка стоял поодаль, а Жора, обхватив руками колени, сидел отвернувшись. Рядом с ним на земле лежали две удочки, одна из них — Васина.

— Федька-то не виноват, — нерешительно сказал кто-то. — Он небось не просился, его мастер поставил...

— Вставай туда хоть ты, — отозвался Федюшка. — Фамилию пускай не стирают — и без доски могу работать.

— Верно, верно! — перебивая друг друга, заговорили ребята. — Попросим, чтобы не стирали. Вот как бывает в Красной Армии — убьют какого, отличившегося бойца, а его посмертно оставляют в списках части.

— И название бригады оставим старое — бригада Васи Зимина.

— Ну а как же показатели? — сказал Жорка. — Нельзя, чтобы на доске против фамилии Зимина стоял ноль. Ведь это обидно будет Ваське-то...

Мальчики опять замолчали. Доска — это гордость их бригады, на ней каждый день появлялись новые цифры... Это не просто цифры — они рассказывают, как помогал ты фронту. Разве можно фамилии Зимина оставаться без этих цифр?

— А я читал в «Комсомольской правде», как один снайпер ходил бить немцев вместо погибшего товарища, — сказал кто-то из мальчиков. — Сначала стреляет за себя, а потом — за товарища. А гильзы от тех патронов — в карман. А потом из них на могиле товарища звезду выложил. Вот бы и нам так!

Жора сидел отвернувшись. Казалось, он напряженно решал какую-то трудную задачу. Работать сначала за себя, потом за погибшего товарища.

— Если бы на Васином станке работал настоящий токарь, — сказал он, — он мог бы выработать не одну, а две нормы. А Федька и одну не вытянет.

Мальчики посмотрели на Федьку, и он виновато опустил глаза.

— Может быть, на тот месяц вытяну, — прошептал он, — а сейчас — нет.

— А почему это один Федька должен? — оживились ребята. — Не только на Васином станке, можно и на других. От каждого понемногу, вот и будет у вас, как раньше — больше всех. Только и свою не снижать, а еще больше вырабатывать.

Жорка повернулся. Ведь и мастер говорил, что они как фронтовики. Вот висит Васина доска показателей, украшенная красными флажками и зелеными ветками, над ней Васин портрет.

— А позволят так выработку подсчитывать? — спросил он. И сразу же вспомнив, что говорил мастер за кочегаркой, сам ответил: — Позволят! Конечно, позволят!

Ребята тесней придвинулись друг к другу. Тихо плескались у берега волны, точно подслушивая их разговор. Много видала эта река, в широкую гладь которой смотрятся десятки старых заводов. Знает река, как умеют работать ленинградские люди!

— Если приходите немножко пораньше, все приготовить и разложить, то на этом можно кое-что выгадать, — убеждал Жора. — И потом — надо думать. Все время думать. И каждый придумает, как ускорить работу, честное слово!

Спряталось солнце. Сумерки окутали землю. Откуда-то издалека доносилась артиллерийская канонада. А ребята все еще разговаривали, подсчитывали, спорили.

На другой день после конца смены ребята не расходились, все стояли около станков и ждали. Наконец мастер, как обычно, подошел к доске показателей бригады. Он стер вчерашние цифры и написал новые. Против Жориной фамилии он написал двести процентов, против Федюшкиной — сто, а дойдя до фамилии «Зимин», аккуратно вывел «двести два и три десятых процента». Потом обернулся к тем, кто стоял позади, и сказал:

— Выходит, токарь Зимин работает. Молодцы вы, ребята!

---

### **Вопросы для обсуждения**

- 1. Что общего между фронтом и работой подростков на заводе в военное время?*
- 2. Какое отношение к Васе Зимину имеют слова мастера «упорством взял»? Можно ли эти слова отнести и к его товарищам по цеху?*
- 3. Как переживали ребята смерть Васи?*
- 4. Как им удалось выполнять работу за него? Что они придумали?*
- 5. Как вы относитесь к их решению заменить токаря Васю Зимина, как тот заменял своего отца?*
- 6. Согласны ли вы с выводом мастера: «Выходит, токарь Зимин работает»?*
- 7. Какие мысли и чувства вызвал у вас этот рассказ? Роднит ли вас что-то с мальчишками бригады Васи Зимина?*

---

### **О рассказе Е. Катерли «Юрка-пенек»**

*В отличие от рассказа «Как на фронте», где речь шла о производственной бригаде подростков, новый рассказ писательницы говорит о семье, глава которой — заводской мальчишка по прозвищу Юрка-пенек.*

*На его попечении младшая сестренка и братишка. Они и есть «особые обстоятельства», которые держатся в тайне от заводского комитета, настаивающего на переезд мальчишки в общежитие, где живут такие же, как он, потерявшие родителей, подростки. Но в отличие от них Юрка выполняет обязанности и отца, и матери в семье, где, кроме него, еще младшие сестренка и братишка.*

*Посетившая эту семью член заводского комитета Вера, которая настойчиво уговаривала до этого Юрку переехать в общежитие, убедившись, как ловко он и его друзья справляются с материнскими и отцовскими обязанностями, меняет свое намерение и берется помогать Юрке в его семейных делах.*

*Это рассказ о взаимопомощи, о поддержке друзей, об ответственности за семью, легкой на плечи подростков, оставшихся без родителей в военное время.*

Елена КАТЕРЛИ

## ЮРКА-ПЕНЕК

(«Костер», 1943, № 8, с. 6–8, публикуется в сокращении)

**В**ера Голубева заперла комнату на ключ и отправилась в цех. Там, в углу за стендом, на необстрелянной стороне, работала бригада подростков. Они изготавливали детали для минометов — работа мелкая и точная. Их лица, склонившиеся над станками, были внимательны и напряжены.

Юра Трофимов, по прозвищу «Пенек», работал у самой стенки с краю. Он был низенький, широкоплечий, кряжистый — настоящий пенек.

Вера остановилась около станка. Юрка покраснел, но нарочно не глядел в ее сторону. Вера сказала:

— Мы решили всех подростков, которые живут без семьи, поселить в общежитии. И тебя тоже. Я не понимаю, почему ты отказываешься?

Юрка покраснел еще больше и ничего не ответил. Он низко нагнулся над станком, быстро переменял деталь, и резец заскрежетал по металлу громко и пронзительно.

— Что ты молчишь? — рассердилась Вера. — Это решение комитета комсомола. Понял? Ну и подчиняйся! Чтобы завтра же ты переехал! — строго прибавила она...

В общежитие он не переехал ни завтра, ни через два дня. Вера вызвала его в комитет, и он пришел после работы вместе с двумя приятелями — Мишкой Зайцевым и Грицком Романенко.

Мать Мишки ушла в народное ополчение и не вернулась, а отец был убит во время прорыва блокады. Они пришли в комитет все трое и уселись на деревянном диванчике около стены. Мальчики насмешливо поглядывали на Веру, не признавая, видимо, авторитета этой девчонки с рыжей косой. И Вера, не зная, как начать разговор, начала вытаскивать из стола не нужные ей сейчас какие-то папки и тетради.

— Долго нам ждать? — грубовато спросил Мишка. — Зачем вызывала?

— Я тебя не вызывала, — ответила Вера, — и Романенко тоже. Вы можете идти. Мне Трофимов нужен.

Вера задвинула ящик стола и сказала:

— Почему эти мальчишки такие грубые? Я хотела по-хорошему поговорить... Мне обидно, что Трофимов не едет в общежитие. В общежитии теперь хорошо, чисто, и руководитель прикреплен постоянный, физкультурник.

— Он ехать туда не может, — твердо заявил Мишка. — Я вот поехал, и Грицко, и другие, а Юрка не поедет. — И он независимо посмотрел на Веру.

— Почему он не поедет? — сердито спросила Вера.

— Обстоятельства!

Вера покраснела и зашелкала ключом в ящике стола.

— Может быть, ты мне скажешь, — кротко обратилась она к Трофимову, — что это у тебя за обстоятельства?

Вера посмотрела на него почти умоляюще. Но он, хмурясь, ответил:

— Не хочу — и все!

Он внимательно оглядел свои ноги, обутые в серые тапочки, — неразговорчивый, кряжистый, упрямый, настойчивый пенек!

Вот так же и у станка: стоит молча весь день, а работает лучше других. «Украшение цеха», «настоящий мастеровой», — говорит о нем начальник. Хорошенькое украшение — упрямство, недисциплинированность!

— Очень приятно было бы твоему отцу, фронтовику, узнать о том, что ты отказываешься повиноваться приказу! — сухо сказала Вера. — Приказ старших в военное время — закон.

— Старших? — насмешливо переспросил Мишка. — Много ли ты нас старше?

Он поднялся с дивана и сказал:

— Пошли, ребята! До свиданья, товарищ секретарь!

Пенек и Романенко поднялись и направились вслед за ним к двери. Пропустив их вперед, Мишка обернулся и, подмигнув Вере, прошептал таинственно:

— А обстоятельства все-таки есть! Но какие — это секрет военного времени!

Вечером Вера пришла в кабинет секретаря парткома.

— Тимофей Петрович, — сказала Вера, — снимите меня с секретарей.

Она села на стул и распустила губы. «Сейчас заревет», — подумал секретарь и, приподняв очки, отложил в сторону письмо.

— Меня не слушают, — продолжала Вера. — Пенек не идет в общежитие, а Мишка Зайцев насмешничает. Я не могу быть секретарем, когда на заводе столько мальчишек.

— Не можешь? — с сомнением переспросил секретарь. — Ты на себя не клевети. С мальчишками, конечно, трудно управиться. Но трудности надо преодолевать. Вот когда мне было пятнадцать лет, я тоже жил в общежитии, верней в детдоме. С нами, верно, трудно было справиться, да ничего — справились.

Вера недоверчиво посмотрела на секретаря. В волосах сидела, на гимнастерке «Знак почета», голос спокойный, плавный. Неужели он таким был, как рассказывает! Она выпустила из пальцев косу и, сложив руки на коленях, сказала:

— Я не могу справиться. И не могу придумать, как быть.

— Завтра придумаем, — сказал секретарь. — Иди спать ложись. Завтра воскресенье — свободный день. Вот мы с тобой вместе и придумаем.

На другой день с утра они отправились вместе к Юрке-пеньку на квартиру. В конторе домохозяйства их встретил управхоз — худенькая маленькая женщина.

— Трифоновых я давно знаю, — сказала она. — Они здесь много лет живут. Очень хорошая, дружная была семья. Мать у них умерла. Такая славная была женщина! Вот и малограмотная, а каких прекрасных, трудолюбивых детей воспитала!

— Ну а Пенек? То есть Юра, — смутилась Вера. — Как он теперь, без семьи? Не распустился?

Управхоз посмотрела на нее с удивлением.

— Без семьи? — переспросила она. — Без старших, вы, наверное, хотели сказать? Конечно, не распустился. Образцовый, дисциплинированный жилец. Как он нам помог, когда мы в прошлом году водопровод восстанавливали! Да он сейчас дома — поднимемся к нему. Сами увидите, как он живет.

На третьем этаже они остановились около двери... Она позвонила, и дверь открылась. Коротко стриженная девочка лет девяти со светлыми бровками на загорелом лице, испытующе посмотрела на Веру и Тимофея Петровича.

— Здравствуй, Таня, — сказала управхоз. — Вот товарищи с Юриного завода пришли посмотреть, как вы живете.

Девочка провела всех в большую светлую комнату. В комнате были открыты окна, солнце блестело на небубранной со стола чайной посуде, на трех аккуратно застланных кроватях и на рыжеватых волосах маленького мальчугана, который возил по полу большой деревянный грузовик.

— У нас еще не убрано, — смущенно прошептала девочка. — Я еще не успела.

Гости сели...

— Вова у нас в круглосуточном очаге, — объяснила управхоз. — А Таня уже перешла в третий класс. Она отличница и хорошая хозяйка... — Вон как чисто пол вымыла.

— Это не я, — смутилась девочка. — Это Мишка сегодня утром мыл.

— Так, так! — добродушно сказал Тимофей Петрович. — Молодец, значит, Миша! А как его фамилия? Не Зайцев ли?

— Зайцев! — радостно ответила девочка. — Мишка Зайчонок! Это друг Юры, и Гриша тоже друг, Гриша умеет рыбу ловить — у нас сегодня уха будет.

В это время раздался звонок, и девочка бросилась к двери. Дверь хлопнула, и в комнату влетел Мишка Зайцев с буханкой хлеба под мышкой.

— Достал! — закричал он еще с порога... — Это им хлеб, — кивнул на Таню. — Она карточки посеяла, растеряха!

Он оправился от смущения и лукаво подмигнул Вере:

— Выпытала все-таки военную тайну, секретарь! — сказал он. — Ничего не скажешь! Но в общежитие он все равно не пойдет!

— Ах, так вы насчет общежития? — спросила управдом. — Юре нельзя переезжать, у него семья. В прошлом году РОНО хотело младших ребят в детдом забрать, да Юра взялся их сам вос-

питывать. Сначала педагоги ему не доверяли, ходили разные комиссии. Но он с честью поддерживает свою маленькую семью. Товарищи у него такие славные, помогают. А Юра где? — вспомнила она.

— Дома, на кухне, — ответила девочка. — Позвать его?

— Нет, — сказала Вера. — Проведи лучше меня к нему!

Они прошли темный коридорчик и отворили дверь в кухню. Там около корыта стоял Юра и, упрямо сдвинув белесые брови, ожесточенно шаркал щеткой по утонувшему в мыльной пене белью. Увидев Веру, он вспыхнул и, как тогда у станка, ниже нагнул голову, продолжая тереть белье.

— Юра! — виновато сказала Вера. — Почему же ты стеснялся сказать? Мы бы ведь не стали силком.

Юра молчал и все шаркал щеткой уже не по белью, а по дну корыта. Вера засучила рукава и, подойдя ближе, сказала строго:

— А стирать ты совсем не умеешь. Давай я помогу!

---

### Вопросы для обсуждения

1. Что вы можете сказать о Юре Трофимове и его друзьях? Что это были за ребята? Как вы к ним относитесь? Правильно ли понимала их поведение Вера?

2. Чем они занимались на заводе? Как относились к работе и друг к другу?

3. Какая общая тайна их соединяла?

4. Какие обстоятельства не позволяли Юре переехать в общежитие? Уважительные ли были эти обстоятельства?

5. Как менялось отношение к ребятам у Веры по ходу рассказа?

6. Как вы видите дальнейшее развитие отношений Веры и Юриной семьи.

### Дополнительная литература

Ч. Айтматов. «Ранние журавли»

И. Ликстанов. «Малышок»

Л. Воронкова. «Село Городище»

В. Осеева. «Отцовская куртка»

В. Воскобойников. «Василий Васильевич»

## РАЗДЕЛ 3

# СИРОТСТВО

**И никто никогда не сочтет,  
Сколько раз на своих дорогах  
Оставляла война сирот.**

***Петр Синявский***

Полина Минакова, 11 лет. **Привал**



Сирота — это ребенок, лишенный родителей. По некоторым данным, Великая Отечественная война сделала сиротами около 700 тысяч детей. К концу войны только для детей погибших фронтовиков было открыто 120 детских домов, в которых содержали и воспитывали 170 тысяч детей.

Тогда же была введена практика передачи детей-сирот в семьи. Оставшихся без родителей детей специальные службы собирали на улицах и отправляли в детские дома. Тех, кто постарше, направляли в военкоматы. Вскоре многие из них щеголяли в новеньких шинелях или морской форме.

Если ребенка-сироту обнаруживали наши солдаты, они при возможности забирали его с собой, чтобы позже передать в детский дом или женщинам, которым доверяли. Некоторые из детей становились сыновьями полков.

Основным душевным состоянием сироты (как его описывают в художественной литературе и в воспоминаниях) становится чувство одиночества, тоски по родителям и жажда вновь обрести семью.

### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*А. Толстой. «Нина»*

*М. Зощенко. «Бедный Федя»*

*Ю. Герман. «Петька»*

*В. Закруткин. «Матерь человеческая»*

---

### **О рассказе Алексея Толстого «Нина»**

*Этот рассказ Алексея Толстого (1882—1945) написан от имени солдата Ивана Сударева. Он рассказывает о том, как он и его товарищи, выходя из окружения, обнаружили убитую женщину, возле которой ползала двухлетняя девочка. Оказалось, что это были жена и дочь лейтенанта Моисеева, командира их группы.*

*Гибель жены потрясла Моисеева. Жажда мести стала настолько сильной, что он, уничтожая фашистов, не пощадил и себя. Солдаты похоронили лейтенанта вместе с женой в одной могиле, а ребенка взяли с собой. После боя они передали девочку женщине, которая вызвала их доверие.*

*Что было дальше с девочкой-сиротой, автор не рассказывает, предоставляя читателям самим домыслить ее судьбу.*

Алексей ТОЛСТОЙ

**НИНА**

**В**споминается мне один случай в начале войны. Вам известно — и рассказывать не стоит, — в каком положении оказались наши пограничные войска, когда немец в первый же день разгромил наши аэродромы... Он окружил нас бесчисленными танками, автоматчиками, бомбил и забрасывал минами, как хотел. Мы пробивались и пробились; нам было туго, но и немец ужаснулся от своих потерь...

Неман остался позади. Мы потеряли связь с частями. Тут немец навалился со всех сторон. Мы наскоро вырыли узкие щели, сидим в них. Не признаем себя окруженными — и все. И ему остается самое нежелательное — идти с нами на рукопашное сближение...

Берем легко раненых, способных держать винтовку или хоть ногами передвигать. Осторожно — перебежками направляемся к лесу. Там, знаем, группа автоматчиков и пулеметы. Ползем впритирку в траве между кочками, — одна забота — ближе подобраться, на «ура». А ему бы уж время открыть по нам огонь.

Помню, дрожь меня пробрала: что за черт! — мы уже в полтора шагах. Он должен нас обнаружить, почему он молчит?..

Произошло вот что: отставшая от одного полка неполная рота, под командой лейтенанта Моисеева, пробиваясь на восток, разведала о нашем окружении и, будучи в соседстве, решила нас выручить — с тылу ударила по автоматчикам. Мы в этот прорыв и вышли.

Моисеев был пылкий человек, рожден воином. Кто он такой на самом деле, мы так и не узнали, — кажется, служил где-то в Западной Белоруссии... Прямой, среднего роста, лицо невыразительное, обыкновенное; рукава гимнастерки засучены по локоть; всегда смеялся добродушно, но взгляд острый, умный. Да, есть золотые люди на Руси.

Пробиваемся вместе с ротой Моисеева на восток. Сами ищем немцев... — нападаем первыми, и немцы перед нами бегут...

Однажды около полустанка, где стоял разбитый покинутый состав и только что побывали немцы, на зеленом-зеленом сыром лугу, на нескошенной траве увидели лежащую молодую женщину... руку положила под голову, другую прижала к прост-

реленной груди, — была как спящая, опущены ресницы, ветерок шевелит каштановые волосы, только с уголка побледневшего рта — струечка крови.

Около женщины ползает черноглазая девочка, лет двух, в платьице горошком, тормозит ее и все повторяет: «Мама спит, мама спит...» Мы подошли. Девочка прижалась к матери, ладошками сжала ее щеки и смотрит на нас, как испуганный галчонок.

«Товарищи, что там, что там?» — слышим. Бежит Моисеев, рвет на себе ворот гимнастерки. Мы молча расступились. Он остановился и, будто про себя, с удивлением: «Мои, мои, жена, дочь...» Схватил девочку, притиснул к себе... Опустился у жены в изголовье и заплакал, затаил, как ребенок; тут и девочка заревела.

Бойцы, кто засопев, кто вытирая глаза, отошли. Я отобрал у Моисеева револьвер, и на некоторое время оставили его одного с девочкой, стали копать могилу под тремя кудрявыми березками.

Жена его, должно быть, бежала — в чем была — с дочкой из Белостока, пробиралась где пешком, где на грузовике, где случайным поездом; на этом полустанке незадолго до нас немец их разбомбил: выскочила, побежала по зеленому лугу. А у немецких летчиков, у желтогубых мальчишек, особенный спорт — пикировать до бреющего полета на бегущую без памяти женщину с ребенком... Может быть, она часу не дождалась встречи с мужем...

Вырыли могилу под березами, думали, что для одного человека, а пришлось положить туда двоих. Прискакал один из наших разведчиков на заморенной лошаденке, сообщил, что обнаружена группа мотоциклистов на большаке, который пересекал около этого полустанка железнодорожный путь.

Можно было, конечно, незаметно отойти, не ввязываться в драку. Но подошел Моисеев с девочкой на руках; у него даже лицо изменилось, стало серое, глаза погасли. «Никак нет, я не согласен, — сказал он, — хочу встретить их, как должно... Только так, только так, товарищи...». Погладил девочку по головке и передал на руки бойцу, раненому в голову, и мне — повелительно: «Возвратите мне личное оружие».

Моисеев сам провел всю операцию, — в узком месте дороги навалил деревья, посадил в засаду пулеметчиков и стрелков. И

когда немцы беспечно и с удивлением остановились около завала и задние машины подтянулись, он истребил их огнем и штыками, — всех, до последнего человека. То ли он действительно искал смерти в этом бою, то ли душила его злоба, — он вертелся с винтовкой в самой гуще схватки. Весь живот ему прошило из автомата. Все же он нашел силы, сел на дороге, оглаживая немецкое побоище...

«Ну вот, Маруся, — сказал, видимо, уже немножко не в себе, — это по тебе тризна, хороним тебя с музыкой...» Повалился на левый бок, посиневшей рукой потащил из кобуры револьвер. У него был весь живот перерезан...

Похоронили их обоих в одной могиле. Девочка на руках у того бойца, представьте, не плакала, но глядела, как взрослая, когда зарывали ее мать и отца. Может быть, не понимала, что мы делаем? Хотя нет, — дети в эту войну понимают больше, чем нам кажется. У них в умишках многое копошится и созревает со временем...

К вечеру в лесу, на привале, мы вскипятили воду в шлемах, помыли нашу девочку, завернули в плащ-палатку, устроили ей гнездо из ветвей и на охрану поставили с винтовкой бойца-пограничника Матвея Махоткина. Страшенного на вид мужчину.

Девочка спала плохо, все просыпалась. Звала: «Мама...» Матвей ей говорил: «Спи, спи, не бойся...» Но уже на другой день она затихла. Матвей никому ее не доверял, сам нес на руках и добился, как ее зовут; она долго не хотела говорить, потом вдруг сказала ему на ухо: «Нина...»

Еще много дней пробивались на восток через немецкие заслон, а когда вплотную подошли к линии фронта, решили девочкой не рисковать... В местечке Немирово попросили незнакомую нам женщину Рину Михальчук, — понравилась она нам, поверили ей, — взять наше дитя. Что было у нас сахару и белых галет — все отдали этой женщине в приданое за Ниной. Уходили из Немирова — заглянули в ее хату. Нина прыгала у приемной матери на руках, а женщина тихо плакала...

Вот и вся моя история...

Осталась наша Ниночка на западе, у немцев. И могила под теми березами — у немцев...

### **Вопросы для обсуждения**

1. *Какое впечатление произвел на вас этот рассказ? О каких качествах русских солдат говорит он?*
  2. *Как вы думаете, зачем писатель А. Толстой рассказал нам о случае, происшедшем на полустанке? Чем он его самого поразил?*
  3. *Как бы вы продолжили рассказ? Ваши варианты дальнейшей судьбы дочери лейтенанта Моисеева, потерявшей на войне отца и мать?*
  4. *Почему отец Нины не пощадил себя в бою с немцами? Какими чертами характера он обладал?*
  5. *Каким вы представляете себе командира роты лейтенанта Моисеева?*
- 

### **О рассказе Михаила Зощенко «Бедный Федя»**

*Михаил Зощенко (1894—1958) — известный русский писатель. Он писал как для взрослых, так и для детей. Умел в своих произведениях быть веселым и серьезным. По состоянию здоровья он не был призван на фронт. Когда началась война, Зощенко поступил в группу противопожарной обороны Ленинграда для борьбы с зажигательными бомбами. Выполнял он и другую работу, необходимую для фронта.*

*В конце 1941 года в приказном порядке был эвакуирован в Алма-Ату (Казахстан). Его рассказы для детей военного времени отличались психологизмом, чутким вниманием к душевному состоянию ребенка. Говоря о рассказах Зощенко для детей, некоторые критики находили их родство с рассказами Льва Толстого в том отношении, что писатель прямо выражает свое отношение к изображаемому персонажам.*

*К таким произведениям относится и предлагаемый для обсуждения рассказ «Бедный Федя». В нем отражено сочувствие ребенку, потерявшему отца и мать на войне. Как ни старались ребята, живущие в интернате, развеселить его, он оставался грустным и одиноким.*

*Вывести ребенка из состояния депрессии, как утверждали врачи, могла бы только улыбка на его лице. Она появилась у него, как только одна мама, пришедшая за сыном, чтобы взять того домой на выходные дни, пригласила Федю в гости, а потом и предложила стать его мамой.*

*Так мальчик обрел семью и стал веселым.*

Михаил ЗОЩЕНКО

## БЕДНЫЙ ФЕДЯ

**В**одном детском доме находился мальчик по имени Федя. Это был очень грустный и скучный мальчик. Он никогда не смеялся. Не шалил. И даже не играл с ребятами. Он тихонько сидел на скамейке и о чем-то думал. И дети к нему не подходили, потому что им было неинтересно играть с таким скучным мальчиком.

И вот однажды воспитательница дала Феде книжку и сказала:

— Прочитайте вслух несколько строчек из этой книги. Я хочу узнать, хорошо ли вы читаете. Чтобы знать, в какой класс вас зачислить.

Федя покраснел и сказал:

— Я не умею читать.

И тогда все дети удивленно на него посмотрели. А некоторые даже рассмеялись. Потому что мальчику десятый год, а он читать не умеет. Это смешно, и странно. Воспитательница спросила Федю:

— Неужели же вы совершенно читать не умеете? Может быть, даже не знаете букв?

И, показав на букву «А», она спросила:

— Какая это буква?

Федя снова покраснел, потом побледнел и говорит:

— Я не знаю, какая это буква.

И тогда все дети громко рассмеялись. А учительница спросила:

— Как же так случилось, что вы до сих пор букв не знаете?

Федя сказал:

— Когда мне было пять лет, фашисты угнали нас в Германию. Меня и мою маму. И там мы работали на заводе. И там фашисты не учили нас читать.

Тут все дети перестали смеяться. А воспитательница спросила Федю:

— А где же теперь ваша мама?

Печально вздохнув, Федя сказал:

— Она умерла в Германии. Она была очень больна. И она лежала с высокой температурой. Но фашисты подняли ее штыками и заставили ее работать. И вот почему она умерла.

Воспитательница сказала Феде:

— Бедный мальчик. Ты не смущайся, что ты не умеешь читать. Мы тебя научим. И мы тебя будем любить, как родного.

И, обратившись к ребятам, она им сказала:

— Ребята, примите Федю поиграть в свои игры.

Но Федя отказался играть. И он по-прежнему сидел на скамейке скучный и бледный. И вот в один прекрасный день воспитательница взяла его за руку и повела к докторше. И сказала ей:

— Будьте добры, дайте этому мальчику какие-нибудь порошки для того, чтобы он был веселый и здоровый. И чтоб он играл с ребятами, а не сидел бы молча на своей скамейке.

Докторша сказала:

— Нет, таких порошков у нас не имеется. Но есть одно средство для того, чтобы он был здоровый и веселый и чтоб играл с ребятами. Это нужно, чтобы он засмеялся или хотя бы улыбнулся. И если это произойдет, вот тогда он и будет здоровый.

И вот все дети, узнав об этом, стали развлекать и смешить Федю. Они нарочно падали перед ним, чтоб он рассмеялся. Нарочно мяукали. Прыгали. И ходили на руках. Но Федя не смеялся.

Правда, он смотрел на все это, но улыбка не появлялась на его лице. И тогда дети стали придумывать особенные номера, чтоб рассмешить Федю. Например, один парнишка взял палку и этой палкой нарочно ударил себя по затылку. И он так звонко себя ударил, что все ребята рассмеялись. Потому что это было неожиданно и комично, что такой звон пошел.

Все ребята засмеялись. И только Федя не засмеялся. И этот мальчик, который сам себя ударил, тоже не засмеялся. Он так больно себя хлопнул, что ему было не до смеха. Он прямо чуть не заплакал. И, потирая свой затылок, убежал. И после этого неудачного номера ребята вот что придумали.

Они смяли кусок газеты и сделали небольшой бумажный шарик, вроде мяча. И привязали этот шарик кошке за лапку. За длинную нитку.

Кошка побежала и вдруг видит — бумажный шарик бежит за ней. Конечно, кошка бросилась к этому шарiku, чтоб схватить его, но шарик, который был на нитке, ускользнул от нее. Кошка прямо с ума сходила, чтоб поймать этот шарик. Она подпрыгивала, бегала, скакала, но шарика так и не могла схватить.

Правда, учительница запретила этот номер. Она сказала, что не следует так волновать животное. И тогда дети стали ловить кошку, чтоб отвязать от нее этот бумажный шарик. Но кошка решила сама отделаться от него. Она влезла на дерево, чтобы наконец не видеть его. Но, к ее удивлению, бумажный шарик тоже полез за ней на дерево.

Это было очень комично. И все дети так смеялись, что некоторые даже попадали на траву. Но Федя и тут не засмеялся. И даже не улыбнулся. И тогда дети подумали, что он никогда не будет здоровый, раз он не умеет смеяться. И воспитательница тоже самое подумала.

Но вот однажды в детдом пришла одна молодая женщина. Некто Анна Васильевна Светлова. Это была мамаша одного мальчика — Гриши Светлова. Она пришла за своим сыном Гришей, чтоб взять его домой на воскресенье.

Она пришла такая веселая. И сыночек ее тоже очень развеселился, когда ее увидел. Он забегал и запрыгал вокруг нее. И с удовольствием стал одеваться, чтоб идти домой. И они уже хотели уйти. Но тут Анна Васильевна увидела Федю, который сидел на скамейке и очень грустно на них смотрел. И он так задумчиво смотрел, что Анна Васильевна невольно подошла к нему и сказала:

— А разве ты, мальчик, не идешь сегодня домой?

Федя тихо сказал:

— Нет, у меня нету дома.

Гриша Светлов сказал своей матери:

— У него нету дома и нету мамы благодаря фашистам!

И тогда Анна Васильевна сказала Феде:

— Если хочешь, мальчик, пойдем с нами. Гриша закричал:

— Конечно, пойдем с нами. У нас дома весело, интересно.

Будем играть.

И тут вдруг все увидели, что Федя улыбнулся. Он чуть-чуть улыбнулся, но все это заметили, захлопали в ладоши и сказали:

— Bravo! Он улыбнулся. Он теперь будет здоровый.

И тогда Гришина мама, Анна Васильевна, поцеловала Федю и сказала ему:

— С этих пор ты каждое воскресенье будешь ходить к нам. И если ты захочешь, я буду твоей мамой.

И тут все заметили, что Федя второй раз улыбнулся и тихо сказал:

— Да, хочу.

И тогда Анна Васильевна взяла его за руку, а другой рукой взяла за руку сына. И они втроем вышли из детдома.

И с тех пор Федя каждое воскресенье ходил к ним. Он очень подружился с Гришей. И очень переменялся к лучшему. Он стал веселый и довольный. И часто шутил и смеялся.

И однажды докторша, увидев его таким, сказала:

— Он поправился, потому что он стал смеяться. Смех приносит людям здоровье.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. Как вы думаете, что вкладывал писатель в слово «бедный» по отношению к Феде?

2. Как случилось, что десятилетний Федя не только не умел читать, но даже не знал букв?

3. Почему врачи считали Федю больным и средством от болезни прописали улыбку?

4. Почему детям, стремящимся развеселить мальчика, не удалось это сделать?

5. Что вылечило мальчика от депрессии?

6. Какие чувства или воспоминания вызвал у вас этот рассказ? Бывало ли вам самим очень грустно, как вы выходили из этого состояния?

---

### **О рассказе Юрия Германа «Петька»**

*Как мы уже говорили, перу выдающегося ленинградского писателя Юрия Германа принадлежат не только романы и повести, любимые взрослыми читателями, но и произведения для детей. В разделе «Так началась война» вы уже познакомились с отрывком из его повести «Вот как это было».*

*Из произведений для детей на военную тему нам удалось разыскать рассказ «Петька», опубликованный в журнале «Костер» в номере 2 за 1944 год.*

*Рассказ «Петька» — о военных летчиках, которые давно не имеют вестей о своих семьях — их семьи остались на оккупированной врагом территории. Ничего не знают они и о судьбе своих детей.*

*По просьбе сотрудницы Детского дома каждый из офицеров усыновляет по мальчику и отдадут свое денежное довольствие, называемое «Аттестат», в фонд Детского дома.*

*Неожиданно офицер Иванов, навестивший Детский дом, узнает в одном из усыновленных своего собственного сына Петьку...*

Юрий ГЕРМАН

## ПЕТЬКА

(«Костер», 1944, № 2)

**В**ыйдя из машины и доложив майору Синцову все, что положено докладывать начальнику, Иванов потолковал с техниками, которые считали пробойны в плоскости, и, сокращая от нетерпения путь, зашагал снежной целиной к землянке. Сегодня был почтовый день, и кто его знает: вдруг и в самом деле письмо?..

В землянке горела сильная лампочка, и Иванов заметил, что лейтенант Кухаренко сразу же отвел в сторону глаза. Значит, почта была, но ему письма нет.

Поговорили о сегодняшних полетах, о сводке, о Ленинграде. Иванов хмурился, пил чай, думал о своем. Потом спросил:

— Никто из наших ничего не получал?

«Наши» — это были те самые, семьи которых остались на территории, оккупированной немцами. Кухаренко теперь не принадлежал к «нашим» — его жена нашлась.

— Нет, — сказал Кухаренко, — никто ничего не получал, так что я лично думаю, отчаиваться никогда не следует, может, еще и вырвалась.

Глаза Иванова засветились. Ему так хотелось, чтобы разговор об этом продолжался...

Слушая Кухаренко, Иванов согласно и понимающе кивал головой, поддакивал, а иногда вставлял свои замечания. Так они говорили до тех пор, пока из соседнего отделения не открылась дверь.

— Пожалуйста, сюда, товарищи! — простуженным голосом сказал капитан Хромов. — Тут у нас гость прибыл, вас просят.

В отделении капитана Хромова стояло и сидело несколько летчиков, и было так тесно, что Кухаренко и Иванов едва втиснулись и тотчас же отыскивали гостя. Это была небольшая девуш-

ка в теплом платке, очень румяная, с длинными ресницами и насупленными бровями. Она писала самопишущей ручкой на большом листке бумаги, а летчики диктовали ей свои фамилии, и в голосах у них было что-то не совсем обычное, немного даже торжественное. Девушка писала и деловито спрашивала:

— Какую сумму желаете переводить? Аттестат или деньгами будете переводить? Кто следующий?

— Следующие Иванов и Кухаренко, — сказал капитан Хромов. — Только они еще не знают, в чем дело.

Девушка отложила свою самопишущую ручку и стала объяснять, что по инициативе некоторых командиров многие товарищи усыновляют сейчас детей, потерявших родителей по вине фашистов.

— Я лично, — продолжала девушка, — представитель Детского дома имени товарища Крупской.

— Все понятно, товарищ Мухина, — сказал капитан Хромов, — короче — сироты! Кто желает, может усыновлять. Желаете, лейтенант Кухаренко?

— Желаю, товарищ капитан, — сказал Кухаренко.

— Мальчика или девочку?

— Все равно, — сказал Кухаренко. И улыбнувшись, добавил:

— Покурносее чтобы ребенок! Мы с женой очень курносых ребят уважаем.

Потом записали и Хромова.

Через несколько минут очередь дошла и до Иванова. Очень волнуясь, он сказал:

— Да, прошу меня тоже зачислить, передаю аттестат полностью.

— Не зарывайтесь, Иванов, — сказал Хромов, — что значит полностью? А сами на что будете жить? Семьдесят пять процентов он вносит.

Мухина все писала. Кончик носа у нее стал блестеть, на лбу выступил пот.

— Особые замечания будут? — спросила девушка.

— Да, — смущаясь, сказал Иванов, — попрошу заметить: если будет мальчик по имени Петр, Петька, то его мне... Так сказать, в усыновление. По возможности!

— Редкое имя, — с сожалением в голосе сказала Мухина, — не знаю даже, что и делать. Юриев у нас много, Май есть, Электрон даже, а вот Петька... Не припоминаю, есть или нет.

— В общем, это неважно. Это я так, совершенно между прочим.

— Не обязательно?

— Нет, конечно.

В землянке стало совсем тихо. Все понимали, почему Иванов сказал насчет Петьки.

Через несколько дней летчики получили пачку писем из Детского дома имени Крупской. Большими крупными буквами Мухина писала каждому в отдельности. Хромову она писала, что он получил мальчика Юрия, четырех лет, характер веселый, шалун, выговаривает все буквы, но после «эр» обязательно прибавляет «эл», например, не сковородка, а «сковорлодка», не граната, а «грланата». Хромов, прочитав эти строчки, захохотал.

— Это как же понять, товарищи командиры? Это значит, я теперь не капитан Хромов, а какой-то бог его знает «Хрломов»? А? Сковорлодка... Скажи пожалуйста!

Кухаренко получил курного Петра полутора лет, Иванов — Сергея. В письме Мухина писала, что так как желание насчет имени было не обязательным, а Кухаренко настаивал на курносом ребенке и значился в списке раньше Иванова, то Петр теперь усыновлен Кухаренко. Дальше шли подробности насчет Сережи: блондин, голубоглазый, серьезный, до сих пор не может опомниться от того, что пережил...

Через неделю Иванов был командирован в город Н. От 14 до 17.00 оказалось свободное время, и, побрившись в штабной парикмахерской, он поехал в Детский дом имени Крупской.

Няня провела его в приемную. Он сел на стул возле окна и стал ждать своего Сережу.

Наконец матовая стеклянная дверь отворилась, и няня ввела в комнату голубоглазого худенького мальчика.

— Вот, — сказала она, — вот вам Сереженька.

И, вложив руку мальчика в большую, сильную руку лейтенанта, быстро и тихо вышла, утирая на ходу слезы.

Несколько мгновений Сережа стоял перед летчиком, потом Иванов сказал ему: «Иди, брат, сюда», — и посадил его на колени, не выпуская теплой ладошки мальчика. Сережа сел и притаился как мышь. Сердце у Иванова билось так громко, что он слышал его удары и слышал, вернее, чувствовал рукой, как колотится маленькое сердце человека, сидевшего у него на коленях. Сережа молчал. Иванов тоже молчал, но сильные руки его

все крепче и крепче прижимали к груди тело Сережи, из глаз внезапным и неудержимым потоком полились едкие горячие слезы, в груди захрипело. Иванов попытался отвернуться, но не успел. Сережа увидел искаженное горем лицо, вцепился пальцами в гимнастерку у плеч, сказал: «Дяденька, ну, дяденька!» — и сам заплакал, глядя в глаза Иванову, и все теснее и теснее прижимался к нему.

Через несколько минут Иванов поднялся. Слезы облегчили его, теперь ему стало вдруг легко и спокойно на сердце. Сережу он держал на руках и вместе с ним пошел к двери, чтобы выполнить поручение капитана Хромова и Кухаренко — посмотреть их детей и доложить «подробно, толково и серьезно», как приказал капитан.

В дверях он встретил Мухину, и она тотчас привела ему того самого Юрия, который вместо Хромов говорил «Хрломов». Пока Иванов говорил с капитановым мальчиком, няня привела курносого Петю и сказала:

— А вот Петя, посмотрите, пожалуйста.

Что-то больно кольнуло Иванова, он вскрикнул и рванулся: перед ним на полу, насупленный и чем-то недовольный, стоял его Петька — один Петька из тысячи Петек, неподражаемый, курносый, лопухий, стоял и собирался зареветь. Иванов задохнулся, попытался поставить Сережу на пол, но тот вцепился в его шею что было сил и не отпустил.

— Час от часу не легче, — сказала няня, — ваш, что ли? Опознали?

— А мать где? — хриплым голосом спросил Иванов. — Жива?

— В больнице она тут, — сказала Мухина, — сейчас можно к ней поехать. Ничего, поправляется. Так ваш он, что ли? Вы хоть скажите!

Но Иванов не сказал. Он поставил Сережу, у которого дрожали губы, и быстро пошел из комнаты, дошел до середины, круто обернулся, посмотрел на Сережу, на Петьку и выскочил в раздевалку.

...Ночью, сонная, уже другая няня отворила ему тяжелую парадную дверь. Он спросил, где дети. Она поглядела на него как на сумасшедшего и сказала, что в эту пору все дети обычно спят.

— Это правильно, — поспешно согласился Иванов, — это точно. А товарищ Мухина тоже спит?

Мухину няня разбудила, и та вышла к Иванову.

— Нашли жену? — спросила она.

— Точно! — последовал ответ. — Теперь уже поправляется.

Помолчал и быстро добавил:

— Мы с женой решение приняли такое: хотя Петька мой нашелся, Сергея мы также усыновляем. Потому что Петька, по правилам, никем не может быть усыновлен, он ведь не круглая сирота, это жена моя просто так думала, что я уже на свете не живу и что пусть, коли она помрет, его летчики возьмут. Так что решение наше насчет Сережи не изменилось. А что касается до Кухаренко, то я так думаю, что ему ребенок еще найдется, кроме моего Петьки!

---

### Вопросы для обсуждения

1. *Какие разговоры вели летчики, собравшись вместе? Почему они так ждали писем от своих семей?*

2. *Как они встретили «гостью» из Детского дома? Почему так щедро отдавали ей свое денежное довольствие на содержание детей и были согласны усыновить сирот?*

3. *Почему летчику Иванову хотелось усыновить мальчика по имени Петька?*

4. *Какое чувство испытал он, увидев мальчика Сережу?*

5. *Почему автор называет Петьку «из тысячи Петек Петька»?*

6. *Поддерживаете ли вы решение Иванова, нашедшего своего сына Петьку в Детском доме, а жену в больнице, усыновить Сережу?*

---

### О рассказе Виталия Закруткина «Матерь человеческая»

*Виталий Закруткин (1908–1984) — русский советский писатель. Родился и долгие годы жил на Дону. По профессии педагог. Во время войны был корреспондентом фронтовой газеты. Литературной деятельностью занимался с 1933 года.*

*Самое известное его произведение о войне — повесть «Матерь человеческая», за которую он получил премию имени А.М. Горького. Первоначально это был рассказ, изданный в 1944 году. Позже писатель переделал и дополнил его, создав повесть под тем же названием.*

*В основе повести лежит реальный факт. «Ранней весной 1943 года, — пишет автор, — мы покинули забитую войсками дорогу и*

*поехали по степи, все больше удаляясь от магистральной дороги. В полдень мы въехали в черные развалины какого-то сожженного гитлеровцами хутора».*

*Там они и встретили единственную уцелевшую от погрома немцев женщину по имени Мария. Когда фашисты сожгли хутор, она поселилась в сохранившемся погребе, где и жила всю войну.*

*Здесь мы даем отрывок из повести, где говорится о том, как Мария вместе с прибившимися к ней собачками обнаружила в стоге сена семерых детей, бежавших из уничтоженного немцами поезда, в котором их везли из блокадного Ленинграда в эвакуацию. Женщина приютила их в своем погребе и спасла от голодной смерти...*

Виталий ЗАКРУТКИН

## **МАТЕРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ**

**Н**ичто не нарушало зимней тишины. Где-то очень далеко шли сражения, а здесь, в пустом, заснеженном поле, стояла тишина.

Вдруг Марии почудилось, что она слышит глухие, невнятные человеческие голоса. Мария прислушалась. Да, там, где стояла покрытая снегом копна сена, слышался детский плач, а два голоса, тоже детских, уговаривали кого-то, и Мария ясно услышала слова:

— Перестань плакать! Слышишь? Тебе говорят! Перестань, а то немцы придут, всех нас повесят...

Дружок и Дамка, наострив уши, поглядывали то на копну, то на Марию и всем своим видом показывали: в копне кто-то есть.

Мария предостерегающе подняла руку. Осторожно, стараясь не скрипеть снегом, пошла к копне. У самой копны остановилась, шепотом сказала собакам:

— Тихо!

Из копны послышался тот же слабый детский голос:

— Не плачь, Дашенька! Слышишь? Не плачь! Разве ты одна хочешь кушать? И Таня хочет кушать, и Наташа, и Лара, и Андрюша — все хотят кушать, а они, видишь, не плачут...

Обойдя копну, Мария увидела протоптанную в снегу тропу... Сердце Марии сжалось. «Дети! — мелькнула у нее мысль. — Ма-

лые дети! Заблудились... голодные...» Она наклонилась, разгребла сено. Увидела смуглое лицо худенькой девочки, ее широко раскрытые, полные страха карие глаза.

— Не бойтесь, деточки, — негромко сказала Мария. — Выходите! Немцев тут нет... Я одна... Тетя Мария меня зовут... Выходите, прошу вас...

Из копны вылезла черноглазая девочка лет тринадцати, такая изможденная и худая, что Мария дрогнула от жалости.

— Откуда вы, детки, и сколько вас тут? — спросила она, обняв девочку.

Девочка заплакала навзрыд, упала на снег, обхватила ноги Марии непослушными руками, невнятно залепетала:

— Нас тут много... Семеро... Мы из Ленинграда, из детского дома... Эвакуированные... Нас долго везли поездом, потом, когда немцы стали бомбить поезд, наши воспитатели были убиты и много детей сгорело... А мы, которые остались живыми, убежали... Бежали долго и заблудились... Нас было восемнадцать, осталось семеро... Одиннадцать умерло по дороге с голода — три девочки и восемь мальчиков... Не обижайте нас, тетечка... миленькая... нам всем очень холодно, и мы хотим кушать...

Опустившись на корточки, прижав к себе худое тельце едва прикрытой лохмотьями девочки, Мария забормотала, содрогаясь от рыданий:

— Голубяточки мои... Деточки родные... Выходите все... Все выходите... Я вас накормлю, напою, искупаю... Мы будем жить вместе... Я одна, совсем одна... и голоса человеческого давно не слышала...

Из копны стали вылезать дети. Худые, полуголые, забитые, придавленные страхом и голодом, с глазами, полными слез, они сгрудились вокруг рыдающей Марии, навзрыд заплакали сами, повисли на ее шее, на плечах, прижимались к ней, бились у ее ног...

Они шли по заснеженной степи гуськом. Впереди, неся на руках двух-, трехлетних детей — Дашу и Андрюшу — шла Мария. Черноглазая Галя — она в этой заблудившейся стайке была за старшую — тащила на спине совсем ослабевшую, уснувшую Олю, а белобрысая Наташа и две девочки — Таня и Лара, спотыкаясь, еле волоча ноги, брели сзади...

Весь вечер Мария грела на печке воду, поочередно искупала детей, помыла им головы, напоила всех теплым молоком и уло-

жила спать, а сама, поглядывая на спавших детей, принялась стирать их ветхие лохмотья.

Не спали только две старшие девочки — Галя и Наташа. Следя за Марией полузакрытыми глазами, они вздыхали, тихо ворочались, потом, не выдержав, стали шепотом, чтобы не разбудить спящих, рассказывать Марии о долгих и страшных мытарствах.

— Из Ленинграда наш детдом везли ночью на машинах, — шептала Галя. — Было очень холодно, и мы долго ехали по льду. Над нами летали немецкие самолеты, они бросали бомбы. Потом нас привезли на какую-то станцию, посадили в поезд, но никто не сказал, куда мы едем...

— А в Ленинграде все люди голодали и воды ни у кого не было, потому что немцы окружили город, — вспоминала Наташа. — Нашему детдому еще давали хлеб и повидло... маленький такой кусочек хлеба, как спичечная коробка, и чайную ложечку повидла... У нас умерло мало детей: только девять мальчиков и четыре девочки...

Галя прерывисто вздохнула:

— Когда немцы бомбили наш поезд, было так страшно, — сказала Наташа.

— Они налетели утром, мы все еще спали. Вскочили от взрывов, а вагоны уже горят и опрокидываются под насыпь.

Отвернувшись к стене, Галя заплакала.

— Не плачь, деточка, — сказала Мария. — Не плачь и ничего не бойся. Теперь все будет хорошо... У меня вот тоже сыночек был, Васенька... такой примерно, как вы... та немцы его повесили...

Мария тоже заплакала. Теперь Галя стала ее утешать:

— Не плачьте, тетенька, не надо. Вы же сами сказали, что теперь все будет хорошо.

Помолчав, Галя закончила горестный свой рассказ:

— Когда немцы разбомбили наш поезд, все дети разбежались кто куда.

Всего нас в поезде было сто шестьдесят. Кого убили, кто сгорел и куда девались остальные, мы не знаем... Мы долго шли степью, лесами. Ночевали где-нибудь в кустах или в копнах, чтоб немцы нас не нашли. Иногда заходили в деревни, и женщины плакали и давали нам хлеба, сала, яиц... Шли долго, много дней, и очень хотели пить. Один раз нашли пустые консервные банки, подвязали к ним проволоку. Получились ведрышки.

Когда приходили к пруду или к речке, набирали в них воду и несли с собой...

— А что ж вы, бедняжки, ели? — спросила Мария.

— Ели что придется. Картошку копали и грызли сырую, потому что спичек у нас не было и мы не могли развести костер. Семечки подсолнухов ели, разную травку и листья жевали. Нашли брошенный людьми сад, яблок с собой набрали.

— Ну, а те три девочки и восемь мальчиков, — спросила Мария, — они что? С голоду умерли?

— Да, — спокойно сказала Галя, — с голоду. Сначала у них началось расстройство желудка, они одной водой ходили, потом совсем ослабели и умерли за два дня. Мы их закопали, крестики из веточек на их могилах поделали, поплакали и пошли дальше...

Мария погладила темные волосы девочки, прижалась щекой к ее щеке.

— Спи, деточка, — сказала она тихо, — больше этого ничего не будет. Дождемся наших, и все будет хорошо...

Так семь маленьких странников, сирот из ленинградского детского дома, остались жить с Марией в ее теплом погребе. Вот Марии и пригодилось тряпье, которое она собрала в окопах, постирала и сложила про запас.

Несколько дней она возилась, обшивая полураздетых детей: пошила им платяшки, тапочки и шапочки из плотного шинельного сукна, раскроила и порезала полинявшие солдатские гимнастерки на портяночки, одела всех потеплее.

С приходом детей Мария как будто ожила: рассказывала им о хуторе, о приходе немцев, о смерти Ивана, Васятки и Фени, о том, как, ища человека, к ней стали сходитьсь коровы, собаки, овцы, лошади, куры, как слетелись на хуторское пожарище голуби.

Она по-прежнему ежедневно уходила на работу, наказав детям никуда не отлучаться, выходить из погреба только по крайней нужде и не разговаривать громко, чтобы не привлечь к себе внимания.

Несколько дней она кормила детей шами из соленого конского мяса, заправленной молоком кукурузной кашей, потом зарезала овцу, пять кур. На ее глазах изможденные дети стали поправляться, посвежели, на их худых, обветренных лицах появился румянец...

Маленький Андрюша первый назвал ее мамой. Однажды вечером, когда Мария вернулась с поля и спустилась в погреб, мальчик вскочил с нар, повис у нее на шее и радостно закричал:

— Мама пришла! Мама пришла!

А трехлетняя Даша повторила, захлопав в ладошки:

— Мама! Наша мама!

Скрывая слезы, Мария сказала:

— Ну да... мама... ваша мама... а то чья ж?

В этот же вечер Галя, Наташа, Таня и Лара, окружив Марию, спросили застенчиво:

— Можно, мы тоже будем называть вас мамой?

— А я и есть ваша мама, — глухо сказала Мария. — Был у меня один-единственный сыночек, а теперь вон вас сколько, и все славные, хорошие деточки...

Проходили зимние дни, долгие зимние ночи. В поле были метели, высвистывала ветрами снежная пурга. А в жарко натопленном, скрытом от людских глаз погребе всегда было тепло. Перед сном Мария рассказывала детям сказки или тихо-тихо пела любимую песню покойной своей матери:

Снежки, белые, пушисты,  
Покрывали все поля,  
Одного лишь не покрыли  
Они горя моего...

Притихнут, прижавшись друг к другу, дети, слушают грустные слова песни:

Есть кусточек среди поля,  
Одинешенек стоит,  
Он не сохнет, он не вянет,  
А листочков на нем нет...

Слезы льются из глаз Марии, вытирает она их украдкой, чтоб не видели ребята:

День тоскую, ночь горюю,  
Потихоньку слезы лью.  
Слезка капнет, снег растает,  
Травка вырастет на нем...

Несколько вечеров Мария рассказывала детям о своем колхозе, об угнанной немцами третьей бригаде, о каждом из хуторян в отдельности.

— Как немцы пришли, так все это добро порушили, спалили, а людей всех угнали неведомо куда, — с горечью сказала Мария. — Не стало нашей бригады, и колхоза не стало. Вывеску — и ту фашисты сорвали, бросили на землю и ногами затоптали.

— А мы вывеску вашу видели, она на дереве прибита, — сказала Наташа.

— Это я ее прибила, — задумавшись, сказала Мария. — Погляжу на нее — и перед глазами, как живые, встают наши люди и зеленые поля и сады. Один раз глядела я на эту вывеску, вспоминала все, чем мы до войны и до этого разорения жили, и так решила: не дам сгинуть бригаде. Сама за всех буду работать... Вот и работаю всю осень и почти всю зиму: подсолнухи режу, кукурузные початки ломаю.

— И много еще осталось убрать? — спросила Наташа.

Мария печально усмехнулась:

— Осталось начать да кончить, деточки. В бригаде у нас работали шестьдесят три человека, а теперь я одна...

Однажды вечером, вернувшись домой, Мария заметила, что старшие девочки шепчутся, поглядывая на нее просительно, вроде сказать что-то хотят. Наконец Галя решилась, подошла, тербя конец темной русой косички.

— Мы хотим вам помочь, мама, — сказала она, — вам трудно одной. А мы уже большие — Наташа вот, Таня, Лара и я. Оля будет оставаться с малышами дома, а мы четверо с вами в поле пойдем...

Пришлось Марии вновь заняться шитьем. Она порезала еще одну найденную в окопе шинель, пошила из сукна четырем девочкам валенки, вместо подошвы подшила конскую кожу, рукавички всем поделала, одела девочек потеплее, и пошли они с ней в поле.

— Ну вот, — сказала Мария, — это уже настоящая бригада. Теперь дело пойдет веселее. А за бригадира, деточки, доведется быть мне. У нас только один тесак, больше ничего нет. Значит, я буду резать подсолнухи. Галочка их к месту относить будет, а вы, Наташа, Таня и Лара, кукурузные початки будете ломать и в воронку складывать...

Так морозным зимним днем в степной глуши возродилась уничтоженная немцами третья бригада колхоза имени Ленина...

С приходом девочек работа в поле пошла значительно быстрее. За три недели обе бомбовые воронки были заполнены обломанными кукурузными початками. Росли бурты срезанных головок подсолнуха. Все в новой большой семье Марии было спокойно, мирно: старшие девочки ежедневно выходили с ней на работу, сытые малыши вели себя чинно, из погреба никуда не выходили, скотина вовремя была накормлена и напоена...

Марии казалось, что уже ничто не нарушит той жизни, которая затеплилась на мертвом хуторском пожарище, что вокруг вечно будет стоять ничем не потревоженная тишина и никто из людей никогда не появится в глухой, засыпанной снегом долине и на покинутых, всеми забытых полях на холме. Но однажды ночью, когда все дети и обе собаки мирно спали в жарко натопленном погребе, Марию разбудил глухой отдаленный гул. Она приподнялась на нарах, прислушалась. Грозный гул не утихал.

Мария встала, надела шинель, сапоги, повязала голову платком.

Тихонько, чтобы не разбудить детей, вышла из погреба, прикрыла люк. Ее охватил знобящий зимний холод. Луны не было. На темном небе мерцали звезды. За рекой, далеко на востоке, слабо трепетали красноватые сполохи.

Она не знала и не могла знать, что в эту зимнюю ночь там, далеко, у стен большого, разрушенного в непрерывных боях города на Волге, в гуле пушек, в бесновании минных разрывов и свисте пуль совершается то великое, что повернет, наконец, ход войны и принесет освобождение многим миллионам измученных, пострадавших людей.

Мария не знала этого, но она не могла не понять, что услышанный ею после стодневной тишины отдаленный гул пушек означает одно: что немцы откатываются на запад, а советские армии наступают. В эту морозную ночь слабая надежда на то, что скоро на хутор придут свои люди, впервые возникла в ее душе.

Утром она сказала детям:

— Слышите? Это идут наши...

**Вопросы для обсуждения:**

1. Как Марии удалось в копне сена обнаружить бездомных голодных детей?
2. Куда она их привела и что они рассказали ей о себе и о Ленинграде?
3. Как она начала с ними жить одной семьей и с какого момента они стали звать ее мамой? Чем они помогали Марии и чем она им?
4. Что она им рассказывала о своей жизни, какие песни напевала, как привлекла к работе в поле?
5. Как в степной глуши возродилась уничтоженная немцами рабочая бригада по уборке урожая?
6. Что означал отдаленный гул пушек, нарушивший тишину зимней степи? Почему Марии стало казаться, что скоро на хутор придут наши солдаты?

**Дополнительная литература**

- И. Василенко. «Приказ командира»*  
*В. Осеева. «Кочерыжка»*  
*А. Приставкин. «Трудное детство»*  
*А. Лиханов. «Последние холода»*  
*М. Пришвин. «Моя прекрасная мама»*

## РАЗДЕЛ 4

# ПАМЯТЬ СЕРДЦА

**Память ребенка, как и память солдата, — это его душевный опыт, оплаченный дорогой ценой.**

***Юрий Бондарев***

Гемба Андрей, 11 лет. **Танк пройдет везде!**



Война лишила сотни тысяч детей родного дома, родителей, близких людей. Они оказались в незнакомой обстановке, среди иной жизни. Чаще всего их вывозили из мест боевых действий и определяли в детские дома.

Постепенно дети привыкали к новым условиям жизни. Лишь память, подчас неожиданным ударом тоски, возвращала их в прошлое. Какая-то мелочь сегодняшнего дня мгновенной вспышкой воскрешала далекий, но близкий сердцу образ.

Память возвращала детей к прошлой жизни. Кого-то к теплоте домашнему уюту, кого-то в объятия отца, кого-то к ласке и голосу матери — спасительным для души ребенка.

Такие мгновения жизни ребенка, находящегося далеко от дома, писатели силой своего таланта сумели уловить и воссоздать в литературной форме.

#### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*Е. Боронина. «Мальчик из Севастополя»*

*А. Приставкин. «Фотографии».*

*М. Пришвин. «Козочка»*

---

### **О рассказе Екатерины Борониной «Мальчик из Севастополя»**

*Севастопольский мальчик Сережа оказался в блокадном Ленинграде. Нам неизвестно, по какой причине за год до войны они с матерью оказались оторванными от отца и мужа — главного инженера на военном корабле. Однако Севастополь не оставил мальчика.*

*В рассказе показано, как, сидя на песчаной куче во дворе разрушенного зенитным снарядом ленинградского дома, Сережа «рисует» Черное море и свой родной город. Он здесь, а душа его там. Тоска по дому соединилась с гордостью за Севастополь и отца, который сражается с немцами.*

*По ходу рассказа приходит сообщение, что отец его погиб при отступлении из города. Сообщает ему и матери об этом прибывший в Ленинград друг отца. В память о погибшем он привозит портсигар с горстью севастопольской земли, которую отец*

*мальчика, покидая при отступлении город, завещал вернуть в Севастополь.*

*Эту горсть земли вместе с портсигаром Сережа возвращает в свой нарисованный им на ленинградской земле Севастополь и водружает над ней красный флажок победы.*

*Сложное чувство тоски по дому, соединенное с болью за погибшего отца и с гордостью за него и за Севастополь, передано писательницей глубоко и сердечно.*

*Именно это чувство и должно, на наш взгляд, стать стержнем обсуждения рассказа.*

Екатерина БОРОНИНА

## **МАЛЬЧИК ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ**

(«Костер», 1942, № 7–8, с. 3–4)

**В**о дворе дома, искалеченного снарядом, играл мальчик. Он сидел на куче песка, перемешенного с кирпичным щебнем и кусками штукатурки, и деловито строил какие-то укрепления, траншеи. Мальчик разговаривал, за отсутствием слушателей, сам с собою.

— А вот это будет наше Черное море! — сказал он, разравнивая лопаткой песок вокруг своих построек. Подумав чуточку, он пальцем прочертил на ровной песчаной поверхности несколько зигзагообразных линий.

— А это волны на море.

Мальчик поднял несколько осколков стекол и положил их прямо на «Черное море». Ведь Черное море так чудесно сияло в летние солнечные дни.

Мальчик с удовлетворением оглядел свое произведение. Да, его Черное море сверкало и под ленинградским небом: солнечные лучи заиграли в осколках стекол.

Он приехал с мамой из Севастополя год тому назад. И папа тоже должен был приехать вслед за ними. Но началась война, и папа остался там, в Севастополе, на своем корабле.

Папа был самый главный инженер на корабле и всегда очень много работал. И за это папа получил орден «Знак почета».

Мальчик разыскал в куче мусора несколько щепок, дранок из-под штукатурки, и пустил их плавать по Черному морю.

Про самую большую щепку он сказал: «А это папин корабль» — поставил корабль носом к земле.

Во дворе никого не было. Неделю тому назад в дом попал восьмидюймовой снаряд и разрушил квартиры в трех этажах. Почти все жильцы выехали. Ребят во дворе не было. А взрослые, те, которые жили еще в доме, никакого внимания на кучи мусора и песка не обращали.

Конечно, они обратили бы внимание, если бы только узнали, что это не просто куча песка и кирпичных обломков, а прекрасные Крымские горы и все эти кусочки белой штукатурки на склоне их — это дома. Ведь там, в Севастополе, дома были белые-белые.

Мальчик нахмурился, лицо его стало серьезным. Он встал, поднял большой обломок кирпича и бросил его прямо в дома.  
— Бах! Бах! — крикнул он. — Фугасная!

Потом, подражая гулу самолета, обежал двор и вернулся к своему Севастополю.

— По фашистскому самолету — огонь! — скомандовал он. — Бах! Бах! Ура! Сбили!

Из окна первого этажа с вывороченными рамами послышался хриплый бой часов.

— Раз, два, три, четыре! — сосчитал мальчик. — Мама скоро вернется из школы.

Пора было идти домой, посмотреть, что делает бабушка. Она такая старая и слабая. Совсем не может спускаться по лестнице. Когда бывает обстрел или воздушная тревога, она никуда не выходит из квартиры.

Какая была холодная зима. Бр! Теперь, летом, совсем другое дело. Жарко, как в Севастополе (только небо там гораздо синее).

И в квартире у них стало совсем тепло, хотя стекла выбиты. Это ничего, что выбиты. Похоже, что живешь на палубе.

Все-таки, пожалуй, было пора забежать домой, посмотреть, как там бабушка.

Через несколько минут мальчик вернулся во двор. С бабушкой все было в порядке. А в руках у него был маленький красный флажок. Этот флажок подарил ему папа, еще там, в Севастополе.

Мальчик воткнул в вершину песчаной кучи. Порыв ветра взметнул над его Севастополем алый четырехугольник с золотым серпом и молотом.

В светлой голубой выси пронеслось звено истребителей, где-то далеко стрельнула зенитка, за ней вторая, третья. Снова стало тихо.

Часы в первом этаже хрипло пробили один час. «Полпятого. Мама сейчас придет».

Какая мама была грустная в последние дни и встревоженная. Она так беспокоится о папе. Все ждет телеграмму. А вот в прошлую субботу, нет, не в прошлую, а позапрошлую, мама сказала ему, когда он проснулся: «Сережа, Севастополь больше не наш. Фашисты взяли его».

И потом мама очень плакала. И бабушка тоже. Когда мама уходила в то утро в школу, она на прощание сказала: «Ничего, мальчик, мы вернем наш Севастополь обратно. Они его разрушили, а мы построим опять».

Скорей бы мама пришла. Он покажет ей свой Севастополь. Его немцам ни за что не взять! Папин корабль так будет стрелять, так стрелять.

Мальчик пододвинул щепочку, изображавшую папин корабль, ближе к берегу.

— Всем батареям правого борта бить по врагу! — строго сказал он. — Огонь! Огонь!

И воображаемые враги, страшные чудовища, осаждавшие его Севастополь, падали, гибли, умирали под снарядами папиного корабля.

Хорошо, если бы папа был здесь, в Ленинграде. Папа взял бы его на свой корабль и показал бы машины и пушки...

Над домом просвистел снаряд. Где-то поблизости послышался грохот разрыва. Потом опять свист, тонкий, звенящий. Снова разрыв. Обстрел района!

Мальчик не двинулся с места. Он только невольно вздрагивал, когда раздавался взрыв, похожий на сильный раскат грома.

«Ну вот, мама задержится. Сейчас нельзя ходить по улицам».

И он опять стал думать о Севастополе.

«Неужели фашисты живут в том самом доме, где он жил с папой и с мамой, в той же самой квартире?»

Ему хотелось заплакать от обиды, но очень простая мысль утешила его. Ведь все дома в городе разрушены, он слышал, как об этом говорили по радио, а раз все дома разрушены, значит, немцам теперь негде жить.

«А вдруг и в Ленинграде тоже ничего не останется, ни одного, ни одного дома. Ничего, кроме руин, а руины, как объяснила ему мама, это значит развалины».

Мальчик упрямо мотнул головой.

«Как же так? Нет, нет, это невозможно. Ведь Севастополь такой маленький, а Ленинград такой большой, в сто раз больше Севастополя. Конечно, в сто раз. А немцы стреляли по Севастополю целых восемь месяцев. Значит, для того чтобы превратить Ленинград в руины, нужно стрелять в сто раз больше. Сколько же это будет? В уме никак не сосчитать».

Он написал шепочкой на песке цифру «8», крестик (знак умножения), цифру «100» и поставил знак равенства. Мальчик долго шептал что-то про себя, морщил лоб, сгибал и отгибал пальцы и, наконец, справился с задачей: «800» — написал он.

— Вот, немцы глупые! — со смехом сказал он.

Обстрел района прекратился. Только где-то в выси, за легкими облаками, то гудел, как шмель, то замирал воздушный дозорный осажденного города.

Мальчик вышел со двора на улицу. Не идет ли мама? Но мамы не было видно, а у ворот стоял загорелый моряк с двумя золотыми нашивками на рукавах и разглядывал номер дома.

— Это дом десять? — спросил он.



— Десять. А вам какую квартиру?

— Квартиру шесть.

— Шесть? Это наша квартира. Вы, наверное, к маме. Она сейчас придет.

Да, моряку была нужна именно его мама и он обязательно ее дождется.

— А ты — Сережа? — спросил моряк и почему-то нахмурился и даже отвернулся, как будто ему неловко перед мальчиком.

— Пойдемте, пожалуйста, во двор, — предложил мальчик. Ему очень нравился этот загорелый, коренастый человек.

— А это что такое? — спросил моряк, показывая на кучу песка с красным флажком на вершине.

— Это Севастополь! — и мальчик хотел уже рассказать про все, но как раз в это время пришла мама.

Моряк отдал маме честь и крепко-крепко пожал ей руку.

— Я из Севастополя! — сказал он и как-то очень внимательно посмотрел на маму.

Мама стала вдруг бледная, и губы у нее задрожали.

— Он убит? — спросила она, и Сережа сразу понял, что мама спрашивает о папе.

Моряк наклонил голову, потом обнял маму и поцеловал ее.

— Так просил меня Николай Петрович! — тихо-тихо сказал он. — И сына тоже велел поцеловать.

Папин друг поднял Сережу на руки и поцеловал прямо в губы.

Потом они все трое сели на песок около его «Севастополя» и долго молчали. Мама не плакала, только лицо у нее очень похудело.

И папин друг рассказал, что Сережин папа со всем экипажем своего корабля целый месяц сражался за Севастополь на суше и вел себя как герой. В последний день, когда фашисты уже заняли почти весь город, он три раза водил свой морской батальон в атаку, и каждый раз немцы убегали от папиных черноморцев. Папу сильно ранило в левую руку. Краснофлотцы хотели увести папу, но он все равно остался. А потом самый главный начальник Севастопольской обороны прислал папе приказ, чтобы папин батальон и сам папа садились на корабль и уходили из города.

И вот, перед тем как уйти с суши на корабль, папа вынул свой портсигар, раздал все папиросы краснофлотцам, а сам

нагнулся и здоровой рукой набрал горсть земли и положил эту землю в портсигар. Потом папа встал на камень и сказал:

«Товарищи черноморцы, мои дорогие друзья. Мы сражались за этот город двести пятьдесят дней. Сегодня мы уходим отсюда. Но мы уходим ненадолго. Мы вернемся в этот город. И я положу эту горсточку севастопольской земли, — папа показал на свой портсигар, — вот здесь же, подле этого самого камня, на котором я стою перед вами. Если меня не будет на свете — пусть кто-нибудь из вас вернет эту горсть земли моему родному городу, городу, чья слава будет бессмертна в веках!»

И тогда краснофлотцы, весь папин батальон выстрелили в последний раз из своих винтовок по фашистам и крикнули: «Клянемся, командир, мы вернем эту землю обратно!»

А потом все они и папа сели на корабль и поплыли по Черному морю. Когда отплыли уже далеко от Севастополя, на корабль накинулось шестнадцать «Юнкерсов» и стали бросать бомбы. Одна ударила в корму, и папа был убит осколком.

Папин друг замолчал и достал из левого кармана кителя черный кожаный портсигар.

Сережа сразу узнал папин портсигар с красной рубиновой звездочкой на уголке.

Мама взяла портсигар и долго, долго смотрела на него, потом она открыла его и потрогала пальцами сухую серую землю с желтыми песчинками.

— Мамочка! — сказал Сережа. — Дай мне на минутку папин портсигар.

Мальчик вытащил из песчаной кучи флажок, осторожно вдавил в это же самое место портсигар и воткнул дровко флажка в драгоценную горсть папиной севастопольской земли.

И маленькое алое полотнище с золотым серпом и молотом снова взметнулось под порывом балтийского ветра над Севастополем, над его и папиным Севастополем.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как мальчик из Севастополя оказался, по-вашему, в военном Ленинграде? Поделитесь своими предположениями.

2. Как вы объясните, что мальчик, сидя на куче песка и щебня во дворе разрушенного ленинградского дома, «рисует» Черное море и Севастополь? Что они значили для мальчика?

3. Кем был его отец и что он делал в Севастополе? В чем заключалось его завещание?

4. Как встретили Сережа и его мать известие о гибели отца и мужа?

5. Как выполнил Сережа завещание отца? Как горсть севастопольской земли оказалась в ленинградской земле? Есть ли в этом какой-то символ?

6. О чем заставил вас задуматься этот рассказ?

---

### О рассказе Анатолия Приставкина «Фотографии»

**И вдруг открылся мне и поразил...  
Сиротский смысл семейных фотографий.**

*Николай Рубцов*

*Детский дом, где живут прибывшие из Москвы брат с шестилетней сестрой Людочкой, находится далеко от дома, от отца и матери, и от родных людей. Соединяют детей с их прошлой жизнью семейные фотографии, которые они регулярно разглядывают.*

*Среди фотографий они находят мать и отца, самих себя и тетю. Каждое разглядывание дает ощущение встречи с родными людьми, теплые воспоминания и вселяет надежду на скорое свидание с ними.*

*Трагичность ситуации состоит в том, что при каждой встрече «теряется» то одна, то другая фотографии: сначала матери, за ней отца, а затем тети. Выбывает из их жизни и надежда на встречу с дорогими людьми. Остаются фотографии только маленькой сестры и брата, которым предстоит долгая жизнь в Детском доме.*

*Печальный и вместе с тем жизнеутверждающий рассказ, в котором утрата не зачеркивает надежды на собственные силы. Заботливый и ответственный за сестренку старший брат и привязанная к нему Людочка — они вместе, а это уже семья, и она не погибнет.*

*Можно надеяться и нам, читателям, что жесткие казенные условия Детского дома не уничтожат душевной теплоты этой маленькой семьи и памяти детского сердца.*

Анатолий ПРИСТАВКИН

## ФОТОГРАФИИ

Мы жили далеко от дома, я и моя сестренка, которой было шесть лет. Чтобы она не забывала родных, раз в месяц я приводил сестренку в нашу холодную спальню. Сажал на кровать и доставал конвертик с фотографиями.

— Смотри, Люда, вот наша мама. Она сильно болеет.

— Болеет... — повторяла девочка.

— А это папа наш. Он на фронте, фашистов бьет.

— Бьет...

— Вот это тетя. У нас неплохая тетя.

— А здесь?

— Здесь мы с тобой. Вот это Людочка. А это я.

И сестренка хлопала в крошечные синеватые ладошки и повторяла: «Людочка и я. Людочка и я...»

Из дому пришло письмо. Чужой рукой было написано о нашей маме. И мне захотелось бежать из детского дома куда-нибудь. Но рядом была моя сестренка. И следующий вечер мы сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели фотографии.

— Вот папа наш, он на фронте, и тетя? и маленькая Людочка...

— А мама?

— Мама? Где же мама? Наверное затерялась... Но я потом найду. Зато смотри, какая у нас тетя. У нас хорошая тетя.

Шли дни, месяцы. В морозный день, когда подушки, которыми затыкали окна, покрывались пышным инеем, почтальонша принесла маленький листок. Я держал его в руках, и у меня мерзли кончики пальцев и что-то коченело в животе. Два дня я не приходил к сестренке. А потом мы сидели рядом, смотрели фотографии...

— Вот наша тетя. Посмотри, какая у нас удивительная тетя! Просто замечательная тетя. А здесь Людочка и я... Людочка и я...

— А где же папа?

Сейчас посмотрим.

— Затерялся, да?

— Ага. Затерялся.

И сестренка переспросила, поднимая чистые, испуганные глаза:

— Насовсем затерялся?

Шли месяцы, годы. И вдруг нам сказали, что детей возвращают в Москву, к родителям. Нас обошли с тетрадкой и спросили, к кому мы собираемся ехать, кто у нас есть из родственников. А потом меня вызвала завуч и сказала, глядя в бумаги:

— Мальчик, здесь на некоторое время остается часть наших воспитанников. Мы оставляем тебя с сестренкой. Мы написали вашей тете, спрашивали, может ли она вас принять. Она к сожалению...

Мне зачитали ответ.

В детдоме хлопали двери, сдвигали в кучу топчаны, скручивались матрацы. Ребята готовились в Москву. Мы сидели с сестренкой и никуда не собирались. Мы разглядывали фотографии.

— Вот Людочка. А вот я.

— А еще?

— Еще? Смотри, и здесь Людочка и здесь... И меня много. Ведь нас очень много, правда?

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как жилось детям в далеком от родной Москвы детском доме?

2. Что значило для брата и сестры разглядывание семейных фотографий?

3. Почему одна за другой исчезали фотографии — сначала мамы, потом отца, а затем и тети?

4. Зачем, по-вашему, брат утаивал от сестренки причину исчезновения фотографий?

5. Расскажите, как вы понимаете смысл заключительных слов рассказа, произнесенных мальчиком: «Ведь нас очень много, правда?».

6. Как вы представляете себе дальнейшую судьбу этой маленькой семьи?

---

### О рассказе М. Пришвина «Козочка»

Повесть известного писателя, классика детской литературы Михаила Пришвина (1873-1954) «Моя прекрасная мама» представляет собой цикл рассказов о ленинградских детях, эвакуированных в ярославскую область, в местечко, называемое Ботик.

*Оно находится на берегу Плещеева озера, вблизи русского города Переславля-Залесского.*

*В усадьбе хранится ботик Петра Первого, откуда и произошло название усадьбы и ее окрестностей.*

*В прекрасном белом каменном доме в советское время была устроена географическая станция. Во время блокады Ленинграда, как рассказывает сам Пришвин, сюда эвакуировали детей, чьи матери погибли в Ленинграде. Дети были сильно истощены, но наша простая и сильная природа пришла им на помощь.*

*По словам писателя, «к тому времени, когда запел соловей, детишки оправились, забегали, запели, защебетали». Помогало детям окрепнуть и участие самого Пришвина, который добивался от местных властей, чтобы они создавали детям нормальные условия для жизни в детском доме.*

*Из рассказов, составляющих повесть «Моя прекрасная мама», предлагаем рассказ «Козочка», наиболее характерный для всей серии рассказов.*

*Дети, вывезенные из Ленинграда в дошкольном возрасте, привыкли к взрослым воспитательницам и часто называли их мамами, забывая настоящих мам. Но не так все однозначно. Жизнь без родителей и далеко от дома, даже если она вполне благополучная, неожиданно давала знать о себе, возвращая в шемдящей памяти родные стены и образ «настоящей мамы».*

**Михаил ПРИШВИН**

## **КОЗОЧКА**

(из повести «Моя прекрасная мама»)

На Ботик стала ходить повариха, хорошая, ласковая женщина, Аграфена Ивановна: никогда к детям она не придет с пустыми руками и одевается всегда чисто, дети это очень ценят. Женщина она бездетная, муж пропал без вести на фронте. Поплакала, люди утешили: не одна ведь она такая осталась на свете, а на людях и смерть красна.

Очень полюбилась этой бездетной вдове в детдоме на Ботике одна девочка, Валя, — маленькая, тонкая, в струнку, личико всегда удивленное, будто молоденькая козочка. С этой девочкой стала Аграфена Ивановна отдельно прогуливаться,

сказки ей сказывала, сама утешалась ею, конечно, как дочкой, и мало-помалу стала подумывать, не взять ли и вправду ее себе навсегда в дочки.

На счастье Аграфены Ивановны, маленькая Валя после болезни вовсе забыла свое прошлое в Ленинграде: и где там жила, и какая там у нее была мама, и кто папа. Все воспитательницы в один голос уверяли, что не было случая, когда бы Валя хоть один раз вспомнила что-либо из своего прошлого.

— Вы только посмотрите, — говорили они, — на ее личико: не то она чему-то удивляется, не то вслушивается, не то вспоминает. Она уверена, что вы ее настоящая мама. Берите ее и будете счастливы.

— То-то вот и боюсь, — отвечала Аграфена Ивановна, — что она удивленная и как будто силится что-то вспомнить. Возьму я ее, а она вдруг вспомнит, — что ж тогда?

Крепко подумав, все взвесив, совсем было решила вдова взять себе в утешение Вальку, но при оформлении вдруг явилось препятствие. Хотя в детдоме все были уверены, что отец Вали погиб — об этом говорили и прибывшие с фронта бойцы: погиб у них на глазах, — но справки о смерти не было, значит, по закону нельзя было отдавать на сторону девочку.

— Возьмите, — говорили ей, — условно, приедет отец — возвратите.

— Будет вам шутить! — отвечала Аграфена Ивановна. — Дочку так брать страшно, все будет думаться: придет час и отберут. Нет уж, что уж тут, брать так брать, а так уж — что уж тут!

После этих слов повариха целый месяц крепилась, не заглядывала на Ботик. Но, конечно, дома, в своем желтом домике в Берендееве, тосковала по дочке. Плакала, а девочка тоже не могла утешиться ничем: мама ее бросила! А когда повариха не выдержала и опять пришла с большими гостинцами — вот была встреча! И опять все уговаривали взять условно, и опять Аграфена Ивановна упорно повторяла свое:

— Брать так брать, а то уж, что уж так-то брать!

Так длилось месяца два. В августе пришла бумага о смерти отца Вали, и Аграфена Ивановна увезла свою дочку в Берендеево...

Кого прельстит рыженький блеклый домик в три окошка, обращенный в туманы Берендеева болота!.. А Вале, девочке-сироте, было в рыжем домике все на радость. Валя ко всему

тянется, весело ей, как будто и в самом деле пришла в свой родной домик, к настоящей маме. Очень обрадовалась Аграфена Ивановна и, чтобы девочке свой домик совсем как рай показать, завела патефон.

Сейчас и на Ботике есть патефон, а в то время, когда Валю брали, дети там патефона вовсе не слышали, и Валя не могла помнить патефон вовсе. Но патефон заиграл. И девочка широко открыла глаза.

«Соловей мой, соловей, — пел патефон, — голосистый соловей...»

Козочка удивилась, прислушалась, стала кругом озираться, что-то узнавать, вспоминать...

— А где же клеточка?

— Какая клеточка?

— С маленькой птичкой. Вот она тут висела.

Не успела ответить, а Валя опять:

— Вот тут столик был, и на нем куколки мои...

— погоди, — вспомнила Аграфена Ивановна, — сейчас я их достану.

Достала свою хорошую куклу из сундука.

— Это не та, не моя!



И вдруг у маленькой козочки что-то сверкнуло в глазах: в этот миг, верно, девочка и вспомнила все свое ленинградское.

— Мама, — закричала она, это не ты!

И залилась... А патефон все пел: «Соловей мой, соловей...»

Когда пластинка кончилась и соловей перестал петь, вдруг и Аграфена Ивановна свое что-то вспомнила, закричала, заголосила, с размаху ударилась головой об стену и упала к столу и стонет и всхлипывает. Эта беда пересилила Валино горе, девочка обнимает ее, тербит и повторяет:

— Мамочка, милая, перестань! Я все вспомнила, я тебя тоже люблю, ты же теперь моя настоящая мама.

И две женщины, большая и маленькая, обнимаясь, понимали друг друга, как равные.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Хорошо ли жилось эвакуированным ленинградским детям в детском доме Ботика?

2. Как сложились отношения между Аграфеной Ивановной и девочкой Вале́й, потерявшей в войну родителей?

3. Чем объяснить, что Вале́я, никогда не вспоминая свою родную мать и свой дом, неожиданно вспомнила их?

4. Как восприняла Аграфена Ивановна воспоминания девочки?

5. Какое чувство вызвал у вас этот рассказ? Как вы видите дальнейшие отношения между Аграфеной Ивановной и Вале́й и их совместную жизнь?

### Дополнительная литература

Н. Андриенко. «Дети Ленинграда»

Н. Артюхова. «Светлана»

В. Бакин. «Детдомовские сороковые»

Ж. Браун. «Зорькина песня».

Л. Воронкова. «Девочка из города»

Т. Потапова. «Дети войны. Исторические хроники»

М. Шолохов. «Судьба человека»

## РАЗДЕЛ 5

# В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

**Замотанный старым платком,  
один в промерзшей квартире,  
Он смотрит на мир стариком,  
В неполные эти — четыре.**

*Ольга Христолюбова*

Журова Татьяна, 8 лет. ...Осталась одна Таня



О детях блокадного Ленинграда написаны сотни литературных произведений, десятки сборников рассказов. О некоторых рассказах мы уже говорили. Напомним: «Как на фронте» и «Юрка-пенек» Е. Катерли, «На ялике» Л. Пантелеева. Они касались темы ленинградских подростков, заменивших в городе отцов на рабочих местах.

А сейчас мы предлагаем рассказы о тех маленьких детях, которые остались в блокадном Ленинграде и «смерти смотрели в лицо». Кто-то из них вопреки невероятно трудным условиям вражеской блокады выжил, а кто-то умер от голода и холода или стал жертвой вражеского обстрела.

*Напомним основные даты блокады Ленинграда:*

**8 сентября 1941 года.** *Замкнулось кольцо блокады.*

**28 сентября 1941 года.** *Бомбардировке подвергся Дворец пионеров.*

**8 декабря 1941 года.** *Заводы Ленинграда начали изготавливать печи-временки для отопления квартир — «буржуйки».*

**17 декабря 1941 года.** *Начала действовать ледовая дорога через Ладожское озеро.*

**7 января 1942 года.** *Принято решение о расширении сети детских домов.*

**22 января.** *Начинается массовая эвакуация женщин, детей и стариков по льду Ладоги.*

**9 мая 1942.** *На Среднем проспекте Васильевского острова при артобстреле убиты 12 детей из детского сада, вышедших на прогулку.*

**1 сентября 1942 года.** *За парты село более 14 тысяч школьников.*

**4 декабря.** *Открылись детские столовые усиленного питания.*

**18 января 1943 года.** *Была прорвана блокада Ленинграда.*

**3 июня 1943 года.** *Началось вручение медалей «За оборону Ленинграда». Среди награжденных немало школьников.*

**17 октября 1943 года.** *Последний налет фашистской авиации на Ленинград.*

**27 января 1944 года.** *Завершение вражеской блокады.*

## Предлагаем обсудить рассказы:

Л. Пантелеев. «Маринка»

Ю. Яковлев. «Девочка с Васильевского острова»

---

### О рассказе Леонида Пантелеева «Маринка»

Рассказ Л. Пантелеева начат в блокадном Ленинграде, закончен в Москве, в госпитале летом 1942 года. Впервые автор читал рассказ по московскому радио осенью того же года. Рассказ вызвал огромное количество читательских откликов.

«Маринка» была опубликована в газете «Комсомольская правда» (5 марта 1943 года), затем одновременно в сборниках «Рассказы о маленьких и больших» (М., Советский писатель, 1948), «Рассказы о подвиге» (М., «Молодая гвардия», 1948).

Это рассказ о том, как война изменяла жизнь людей, и прежде всего детей, как повлияла на их внешний облик и внутреннее состояние. Речь в рассказе идет о шестилетней девочке Маринке из блокадного Ленинграда, которая жила с писателем в одном доме и по одной лестнице.

В рассказе описаны четыре встречи.

Первая (еще до войны) — на лестнице, когда писатель, живший на первом этаже, открывал ключом свою квартиру, а Маринка, раздумываясь после прогулки, поднималась выше, таща за собой большую куклу.

Вторая встреча была в его квартире, которую жильцы использовали под бомбоубежище. Война еще не коснулась по-настоящему детского сознания. Немцы казались девочке скорее чудищами из сказки, чем реальными людьми.

Когда писатель спросил, что бы она сделала, если бы в комнату вошел немец, девочка ответила, что она его ударила бы стулом, а если он сломается, то зонтиком, лампой, калошей...

Третья встреча произошла через четыре месяца, когда в Ленинграде стояла лютая зима. Такая же лютая она была и в квартирах. «На огромной кровати, под грудой одеял и одежды теплилась маленькая Маринкина жизнь».

На тот же вопрос ее взрослого друга, что бы она сделала, если бы в комнату вошел немец, Маринка, долго думая, ответила: «Я его укушу». И это было сказано так, что писатель подумал: «Я не позавидовал бы тому немцу, который отважился бы зайти в эту холодную, закопченную комнату».

*Последняя встреча была уже весной. Когда много могил пришлось писателю вырубать в промерзшей земле. И как рады были писатель и Маринка увидеть друг друга живыми. Он ей показался седым и старым, а она — такой худой и бледной, но готовой, чтобы порадовать друга, станцевать ему. Он пожалел ее силы и отказался. А на вопрос, когда разобьем фашистов, ответил: «скоро».*

*Свой ответ писатель посчитал присягой, которую он дал Маринке. А присяга, как известно, требует исполнения.*

Леонид ПАНТЕЛЕЕВ

## МАРИНКА

С Маринкой мы познакомились незадолго до войны на парадной лестнице. Я открывал французским ключом дверь, а она в это время, возвращаясь с прогулки, проходила мимо, вся покрасневшая, утомленная и разгоряченная игрой. Куклу свою она тащила за руку, и кукла ее, безжизненно повиснув, выражала крайнюю степень усталости и утомления.

Я поклонился и сказал:

— Здравствуйте, красавица.

Девочка посмотрела на меня, ничего не ответила, засопела и стала медленно и неуклюже пятиться по лестнице наверх, одной рукой придерживаясь за перила, а другой волоча за собой несчастную куклу. На площадке она сделала передышку. Еще раз испуганно посмотрела на меня сверху вниз, облегченно вздохнула, повернулась и, стуча каблучками, побежала наверх.

После этого я много раз видел ее из окна во дворе или на улице среди других детей. То тут, то там мелькал ее красивый сарафанчик и звенел звонкий, иногда даже чересчур звонкий и капризный голосок.

Она была и в самом деле очень красива: черноволосая, курчавая, большие глаза, — еще немножко, и можно было сказать про нее: вылитая кукла. Но от полного сходства с фарфоровой куклой ее спасали живые глаза и живой, неподдельный, играющий на щеках румянец: такой румянец не наведешь никакой краской, про такие лица обычно говорят: «кровь с молоком».

Война помогла нам познакомиться ближе. Осенью, когда начались бомбежки, в моей квартире открылось что-то вроде фи-

лиала бомбоубежища. В настоящем убежище было недостаточно удобно и просторно, а я жил в первом этаже, И, хотя гарантировать своим гостям полную безопасность я, конечно, не мог, площади у меня было достаточно, и вот по вечерам у меня стало собираться обширное общество — главным образом дети с мамами, бабушками и дедушками.

Тут мы и закрепили наше знакомство с Маринкой. Я узнал, что ей шесть лет, что живет она с мамой и с бабушкой, что папа ее на войне, что читать она не умеет, но зато знает наизусть много стихов, что у нее шесть кукол и один мишка, что шоколад она предпочитает другим лакомствам, а «булочки за сорок» (то есть сорокакопеечные венские булки) простой французской...

Правда, все это я узнал не сразу и не все от самой Маринки. А больше от ее бабушки, которая, как и все бабушки на свете, души не чаяла в единственной внучке и делала все, чтобы набаловать ее и испортить. Однако девочка была сделана из крепкого материала и порче не поддавалась, хотя в характере ее уже сказывалось и то, что она «единственная», и то, что она проводит очень много времени со взрослыми.

Застенчивость и развязность, ребенок и резонер — сочетались в ней очень сложно, а иногда и комично. То она молчит, дичится, жметя к бабушке, а то вдруг наберется храбрости и затараторит так, что не остановишь. При этом даже в тех случаях, когда она обращалась ко мне, она смотрела на бабушку, как бы ища у ней защиты, помощи и одобрения.

Между прочим, от бабушки я узнал, что Маринка ко всему прочему еще и артистка — поет и танцует.

Я попросил ее спеть. Она отвернулась и замотала головой.

— Ну, если не хочешь петь, может быть, спляшешь?

Нет, и плясать не хочет.

— Ну, пожалуйста, — сказал я. — Ну, чего ты боишься?

— Я не боюсь, я стесняюсь, — сказала она, посмотрев на бабушку, и, так же не глядя на меня, храбро добавила: — Я ничего не боюсь. Я только немцев боюсь.

Я стал выяснять, с чего же это она вдруг боится немцев. Оказалось, что о немцах она имеет очень смутное представление. Немцы для нее в то время были еще чем-то вроде трубочистов или волков, которые рыщут в лесу и обижают маленьких и наивных красных шапочек. То, что происходило вокруг — грохот канонады за стеной, внезапный отъезд отца, исчезновение шоко-

лада и «булочек за сорок», даже само пребывание ночью в чужой квартире, — все это в то время еще плохо связывалось в ее сознании с понятием «немец». И страх был не настоящий, а тот, знакомый каждому из нас, детский страх, который вызывают в ребенке сказочные чудовища — всякие бабы яги, вурдалаки и бармалеи...

Я помню, спросил у Маринки, что бы она стала делать, если бы в комнату вдруг вошел немец.

— Я бы его стулом, — сказала она.

— А если стул сломается?

— Тогда я его зонтиком. А если зонтик сломается — я его лампой. А если лампа разобьется — я его галошей...

Она перечислила, кажется, все вещи, какие попались ей на глаза. Это была увлекательная словесная игра, в которой немцу уделялась очень скромная и пассивная роль — мишени.

Было это в августе или в сентябре 1941 года.

Потом обстоятельства нас разлучили, и следующая наша встреча с Маринкой произошла уже в январе 1942 года.

Много перемен произошло за это время. Давно уже перестали собираться в моей квартире ночные гости. Да и казенные, общественные убежища тоже к этому времени опустели. Город уже давно превратился в передовую линию фронта, смерть стала здесь явлением обычным и привычным, и все меньше находилось охотников прятаться от нее под сводами кочегарок и подвалов.

Полярная ночь и полярная стужа стояли в ленинградских квартирах. Сквозь заколоченные фанерой окна не проникал дневной свет, но ветер и мороз оказались ловчее, они всегда находили для себя лазейки. На подоконниках лежал снег, он не таял даже в те часы, когда в комнате удавалось затопить «буржуйку».

Маринка уже два месяца лежала в постели.

Убогая фитюлька нещадно коптила, я не сразу разглядел, где что. Сгорбленная старушка, в которой я с трудом узнал Маринкину бабушку, трясущимися руками схватила меня за руку, заплакала, потащила в угол, где на огромной кровати, под грудой одеял и одежды теплилась маленькая Маринкина жизнь.

— Мариночка, ты посмотри, кто пришел к нам, деточка, ты открой глазки, посмотри...

Маринка открыла глаза, узнала меня, хотела улыбнуться, но не вышло: не хватило силенок.

— Дядя... — сказала она.

Я сел у ее изголовья. Говорить я не мог. Я смотрел на ее смертельно бледное личико, на тоненькие, как ветки, ручки, лежавшие поверх одеяла, на заострившийся носик, на огромные ввалившиеся глаза — и не мог поверить, что это все, что осталось от Маринки, от девочки, про которую говорили «кровь с молоком», от этой жизнерадостной пышущей здоровьем резвушка.

Казалось, ничего детского не осталось в чертах ее лица.

Угрюмо смотрела она куда-то в сторону — туда, где на закоптелых, некогда голубых обоях колыхалась витиеватая тень от дымящей коптилки.

Я принес ей подарок — жалкий и убогий гостинец. Кусок конопляной дуранды, завернутый, красоты ради, в тонкую папиросную бумагу. Больно было смотреть, как просияла она, с каким жадным хрустом впились ее мышинные зубки в каменную твердь этого лошадиного лакомства.

Воспитанная по всем правилам девочка, она даже забыла сказать мне «спасибо»; только расправившись наполовину с дурандой, она вспомнила о бабушке, предложила и ей кусочек. А подобрав последние крошки и облизав бумагу, она вспомнила и обо мне — молча посмотрела на меня и холодной ручкой дотронулась до моей руки.

— Бабушка, — сказала она. Голос у нее был хриплый, простуженный. — Бабушка, правда, как жалко, что когда мы немножко больше кушали, я не сплясала дяде?

Бабушка не ответила.

— А теперь, что, не можешь? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет.

Бабушка опустила на стул, заплакала.

— Боже мой, — сказала она. — Когда это все кончится только?!

Тут произошло нечто неожиданное. Маринка резко повернулась, подняла голову над подушкой и со слезами в голосе закричала:

— Ах, бабушка, замолчи, ты мне надоела! «Когда это кончится»?! Вот всех немцев перебьют, тогда и кончится...

Силенки изменили ей. Она снова упала на подушку.

Бабушка продолжала плакать. Я помолчал и спросил:

— А ты немцев все еще боишься, Маринка?

— Нет, не боюсь, — сказала она.

Пытаясь возобновить наш старый шуточный разговор, я сказал ей:

— А что ты станешь делать, если, скажем, немец вдруг войдет в твою комнату?

Она задумалась. Глубокие, недетские морщинки, сбежались к ее переносице. Казалось, она трезво рассчитывает свои силы: стула ей теперь не поднять, до лампы не дотянуться, полена во всем доме днем с огнем не найдешь.

Наконец она ответила мне. Я не расслышал. Я только видел, как блеснули при этом ее маленькие крепкие зубки.

— Что? — переспросил я.

— Я его укушу, — сказала Маринка. И зубы ее еще раз блеснули, и сказано это было так, что, честное слово, я не позавидовал бы тому немцу, который отважился бы войти в эту холодную и закоптевшую, как вигвам, комнату.

Я погладил Маринкину руку и сказал:

— Он не придет, Маринка.

Много могил мы вырубili за эту зиму в промерзшей ленинградской земле. Многих и многих не досчитались мы по весне.

А Маринка выжила.

Я видел ее весной сорок второго года. Во дворе на солнышке играла она с подругами... Это была очень скромная, тихая и благопристойная игра. И это были еще не дети, а детские тени. Но уже чуть-чуть румянились их бледные личики, и некоторые из них уже прыгали на одной ножке, а это очень трудно — держаться на одной ноге: тот, кто пережил ленинградскую зиму, поймет и оценит это.

Увидев меня, Маринка бросилась мне навстречу.

— Дядя, — сказала она, обнимая меня, — какой вы седой, какой вы старый...

Мы поговорили с ней, поделились последними новостями. Оба мы по-настоящему радовались, что видим друг друга — какими ни на есть, худыми и бледными, но живыми. Ведь не всякому выпала эта радость.

Когда мы уже простились, Маринка снова окликнула меня.

— Дядя, — сказала она, смущенно улыбаясь, — знаете что, хотите, я вам спляшу?

— Ого! — сказал я. — Ты уже можешь плясать?

— Да! Немножко могу. Но только не здесь. Пойдемте знаете куда? На задний двор, около помойки...

— Нет, Мариночка, не надо, — сказал я. — Побереги силенки — они тебе еще пригодятся. А спляшешь ты мне знаешь когда? Когда мы доживем с тобой до победы, когда разобьем фашистов.

— А это скоро?

Я сказал:

— Да, скоро.

И, сказав это, я почувствовал, что беру на себя очень большое обязательство. Это была уже не игра, это была присяга.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Какое впечатление произвел на вас этот рассказ? Какие образы и какие мысли он вызвал?

2. Какие встречи с Маринкой писателю и вам запомнились больше всего и почему?

3. Чем заинтересовала писателя эта девочка? Как вы думаете, зачем он рассказал нам о ней?

4. Как блокадная жизнь меняла облик девочки и ее внутренне состояние? Подтвердите примерами свой ответ.

5. Что для автора в общении с девочкой было игрой, и что присягой? Знаете ли вы дату, когда исполнилось взятое писателем обязательство?

---

### О рассказе Юрия Яковлева «Девочка с Васильевского острова»

Шесть лет Юрий Яковлев (1922–1996) служил в армии, был зенитчиком, защищая Москву. Его мать умерла от голода, не дожив до возвращения сына с фронта. Ей он посвятил поэму в прозе «Сердце Земли». Там есть такие строки: «Я глажу траву Пискаревского кладбища. Я ищу сердце матери. Оно не может истлеть. Оно стало сердцем земли».

Позднее он напишет мужественные и скорбные рассказы о войне «Там, где стояла батарея», «Зимородок», «Сретенские ворота», «Тяжелая кровь».

Отслужив свой срок в армии, Юрий Яковлев готовился к демобилизации, к возвращению в мирную жизнь. Но началась война, и он вернулся домой только после ее завершения.

*В своем творчестве он больше всего уделял внимание подросткам, их нравственному облику. Познавший, что такое фашизм, он был озабочен тем, чтобы люди не забыли о его античеловеческой сущности. Писателя заботило: как относятся нынешние подростки к людям, добывшим победу, хранят ли память о погибших.*

*Лейтмотив военной прозы Яковлева — «Нет на свете ничего страшнее забвения». Он полагал, что память нужна не столько ветеранам, сколько самим детям «ради строительства человека в себе».*

*Этой цели отвечает и предложенный нами для обсуждения рассказ писателя Юрия Яковлева. Он печальный, и в то же время жизнеутверждающий. Таня Савичева умерла, но жива память о ней, которая продолжает жизнь Тани в сердцах людей.*

**Юрий ЯКОВЛЕВ**

## **ДЕВОЧКА С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА**

**Умерли все. Осталась одна Таня.**

*Из дневника Тани Савичевой.*

*Ленинград, 1942 г.*

**Я**Валя Зайцева с Васильевского острова. У меня под кроватью живет хомячок. Набьет полные щеки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит черными пуговками... Вчера я отдубасила одного мальчишку. Отвесила ему хорошего леща. Мы, василюстровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо...

У нас на Васильевском всегда ветрено. Сечет дождь. Сыплет мокрый снег. Случаются наводнения. И плывет наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

У меня есть подружка — Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка... Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня еще не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой... Когда бабушка посылала Таню за

керосином, меня не было. И в Румянцевский сад она ходила с другой подружкой. Но я все про нее знаю. Мне рассказывали.

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнется, а все думают, что она забыла нужное слово. Моя подружка пела потому, что когда поешь, не заикаешься. Ей нельзя было заикаться, она собиралась стать учительницей, как Линда Августовна.

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол. «Дети, сегодня мы займемся с вами повторением...» И тут споткнется на слове, покраснеет и повернется к стене, хотя в комнате — никого.

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я нашла бы такого. Мы, василеостровские девчонки, кого хочешь найдем! Но теперь врач уже не нужен. Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Ее везли из осажденного Ленинграда на Большую землю, и дорога, названная Дорогой жизни, не смогла подарить Тане жизнь.

Девочка умерла от голода... Не все ли равно, отчего умирать — от голода или от пули. Может быть, от голода еще больнее...

Я решила отыскать Дорогу жизни. Поехала на Ржевку, где начинается эта дорога. Прошла два с половиной километра — там ребята строили памятник детям, погибшим в блокаду. Я тоже захотела строить.

Какие-то взрослые спросили меня:

— Ты кто такая?

— Я Валя Зайцева с Васильевского острова. Я тоже хочу строить.

Мне сказали:

— Нельзя! Приходи со своим районом.

Я не ушла. Осмотрелась и увидела малыша, головастика. Я схватилась за него:

— Он тоже пришел со своим районом?

— Он пришел с братом.

С братом можно. С районом можно. А как же быть одной?

Я сказала им:

— Понимаете, я ведь не так просто хочу строить. Я хочу строить своей подружке... Тане Савичевой.

Они выкатили глаза. Не поверили. Переспросили:

— Таня Савичева твоя подруга?

— А чего здесь особенного? Мы одногодки. Обе с Васильевского острова.

— Но ее же нет...

До чего бестолковые люди, а еще взрослые! Что значит «нет», если мы дружим? Я сказала, чтобы они поняли:

— У нас все общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок. Он набьет щеки...

Я заметила, что они не верят мне. И чтобы они поверили, выпалила:

— У нас даже почерк одинаковый!

— Почерк? — Они удивились еще больше.

— А что? Почерк!

Неожиданно они повеселели, от почерка:

— Это очень хорошо! Это прямо находка. Поедем с нами.

— Никуда я не поеду. Я хочу строить...

— Ты будешь строить! Ты будешь для памятника писать Таниным почерком.

— Могу, — согласилась я. — Только у меня нет карандаша. Дадите?

— Ты будешь писать на бетоне. На бетоне не пишут карандашом.

Я никогда не писала на бетоне. Я писала на стенках, на асфальте, но они привезли меня на бетонный завод и дали Танин дневник — записную книжку с алфавитом: а, б, в... У меня есть такая же книжка. За сорок копеек.

Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано:

«Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.».

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И если у подружки умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

— Давайте ваш бетон. Буду писать.

Кран опустил к моим ногам огромную раму с густым серым тестом. Я взяла палочку, присела на корточки и стала писать. От бетона веяло холодом. Писать было трудно. И мне говорили:

— Не торопись.

Я делала ошибки, заглаживала бетон ладонью и писала снова. У меня плохо получалось.

— Не торопись. Пиши спокойно.

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.».

Пока я писала про Женю, умерла бабушка.

Если просто хочешь есть, это не голод — поешь часом позже.

Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод — когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце — все, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает.

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942 г.».

У Леки был свой угол, отгороженный шкафами, он там чертил.

Зарабатывал деньги черчением и учился. Он был тихий и близорукий, в очках, и все скрипел у себя своим рейсфедером. Мне рассказывали.

Где он умер? Наверное, на кухне, где маленьким слабым паровозиком дымила «буржуйка», где спали, раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти. Леке не хватило лекарства...

— Пиши, — тихо сказали мне.

В новой раме бетон был жидкий, он наползал на буквы. И слово «умер» исчезло. Мне не хотелось писать его снова. Но мне сказали:

— Пиши, Валя Зайцева, пиши.

И я снова написала — «умер».

«Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942 г.».

«Дядя Леша 10 мая в 4 ч. дня 1942 г.».

Я очень устала писать слово «умер». Я знала, что с каждой страничкой дневника Тане Савичевой становилось все хуже. Она давно перестала петь и не замечала, что заикается. Она уже не играла в учительницу. Но не сдавалась — жила. Мне рассказывали... Наступила весна. Зазеленели деревья. У нас на Васильевском много деревьев. Таня высохла, вымерзла, стала тоненькой и легкой. У нее дрожали руки и от солнца болели глаза. Фашисты убили половину Тани Савичевой, а может быть, больше половины. Но с ней была мама, и Таня держалась.

— Что же ты не пишешь? — тихо сказали мне. — Пиши, Валя Зайцева, а то застынет бетон.

Я долго не решалась открыть страничку на букву «М». На этой страничке Таниной рукой было написано: «Мама 13 мая в 7.30 час. утра 1942 года». Таня не написала слово «умерла». У нее не хватило сил написать это слово.

Я крепко сжала палочку и коснулась бетона. Не заглядывала

в дневник, а писала наизусть. Хорошо, что почерк у нас одинаковый.

Я писала изо всех сил. Бетон стал густым, почти застыл. Он уже не наползал на буквы.

— Можешь еще писать?

— Я допишу, — ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз. Ведь Таня Савичева моя... подружка.

Мы с Таней одноклассницы, мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо. Не будь она василеостровской, ленинградкой, не продержалась бы так долго. Но она жила — значит, не сдавалась!

Открыла страничку «С». Там было два слова: «Савичевы умерли».

Открыла страничку «У» — «Умерли все». Последняя страничка дневника Тани Савичевой была на букву «О» — «Осталась одна Таня».

И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестренки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: «Почему одна? А я? У тебя же есть подруга — Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. Мы пойдем с тобой в Румянцевский сад, побегает, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учительницу Линду Августовну. У меня под кроватью живет хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?»

Кто-то положил мне руку на плечо и сказал:

— Пойдем, Валя Зайцева. Ты сделала все, что нужно. Спасибо.

Я не поняла, за что мне говорят «спасибо». Я сказала:

— Приду завтра... без своего района. Можно?

— Приходи без района, — сказали мне. — Приходи.

Моя подружка Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и ос-

тались в своем времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней.

А дружат ведь только с живыми.

...И плывет наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. *Что объединяло Валю Зайцеву с Таней Савичевой?*
2. *Почему Вале Зайцевой так важно было участвовать в строительстве памятника детям блокадного Ленинграда?*
3. *Как она добилась, что ее приняли в группу строителей?*
4. *В чем она оказалась незаменимой в этом строительстве?*
5. *С каким чувством Валя Зайцева писала на памятнике слова о смерти всех членов семьи Тани Савичевой?*
6. *Можно ли дружить с теми, кто погиб? Как вы понимаете такую дружбу?*
7. *Как вы понимаете слова: «навсегда остаться в своем времени»? Какое отношение они имеют к Тане Савичевой и ее подруге?*
8. *Что значит имя Тани Савичевой для вас?*

### **Дополнительная литература**

- В. Байков. «Память блокадного подростка»*  
*К. Добротворская. «Блокадные девочки»*  
*А. Крестинский. «Мальчики из блокады»*  
*Ю. Помозов. «Блокадная юность»*  
*В. Сулов. «50 рассказов о блокаде»*  
*М. Сухачев. «Дети блокады»*  
*Н. Чуковский. «Девочка и жизнь»*

## РАЗДЕЛ 6

# ПОД ВЛАСТЬЮ ОККУПАНТОВ

Грех и разоренье, кровь и униженье.  
Умирают сёла, как в костре поленья.

*Николай Григорьев*

Дюдюев Кирилл, 9 лет. **Дорога жизни**



В первые недели и месяцы войны Советская армия под натиском сильного, хорошо подготовленного к войне врага, вынуждена была отступить, чтобы набрать силы.

На захваченной территории гитлеровцы чувствовали себя хозяевами и устанавливали свои порядки. Непокорных уничтожали или отправляли в концентрационные лагеря, женщин с детьми насильственно угоняли в Германию на работу. Их целью было утратить и уничтожить как можно больше советских людей. Этому содействовал режим террора и убийства.

Рост сопротивления советских людей в тылу врага заставлял фашистское руководство снимать с фронта войска для действия на «покоренной» территории. Господство противника на захваченных им районах основывалось на военной силе и многочисленных карательных органах: гестапо, полиция, жандармерия. Несмотря на то, что враг пытался утратить местное население, сделать его неспособным к сопротивлению, уничтожал целые деревни, борьба с ним не прекращалась.

В этой борьбе участвовали и подростки. Многие из них помогали партизанам или уходили к ним в леса. Партизаны держали немцев в напряжении, вызывали страх у солдат и офицеров. Подростков, замеченных в связях с партизанами, немцы отправляли в концентрационные лагеря, называемые в народе лагерями смерти. Особенно прославился своими злодеяниями по отношению к узникам-детям лагерь Саласпилса.

Чтобы не травмировать детскую психику, литературу о зверствах фашистов над детьми в концлагерях и арбайтлагерях мы решили не давать для чтения и обсуждения. Ее мы указываем в дополнительном списке.

В данном разделе мы даем рассказы только о том, как вели себя немцы на оккупированной территории, как угоняли женщин и подростков на работу в Германию, какие взаимоотношения у них складывались с местным населением, с детьми, как росло у детей внутреннее сопротивление врагу и как они его реализовывали на деле. В дополнение к ним предлагаем рассказ Анатолия Митяева о том, какова была судьба деревень, в которых покорить местное население немцам не удалось.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*К. Федин. «Вася»*

*М. Зоценко. «Леночка»*

*А. Митяев. «Отпуск на четыре часа»*

*Е. Рыс. «Невольничий караван» (глава из повести «Девочка ищет отца»)*

---

**О рассказе Константина Федина «Вася»**

*Константин Федин (1892-1977) — известный советский писатель. Автор ряда крупных романов для взрослых. «Вася» — один из немногих его детских рассказов.*

*Ведущая идея творчества Федина — «человечность». Эта идея присутствует и в рассказе «Вася», где образ ребенка дан во взаимоотношениях его с людьми внутри семьи и с немцами, поселившимися в его доме. И хотя Вася еще мал, но он сумел спасти русских партизан, которые выгнали немцев из занятой ими деревни.*

*Дело происходит лютой зимой 1941 года. Немцы, выгнанные из деревни партизанами, залегли недалеко от нее, но не вынесли русского мороза и замерзли. Рассказ кончается тем, как деревенские ребята идут смотреть на «замороженных» немцев.*

*В рассказе нет убийства мирных жителей. Показано лишь, как немцы хозяйничают в чужом доме. Но внутреннее сопротивление им, поселившимся в доме, где жили десятилетний Вася и его бабушка, растет даже у ребенка. И как может, скрытно он помогает матери, ушедшей к партизанам.*

**Константин ФЕДИН**

**ВАСЯ**

(«Мурзилка», 1944, № 10–11, с. 6–9)

Это было, когда немец наступал на Москву. Вася запомнил сумерки, такие синие-синие, с одним розовым стеклом. Это то стекло, которое почему-то не замерзает в избе, а другие были покрыты елочками, звездами, папоротниками и синели с каждой минутой больше и больше. Он возился с котенком, все хотел положить его на спину, а котенок норовил перевернуться —

смешной, однобокий; на одном боку рыжая шерсть его склеилась от смолы: он лазил в подпол и вымазался в смоле, когда еще было тепло.

В это время пришла мать — и прямо к сундучку.

— Ты оставайся с Васюткой, — сказала она бабушке, — а я уйду...

Бабушка начала плакать, а мать молча вынула из сундучка белье да красное платье, взяла целый каравай хлеба, затянула все в узел и пошла к двери. С порога вдруг обернулась, прижала Васю к себе так, что ссадила ему кожу на носу об новую овчину полушубка, и он вскрикнул:

— Больно, мам!

— Васютка, Васютка... — сказала она и опять пошла из избы.

— Ты бы взяла его с собой! — всхлипнула бабушка.

— Куда его, он замерзнет! — ответила мать и захлопнула за собой дверь.

Бабушка велела Васе лезть на печку и, пока темнело, прибирала в сундучке, а потом тоже забралась на печку.

— Не спишь? — спросила она.

Вася не спал. И она сказала:

— Когда они придут, ты только знай помалкивай.

— Кто придет? — спросил Вася.

— Немцы. Будут тебя спрашивать, а ты вот так вот разводи ручками: стало быть, что ты ничего не знаешь.

— Про что будут спрашивать?

— Все равно про что. Ты только разводи ручками: вот так вот; А спросят, сколько тебе лет, скажи — восемь.

— Мне десять.

— А ты скажи — восемь. Все лучше — немного помене.

— А про себя ты сколько скажешь?

— Сколько мне-то? Про меня, чай, лучше сказать поболее...

Вася услышал, как котенок бросился за мышью, и, полежав, сказал:

— Упустил.

— Пымает, — отозвалась бабушка. — Ты спи...

Тогда, уже в полной темноте, Вася шепнул бабушке:

— Я знаю, куда мамка ушла: воевать с немцами.

— Ну и помалкивай, — рассердилась бабушка. — Я что тебе сказала!

И Вася тоже рассердился на бабушку, повернулся и уснул.

А на рассвете он услышал мужские голоса, которые тарабарили непонятно и смеялись. Вася высунул голову из-за печки и увидел трех немцев. Они разделись, составили ружья в угол, выложили на стол всякую всячину из сумок, а один из них, черно-волосый и черноглазый, с густыми усами, намыливал щеки белой пеной, обмакивая мазилку в Васину чашку с голубым ободочком.

Бабушка уже затопила печь. Один солдат ушел и долго не возвращался, а вернувшись, принес рябенькую курицу с перерезанным горлом, поднял ее над своей головой, и оба других солдата опять затарабарили и засмеялись. Черноусый посадил бабушку на лавку, велел щипать курицу. Вася сразу признал молодку — такие рябенькие, вроде цыцарок, выводились у соседей.

Пока бабушка ее щипала, немцы вынули из ящика трубу, похожую на козьи рога, только потолще и с тупыми концами, приладили ее на подпорку против того стекла, которое не замерзло, и стали поочередно глядеть в стеклышки под трубой.

Черный, отойдя от трубы, подошел к печке и увидел Васю.

— Н-на-на! — воскликнул он, прищелкнув языком.

Взяв Васю за руку, он стянул его на пол, присел на лавку, поставил Васю между своих раздвинутых колен и начал что-то выпрашивать. Вася ничего не мог понять и только смотрел на его черные усы, шевелившиеся, как веники, которые развязывают, а немец, прижав его локти к туловищу, все что-то талдычил непонятно. Наконец Вася разобрал слова:

— Папа, мама...

Он понял, о чем хочет знать немец, выпростал свои локти, развел руками, как его учила бабушка, и покосился на нее. Но она словно и не замечала Васю.

Немец легонько толкнул Васю, подвел его к трубе и велел смотреть в стеклышки. Вася ровно ничего не увидел и опять развел руками. Тут черноусый намусолил себе большой палец и провел пальцем по Васиному затылку против волос так больно, что Вася насилу удержался, чтобы не заплакать, и скорее опять полез на печь.

Солдаты велели бабушке спуститься в подпол и что-то приказывали ей, а она, выглядывая из подпола, мотала головой и твердила:

— А коли нет ничего, откуда я вам возьму?

Ее вытянули из подпола. Один немец спрыгнул туда, пошарил, достал корчагу, в которой засыпаны были золой яйца. Черноусый взял палку, стукнул бабушку по голове и закричал. Бабушка прикрылась платком.

«Вот была бы мама, — подумал Вася про черноусого, — она бы тебе...»

Солдаты стали вынимать из золы яйца. Черноусый засучил рукава, взял сковородку и принялся бить яйца. Вася насчитал ровно дюжину.

Так началась жизнь с немцами. В дверях, у косяка, стояла еловая палка с аккуратно отточенными сучками и с гладкой тяжелой шишкой вместо ручки. Палку эту скоро узнала вся деревня: черноусый брал ее с собой, а, если кто ему перечил, он пускал ее в ход.

Вася узнал, что рога со стеклышками называются стереотрубой, и научился немного понимать солдат.

— Васья, — звали они, — ком шау!

Это означало — поди погляди.

Вася подходил к трубе.

Когда первый раз он увидел в стеклышках заснеженный луг и в конце луга реденький березнячок с елочками вперемежку и когда этот хорошо известный Васе березнячок подскочил к самым глазам Васи близко-близко, он задрожал от радости и вспомнил маму, как она уходила в овчинном полушубке и с узелком: ему почудилось, что мама непременно откуда-то смотрит из березнячка и, может быть, уже рассмотрела, как Вася глядит на нее через стеклышки. Немцы допытывались от него, видит он или нет, и смеялись над ним, а он разводил руками, как учила бабушка.

Один раз немец пришел домой злой, хлопнул дверью и раздавил котенка. Другой солдат поднял котенка за хвост, помахал им над своей головой, как тогда рябенькой курицей, и бросил его на Васю. Котенку разможило голову. Мертвый, он был все такой же однобокий, только бок его был теперь намазан не смолой, а кровью.

У Васи выступили слезы. Он понес котенка на улицу хоронить и, закапывая его в сугроб за сараем, ясно-ясно вспомнил, как играл с ним в тот вечер, когда ушла мама. В это время немцы вынесли из избы стереотрубу, установили ее на треножник за воротами и начали по очереди прикладываться к ней. Сначала

они спорили, потом угомонились и попрыгивали с ноги на ногу, потому что мороз кусал очень сильно.

Черноусый посмеялся над Васей, передразнил, как он плакал о котенке, потянул его за нос и сказал:

— Нитшего, Васья. Ком шау!

Вася приложился к стеклышкам, опять увидел заснеженную равнину луга и за ней березнячок.

И вдруг у самого березнячка, в конце равнины, он заметил что-то странное. То здесь, то там пузырился снег: вскочит белевский пузырек над снегом, подержится, подержится и опять упадет. Потом целый рядочек пузырьков вскочит, появится и упадет.

И Вася чуть не вскрикнул, когда понял, что это лыжники в белых халатах двигаются цепью и то вскочат и побегут, то лягут в снег.

Немцы прыгали около Васи, грелись и пошучивали, а он, прижавшись к стеклам, смотрел, как далеко-далеко пузырится снег, и думал, как бы сделать, чтобы немцы не заметили, что такое там происходит у березнячка: наверно, там его мама.

Он потихоньку нажал валенком на одну ножку стереотрубы, увидел, что снег в стеклышках больше не пузырится, лежит ровно и оторвался от трубы.

— Нитшего, Васья? — спросил черноусый смеясь.

— Ничего, — ответил Вася и тоже засмеялся.

Немцы еще раз поглядели в трубу, ничего не увидели и, совсем заморозившись, пошли в избу.

Улучив минуту, Вася сказал бабушке, что он знает, что скоро придет мама.

— Я вот тебе! — припугнула бабушка. — Знаешь, так помалкивай!

И вот не успело стемнеть, как на реке внезапно затрещало, завыло, и немцы, все трое, схватив винтовки, неодетые, пояса через плечо, патронташи по карманам, вывалились на улицу. Треск и вой ненадолго прекратился, с реки прилетели разрозненные голоса:

— Ура-а!..

Немцы огрызнулись на этот крик из своих винтовок. Тогда на реке опять завыло и затрещало, и вой прошел несколько раз медленно по всей улице долгими вздохами и скрылся за деревней.

Рано поутру в избу явились два красноармейца в белых халатах.

Торопясь, сам себя перебивая, Вася рассказал им, что он еще вчера знал, что они придут, что он видел их через трубу, и спросил:

— Верно ведь, что теперь придет моя мама?

Про маму они ничего не могли сказать, а за то, что он догадался трубу сдвинуть с места, так что немцы ничего не увидели, похвалили его и трубу тоже похвалили, которую немцы впопыхах не успели захватить. Черноусый и палку свою еловую тоже оставил. И красноармейцы сказали:

— Давай, Вася, разделим с тобой трофеи пополам: мы возьмем себе стереотрубу, а тебе — палку.



Худож. А. Дроздов. «Хлеб войны»

На том и решили. Вася с красноармейцами сразу подружился и все, что знал про немцев, все им передал.

Один раз красноармейцы приходят и говорят:

— Половина немцев, которых мы из деревни прогнали, далеко не уехала — сидят на речке, в ольшанике.

— Зачем сидят? — спросил Вася.

— Понравилось у нас, вот они и сидят, — засмеялся один красноармеец, а другой спросил:

— Хочешь взглянуть? Пойдем!

Вася решил идти. Отпросился у бабушки за деревню, взял свой трофей — еловую палку — и пошел с красноармейцами на речку.

Прошли они недолго, с полчаса, знакомыми Васе местами. На повороте реки, где было много наезжено лыжами, красноармеец, с которым шел Вася, сказал:

— Это место мы их обошли, а вон там, пониже, в ольхе, они, видишь, сколько натоптали: думали окопаться.

Спустились в ольшаник и пошли по реке. Тут много было насорено ветками, весь снег был черный, кругом лежали поваленные деревья. Вася шел и постукивал палкой по деревьям, и стук подолгу держался в воздухе: сухая палка была звонкой.

— Видишь? — спросил красноармеец остановившись.

Вася сначала не понял, о чем его спрашивают. Тогда красноармеец приподнял его руку с палкой и показал на большую ольху, нависшую над рекой с берега. Вася посмотрел и обмер. Под корнем ольхи, повалившись друг на друга, спиной к спине, сидели два немца. Того, который сидел лицом к нему, Вася сразу узнал. Это был черноусый. Поземкой запорошило ему усы и одну щеку, волосы на голове его ершились, и он был почти такой, каким его Вася увидел первый раз в избе, когда он намылил щеки и брился, а потом ударил бабушку палкой. Он сидел, скорчившись, засунув пальцы в рукава куртки, и глаза его были наполовину открыты и мутно глядели на Васю.

— Это который у нас всех колотил палкой, — сказал Вася, оправившись от испуга.

— Отколотился, будет! — усмехнулся красноармеец.

Вася подошел к черноусому и стукнул его палкой по голове, и палка зазвенела в морозном воздухе, точно от удара по дереву.

— Ледяной, — сказал красноармеец.

— Нитшего, — проговорил, как немец, Вася и бросил прочь палку.

Она воткнулась в снег торчком, шишкой наверх. Вася долез до нее по снегу и хотел ее сломать о колено, но она не поддавалась. Вася вдруг со злобой сунул палку под ноги, втоптал ее хорошенько и, стоя на одном ее конце, изо всей силы потянул за другой вверх и переломил. Потом он далеко швырнул обломки, они зарылись в сугроб без следа, а Вася, не оглядываясь, пошел назад в деревню.

У околицы ему встретилась толпа мальчишек.

— Васютка, — закричали они, — катись домой, мать вернулась с партизанами! А мы — на реку — смотреть мороженных немцев.

Вася надвинул шапку и опрометью бросился вдоль деревни к своей избе.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как вы думаете, куда ушла мать Васи, торопливо захватив с собой узел с вещами и продуктами?

2. Почему она оставила десятилетнего сына Васю с бабушкой, а не взяла с собой?

3. Как бабушка учила внука вести себя при немцах, если они войдут в село? Как внук выполнял ее наказы?

4. Как вели себя немцы, поселившиеся в доме, где жили бабушка с внуком? Как они расправились с котенком, любимцем Васи, как отбирали у бабушки запасы еды?

5. Каким образом Вася сумел обмануть немцев, используя для этого стереотрубу?

6. Почему он догадался, что мама скоро вернется? Как это произошло на самом деле?

7. Что стало с немцами, которых партизаны выгнали из деревни?

---

### О рассказе Михаила Зощенко «Леночка»

*Идея независимости и человеческого достоинства была для Зощенко одной из ведущих. Эта идея, соединенная с мыслью, что маленький человек может быть сильнее взрослого, пронизывает и рассказ «Леночка».*

*Рассказ об ученице третьего класса, десятилетней Леночке, ведется от имени самого Зощенко, посетившего деревню, из которой*

*только что изгнали немцев. По тому, как выглядит эта деревня, вывод о бесчинствах оккупантов напрашивается сам собой. Об этом свидетельствуют сожженные дома, торчащие трубы, раскиданная крестьянская утварь.*

*А если прибавить к этому рассказ встреченного писателем на улице старого деда о том, как обращались немцы с деревенскими жителями, то можно, узнать скольких людей они убили и скольких отправили на каторгу. Дед уцелел оттого, что был печником, а боящиеся русского холода немцы нуждались в печниках, потому и сохранили его.*

*Однако речь в рассказе не столько о печнике, сколько о его десятилетней внучке Леночке. Рассказывая о ней писателю, дед гордится ею, что она, не в пример ему, держалась при немцах независимо, явно невзлюбив надменного немецкого генерала, поселившегося со своей собачкой в школе, где она училась. Этому генералу она и другие дети устраивали мелкие вредительства: вырыли «волчью» яму, чтобы он провалился в нее, выбили стекло в его кабинете, набили гвоздей в скамейку, где он обычно сидел, лишили его любимой собачки. Так дети преподнесли покорному деду урок гражданственности и непримиримого отношения к фашистам, державшим население деревни в рабстве.*

Михаил ЗОЩЕНКО

## ЛЕНОЧКА

**Я**шел по деревенской улице. Часть деревни была сожжена. Торчали трубы. Валялись разбитые телеги. Лежала обгорелая утварь.

Другая часть деревни была цела. Кое-где остались немецкие надписи. Эти надписи были на столбах, на заборах, на каком-то сарае.

Я шел вдоль тенистых садов, поглядывая на эти следы, оставшиеся от непрошенных хозяев. Мне захотелось с кем-нибудь поговорить. С каким-нибудь человеком, который был здесь при немцах и был свидетелем их жизни, их адского порядка, их бегства.

У плетня на скамейке сидел немолодой крестьянин. Седой. В розовой рубашке. В меховой шапке.

Я дал ему закурить. И мы разговорились. Но он неохотно и односложно отвечал на все мои вопросы. Он так отвечал:

— Сами знаете. Что об этом толковать. Все было. Расстреливали. Пороли розгами. Выказывали зверство на каждом шагу. Неохота об этом вспоминать.

Из ворот вдруг вышла маленькая девчурка. Белокурая. Миленькая. Курносая.

Увидев ее, старик просиял. Он сказал:

— Честь имею представить мою внучку Леночку. Ей десять лет.

Девчурка строго посмотрела на меня. Кивнула головой. Но руки не подала. И не подошла. Старик сказал:

— Нет, она не смущается. Но она занята. Торопится по своим делам.

Девчурка улыбнулась своему дедушке и солидно пошла по улице, заложив свои ручонки за спину.

Неожиданно засмеявшись, старик сказал мне:

— Между прочим, дети еще интереснее взрослых. Они показывают будущую страну. Взгляните, как идет моя внучка. Она выступает как взрослая.

— А как при немцах она держалась? — спросил я.

— Она независимо держалась. Буквально как и теперь, — ответил старик и снова засмеялся. Потом, немного помолчав, добавил: — Она великолепно держалась. Не хуже взрослых. Конечно, многие взрослые тут погибли при немцах. Многих немцы угнали к себе на каторгу. Лично же я уцелел. Но я отчего уцелел? Я им был нужен. Я печник. И я им переключивал печки. Они меня осенью вызвали и сказали:

— Приближается русская зима с ее суровыми морозами. Проверь все печки во всем доме. Почини. Переложу. Чтоб нам, немецким офицерам, зимой было тепло и уютно.

Нет, сначала я им не хотел переключивать. Боролся с самим собой. После думаю: «Своим отказом положения не улучшу. Ничего героического я не свершу. И только они меня за это повесят. И тогда в дальнейшем я уже не смогу сослужить службу своей стране». И значит, приступил к осмотру печей.

А немцы помещались в детской школе. Там был ихний штаб. Дом большой — бывшая помещицья постройка. В штабе у них был генерал. Три полковника. И разная другая мелкая немецкая

шушера. Все были исключительно нахальные. Любители выпить, закусить, повеселиться.

И только генерал не принимал участия в их веселье. И был этот генерал мне особенно противен. Он был очень такой гордый, надменный. Держался особняком. И кроме как со своей собачкой, почти ни с кем не разговаривал. Он любил и уважал эту свою немецкую собачку, с которой не расставался. Кушал с ней одновременно. Гулял с ней по саду. И во время работы держал ее в своем кабинете, где, может быть, советовался с ней по разным вопросам.

И вот я работаю в его кабинете. Перекладываю печку. И вдруг слышу собачий лай. Крики. И так далее. Гляжу в окно. Вижу — генерал барахтается в яме. Вижу — кто-то вырыл яму на садовой дорожке, прикрыл ее веточками и песком. И вот генерал, гуляя, провалился в эту волчью яму. А его собачка не провалилась. Она скачет вокруг ямы. Лает. Беснуется. Визжит. Но помочь генералу не в силах.

Бегут солдаты. Господа офицеры. Вынимают генерала из ямы. А он — бледный, дрожит. Воскликает:

— Партизаны, партизаны!

Я тоже сначала подумал, что это партизаны провалили генерала. Тем более, что три дня назад кто-то стекло выбил в генеральском кабинете. И кто-то гвозди набил в садовую скамейку. Так, что генерал напоролся на них.

После думаю: «А какой интерес партизанам такую неглубокую яму копать. Ведь генерал даже не разбился. Только испугался».

Вдруг в кабинет прибегает один их солдат. Говорит мне по-русски:

— Прекрати работу. Уходи. Завтра вызовем. Нынче генерал не в силах видеть русские лица.

Вышел я из сада. За садом рощица. Иду этой рощицей и вдруг замечаю, что ребяташки в кустах лежат. Школьники. И среди них моя внучка Леночка. Ученица третьего класса.

Поглядел я на ребяташек и сразу понял, кто вырыл волчью яму, кто стекло разбил и кто гвозди в скамейку натыкал.

Ребята говорят:

— Да, это мы произвели, но это еще мало. Мы третий день против генерала совещаемся. И пришли к новому решению — убрать с его пути собачку.

Леночка говорит:

— И тогда он расстроится и будет еще хуже воевать.

Всплеснул я руками. Говорю:

— Ребятки, ничего этим не добьетесь. Только озлобите генерала. И начнет он вас хватать, поскольку поймет, чье это поведение.

Говорю это, а сам прямо плачу, страшусь за их судьбу.

А Леночка мне говорит:

— Не мешай нам, дедушка, своими причитаниями. Мы сами знаем, как нам поступить против тех, кто занял нашу школу.

Думаю: «Боже мой. Я, старый хрен, печку генералу перекладываю, а тут ребята преподают мне гражданский урок».

Говорю ребятам:

— Дети, может и мне печку как-нибудь так переложить, чтоб генерал задохся и угорел.

Дети говорят:

— Нет, дедушка, из этого ничего не получится. Немцы проверят печку и тебя посадят в тюрьму. Лучше придумай что-нибудь другое и потом нам скажи.

И вот стал я думать, что бы мне такое произвести, чтобы от ребят не отстать. Но тут вскоре узнается, что Красная Армия произвела на немцев натиск и теперь приближается к нашим местам. И тогда немцы поспешно снялись и ушли из нашей деревни.

А за два дня до этого генеральский песик все же исчез. Ребята выпустили в сад какую-то свою собаку. Немецкий пес побежал за ней и уже обратно не вернулся — ребята его задержали.

При всей своей горячей любви к собаке генерал не стал ее разыскивать. Орудия грохотали слишком близко. И тут генералу было не до собачки.

Старик замолчал. Потом, поглядев на меня, добавил:

— И с тех пор мое уважение к Леночке еще того более увеличилось. Вот почему я весь сияю, когда вижу эту мою внучку.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. Как выглядела деревня, захваченная, а потом брошенная «непрошенными хозяевами»?

2. Чем объяснить уважительное отношение к Леночке со стороны деда?

3. Как она и другие ребята держались при немцах? Из чего это видно?

4. Почему деду при немцах удалось выжить?

5. Какой вред дети наносили немецкому генералу и другим немцам? Почему генерал принял детское вредительство за деятельность партизан.

6. Какой гражданский урок преподнесли деревенские ребята старому печнику?

---

### О рассказе Анатолия Митяева «Отпуск на четыре часа»

Этот рассказ мы даем в порядке исключения из общего правила. Он написан не во время войны, а уже после нее очень авторитетным в военной теме писателем, пишущим для детей. Классикой считаются его произведения «Книга будущих командиров» и «Книга будущих адмиралов».

Анатолий Митяев (1924—2008) добровольцем ушел на войну, не дождавшись своего совершеннолетия. Воевал на Брянском, Волховском, Северо-Западном и Белорусском фронтах.

После войны работал в газете «Пионерская правда» и в журнале «Мурзилка». Своими рассказами о войне он искренне дорожил. Считал их лучшей частью того, что он написал.

В предлагаемом для обсуждения рассказе описано впечатление солдата от родной деревни Яблонцы, недалеко от которой воевала его часть. В порядке поощрения ему дали отпуск на четыре часа, чтобы он навестил своих родных — мать, жену и дочь.

Однако встретиться с ними солдату не удалось. Родной деревни больше не существовало. Из всех живых на холодном пепелище осталась только кошка Дуняшка, не покинувшая место, где когда-то стоял дом, в котором она жила вместе с хозяевами.

Анатолий МИТЯЕВ

### ОТПУСК НА ЧЕТЫРЕ ЧАСА

(публикуется в сокращении)

Солдату чаще всего приходилось воевать вдали от дома... Однако бывало, что солдат защищал или отбивал у врага свой родной город, свою родную деревню... В родных краях оказался и Василий Плотников. После того как закончился бой и фашис-

ты отступили, солдат попросил у командира разрешение — сходить в деревню Яблонцы. Там его дом. Там осталась жена с маленькой дочкой и старенькая мама.

Деревня Яблонцы была небольшая, но уж очень красивая. Она часто снилась солдату Плотникову. Под высокими старыми ветлами, как под зеленым шатром, в прохладной тени стояли крепкие дома — с резными крылечками, с чистыми скамеечками перед окнами. За домами были огороды... За огородами стояли сады. Зрели в них яблоки — какие только пожелаешь... И люди — прохожие ли, проезжие, чей путь был в стороне от Яблонцев, — сворачивали с дороги, заходили, заезжали туда. Наедались яблоками вдоволь, с собой захватывали. Щедрая была деревня, добрая. Как-то она теперь?

Василий Плотников торопился. Чем скорее дойдет до деревни, тем больше времени будет на свидание с родными. Все тропки, все дорожки, все овражки и бугорки были известны ему с детства. И вот, через час с небольшим, увидел он с высокого места Яблонцы. Увидел. Остановился. Глядел.

Не было над Яблонцами зеленого шатра. Вместо него была растянута в небе черная изорванная паутина: листья на высоких ветлах сгорели, ветки тоже сгорели, а сучья обуглились, они-то и расчертили небо черной паутиной.

Сердце у солдата Василия Плотникова сжалось, заболело. Что было сил он побежал к деревне. Словно хотел чем-то помочь своим Яблонцам. А помочь ничем уже было нельзя. Стали Яблонцы пепелищем. Прокаленная земля была засыпана серой, как дорожная пыль, золой, усеяна головешками. Среди этого праха стояли закопченные печи с высокими трубами...

Непривычно и жутко было видеть кирпичные трубы такой высоты. Печи казались живыми существами, какими-то огромными птицами, тянувшими длинные шеи в пустое небо. Птицы хотели взлететь в страшную минуту, но не успели и остались, окаменевшие, на месте.

Солдат легко отыскал и узнал свою печку. Он ходил по пепелищу, отыскивал железные остатки дома: дверные ручки, крючки, большие гвозди. Находил все это, покрытое бурой окалиной, брал в руки, разглядывал — как бы спрашивая о судьбе хозяев. Ответа не было.

Плотников представил себе, как нагрянула в Яблонцы команда фашистов, особая команда. Они выскочили из грузови-

ков с канистрами бензина. Обливали бензином стены. А потом шел фашист-факельщик. И поджигал дома — один за другим. Сначала и до конца деревни. И в это же время, а может чуть раньше или чуть позже, вражеский танк проехал по садам, ломая яблони, вминая их в землю...

Солдат собрал грудкой кирпичи, сдул с них золу, сел. И так, сидя, не сняв вещевой мешок и автомат, думал горькую думу. Он не сразу почувствовал, что кто-то прикасается к голенищу сапога. А когда посмотрел на сапоги, увидел кошку — серую с белой грудкой, свою кошку Дуняшка.

— Дуняшка! Ты откуда тут, Дуняшка?

Он взял ее под живот растопыренной пятерней, посадил на колени и стал гладить.

Дуняшка прижалась поплотнее к хозяину, закрыла глаза, замурлыкала. Мурлыкала тихо, спокойно. И показалось Плотникову, что кошка знает, как трудно на войне людям, как тяжело у него на сердце. Знает она и о том, где жена солдата, дочка и мать. Они живы, укрылись в лесу от фашистов, а главная их печаль — не о сгоревшем доме, а о нем. Жив ли он, солдат Василий Плотников? Если жив, то и они проживут. Вот увидят, что нет фашистов, что Советская армия прогнала их и придут из леса в деревню. Выкопают на зиму землянку. Будут терпеливо ждать конца войны, возвращения солдат. Солдаты вернутся, построят все новое. И сады посадят.

— Где же ты была, Дуняшка, когда Яблонцы горели? И как же сильно любишь ты свой дом, если не уходишь от него, сгоревшего?

Кошка слушала человеческий голос и все вела свою песенку — не громче, не тише, не быстрее, не медленнее, словно уговаривала солдата не печалиться без меры.

Время шло. Пора было возвращаться в часть. Солдат покрошил в обломок глиняной миски хлебушка. Потом горелым гвоздем выцарапал на печке: *«Я живой. Дома вас не застал. Пишите. Полевая почта 35769. В. Плотников»*

Кошка доела хлеб. Подобрала еду до последней крошечки. Сидя у глиняного черепка, принялась умываться — лизала лапку розовым языком, лапкой терла мордочку.

«Хорошая примета, — подумал солдат. — Это — к гостям... Кошка гостей замывает. А кто гости? Конечно, жена, дочка и мама — хозяйки сгоревшего дома. От такой мысли стало солда-

ту полегче. И пришли другие мысли: как сядет он с товарищами в грузовики, как нагонят фашистов и начнут новый бой. Будет он стрелять из автомата, бросать гранаты, а если кончатся боеприпасы, убьет фашиста простым кулаком...

— Ну, прощай, Дуняшка! Мне пора.

Кошка посмотрела в глаза хозяину. Встала. И когда он зашагал по пепелищу, побежала рядом. Бежала довольно долго. Остановилась за обгоревшими ветлами, на зеленом бугорке. Оттуда провожала солдата взглядом. Солдат оборачивался, каждый раз видел на зеленом бугорке серый комочек с белым пятнышком.

Войска, в которых был батальон Василия Плотникова, наступал очень хорошо, гнали и гнали фашистов. Письмо из дома он получил, когда от Яблонцев ушли на целые полтысячи километров.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как удалось солдату Плотникову на четыре часа вырваться в родную деревню?
2. Какой увидел солдат свою деревню издали и вблизи?
3. Какие предположения он сделал о том, кто, как и почему уничтожил деревню?
4. Какие думы приходили ему в голову, когда он сидел на пепелище своего дома? Почему автор называет их «горькие думы»?
5. Как кошка Дуняшка встретила и проводила солдата, какую надежду ему подала? Какие мысли пробудила? Какое письмо он написал родным?
6. Какой бы рисунок вы нарисовали под впечатлением от этого рассказа?

---

### О рассказе Евгения Рысса «Невольничий караван»

*Евгений Самойлович Рысс — детский советский писатель и сценарист (1908–1973), автор более 20 повестей для детей младшего и среднего школьного возраста. По повести, относящейся к Великой Отечественной войне, отрывок из которой мы предлагаем для обсуждения, была создана пьеса, которая долгое время шла в московском ТЮЗе.*

*Первое произведение для детей Евгений Рысс написал еще в 1938 году. Повесть «Девочка ищет отца» была начата писателем в*

конце войны, а издана в 1946 году. Как утверждал сам писатель, главным героем повести является Правда.

Особенно злобно фашисты были настроены по отношению к членам семей офицеров советской армии. Отец Леночки, которая оказалась свидетельницей, как гитлеровцы угоняли ее односельчан в Германию, был известный генерал, о котором даже слагали песни.

Предлагаемый отрывок из повести — это шествие невольничьего каравана, в котором среди других — женщин и подростков — Лена увидела своего брата Колю. Ее впечатления от этого шествия переданы через крики тех, кого угоняли, и тех, кто с ними расставался.

Этот хор голосов — яркое свидетельство человеческой драмы. Но в данном случае это шествие оказалось трагичным для самих немецких охранников, сопровождавших караван. Партизаны, находящиеся в засаде, рискуя собственной жизнью, застрелили охранников, освободили угоняемых в рабство людей и увели их в лес.

Евгений Рысс

## НЕВОЛЬНИЧИЙ КАРАВАН

(глава из повести «Девочка ищет отца»)

...Лена выросла на оккупированной гитлеровцами земле, и ей не надо было объяснять, что это за странный караван идет по дороге. Это угоняли людей на работу в Германию. По обочинам шоссе шли трясущиеся от старости старики и старухи и маленькие дети.

Караван подошел совсем близко, и Лене теперь было все видно и слышно.

Солдаты шли размеренным шагом, не обращая внимания на крики и разговоры плачущих, прощающихся друг с другом людей.

— Мама, мама! — кричала девушка, шедшая в караване, старушке, тащившей за руку маленького мальчика трех или четырех лет. — Смотри, чтобы Володенька в колодец не упал, и вели ему мать помнить. Слышишь, мама? А если отец вернется, расскажи ему, как меня увели. Слышишь, мама, обязательно расскажи.

Старушка, кажется, была совершенно глуха, да и человеку с очень хорошим слухом трудно было бы разобраться в этих перебивающих друг друга криках и разговорах. Но старушке и не надо было слышать. Она и так хорошо понимала, о чем может говорить ее дочь, уходящая в чужую страну, в неволю.

— Да, да, — повторяла она, — слышу, Нюрочка, слышу. Все, Нюрочка, сделаю.

— Дедушка, — кричал мальчик лет четырнадцати, — если ба-тя придет, вы ему расскажите, пусть идет в Германию меня отбивать! Я его ждать стану. Слышите, дедушка?

— Слышу, слышу, — отвечал старик. — Если придет, пойдет отбивать.

Молодая девушка, хромая на одну ногу, ковляла по обочине дороги и кричала прощальные слова подруге, которая шла в караване. Как, наверное, подруга завидовала ей, что она хромая и поэтому ее не угонят в неволю!

Взявшись за руки, в караване шли двое, мать и дочь, а младшая дочь бежала по обочине дороги.

— Вы вернитесь, — кричала она сестре и матери, — вы вернитесь, а то я тут пропаду одна!

— Вернемся, вернемся, — кричала мать, а сама думала: «Где уж мне вернуться». — Может, тебе добрые люди помогут.

Конвойные шли не спеша, равнодушно поглядывая вокруг и обращая столько же внимания на крики, слезы и плач, сколько внимания обращает лошадь на монотонное жужжание мух. И так же лениво, как лошадь отмахивается хвостом, вскидывали они автоматы, когда кто-нибудь из провожающих подходил слишком близко.

Лена растерянно смотрела на этих людей, расстающихся, наверное, навсегда: на тех, кого угоняют во вражескую неволю, и на тех, кто оставался без близких. И вдруг ее окликнули:

— Лена!

Она даже не обернулась, насколько была уверена, что к ней это относиться не может. Но громкий, взволнованный голос повторял раз за разом:

— Лена, Лена!

И Лена обернулась, потому что голос этот до странности был ей знаком.

Она повернулась и чуть не вскрикнула: Коля, ее брат Коля шагал в караване за цепью солдат с автоматами, маленький, жалкий, шагал и улыбался ей.

— Коля! — крикнула Лена и побежала к нему.

Солдат, не глядя, лениво стукнул ее прикладом в плечо. Она отскочила и чуть не упала в канаву, но сразу бросилась снова за Колей.

— Коля, — кричала она, — Коля, как же ты? Что же ты?

— Понимаешь, Леночка, — кричал Коля, — в деревне на улице задержали. Ничего, Леночка!

Он улыбался и очень старался ободрить ее, показать, что все не так страшно, но по его улыбающемуся лицу одна за другой стекали крупные слезы.

— Лена, — кричал он, — слушай меня внимательно, это очень важно! Пойди в деревню Селище, там, у старика Бугаева, я оставил для тебя хлеб. Он честный старик и непременно отдаст. Ты поняла меня?

— Мама, мама! — кричал мальчишка, бегущий почти рядом с Леной. — Мама, ты письма Синявиным пиши, они мне перешлют. Я уйду куда-нибудь, мама!

— Слышу, слышу! — кричал глухой старик, который, наверное, ничего не слышал.

— Лена, слушай внимательно, это очень важная вещь! Ты дочь того самого человека, о котором мы вчера с тобой говорили.

— Какого, какого человека?

— Только не называй фамилию! Я тебе объясню. Того, о котором песню на пароходе пели. О котором ты меня спрашивала. Только не называй фамилию. Ты поняла?

— Бабушка! — кричал мальчик, шедший рядом с Колей. — Бабушка, если я там маму увижу, мы с ней вместе тикать будем. Ты жди.

— Да, да, — отвечала бегущая рядом с Леной старуха. — Я жду, и дождусь!

— Я ничего не поняла! — кричала Лена. — Мой папа ведь учитель.

— Нет, нет, это дедушка выдумал, чтобы ты не проболталась... Ты меня понимаешь? Будь осторожна, молчи об этом.

— Девчатам скажи — пусть не забывают меня! — кричала подруга подруге.

— Коля, Коля, я боюсь!.. Коленька, милый, ты убеги как-нибудь! — Лена теперь ревела вовсю и кулаками вытирала слезы...

— Я постараюсь. Но ты не надейся, Лена, помни: иди к старику Бугаеву. Он добрый, он тебя к дедушке отведет.

Офицеру, шедшему впереди, видимо, надоел шум. Повернувшись к солдатам, он скомандовал, и они вскинули автоматы. Несколько солдат отделились от цепи и пошли на людей, бежавших за караваном. Старики и старухи, девочки, мальчики, матери и отцы, деды и бабушки, дочери и сыновья кричали и продолжали рваться к близким, которых они видели в последний раз.

Но солдаты подняли автоматы и направили их на толпу. Толпа шарахнулась в сторону. Затрещали выстрелы... И вдруг солдаты упали. Они лежали на земле, выпустив автоматы из рук, а выстрелы продолжали трещать. Офицер повернулся и хотел что-то крикнуть, но зашатался, упал, и фуражка, слетев с его головы, покатилась по дороге.

— Ложись! — крикнул кто-то, и Лена увидела возле дерева, росшего у самой обочины, невысокого парнишку в черной сатиновой рубашке. — Ложись! — кричал он.

Лена так растерялась, что даже не испугалась, и стояла, не двигаясь. Но тут какая-то старушка, видимо опытная в боевых делах, так толкнула ее, что она упала в канаву. И сразу же несколько человек прыгнули через нее... Она видела только их сапоги.

Застрочили пулеметы, взорвалась граната, какая-то женщина завизжала. Потом над канавой наклонился невысокий человек и сказал:

— Можете вылезать, граждане! Попался, который кусался.

Все это произошло так быстро, что Лена не сразу пришла в себя. Только когда Коля подбежал к ней, счастливый, сияющий, и, обхватил ее за плечи, она всхлипнула и вытерла нос рукой.

— Коленька! — сказала она и еще раз всхлипнула.

На дороге лежали трупы тех самых равнодушных солдат, которые так лениво слушали крики и плач угоняемых. И великолепный, величественный офицер, шедший впереди, лежал лицом вниз, и вид у него был совсем не величественный. Освобожденные растерянно толпились на дороге. Плакали, улыбались или удивленно оглядывались вокруг. И снова выскочил молодой парнишка и закричал:

— Живо, живо, за мной!

Потом пожилой человек с усами деловито крикнул:

— Автоматы забрали?

— Забрали, — ответили ему.

И все женщины, дети, старики — быстро пошли в лес за молодым парнишкой, который шагал впереди, указывая дорогу и иногда, оглядываясь назад, кричал:

— Быстрее, быстрее, товарищи!

Он кричал это сердитым голосом. А потом вдруг начал смеяться громко и весело. Смеялся он не потому, что ему было смешно. Просто он радовался, что удалось столько народу освободить.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Что за странный караван, идущий под охраной немцев, увидела девочка Лена? Как вы понимаете слово «невольничий»?
2. Какие крики услышала девочка и как на них реагировали немецкие охранники?
3. Какие наказания давали друг другу те, кого гнали немцы, и те, которые шли по обочине дороги? Какой из наказов вам особенно запомнился?
4. Почему Коля наказывал своей сестренке не называть имя их отца?
5. Как случилось, что немцы, направившие свои автоматы на провожающих людей, вдруг сами оказались убитыми?
6. Что стало с караваном? Почему парнишка, уводивший людей в лес, смеялся?
7. Какой вопрос вам самим хотелось бы задать автору рассказа?

### Дополнительная литература

- Дневник Анны Франк  
Б. Евсеев. «300 марок»  
В. Козько. «Судный день»  
А. Лиханов. «Непрощенная»  
Л. Сапожников. «Бесстрашные»  
В. Семин. «Нагрудный знак ОСТ»  
М. Шолохов. «Судьба человека»

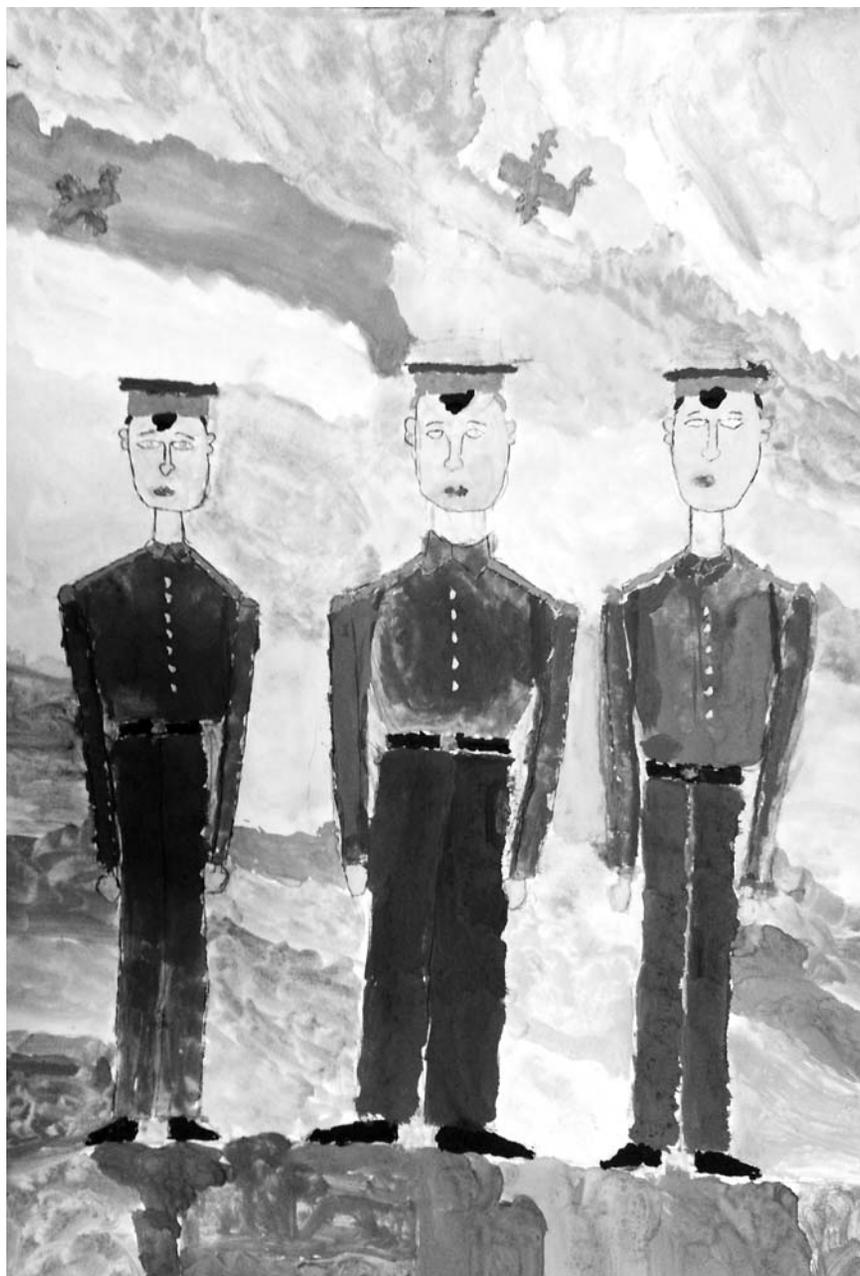
## РАЗДЕЛ 7

# РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ

Наши мальчики головы подняли —  
Повзрослели они до поры.

*Булат Окуджава*

Белов Федор, 10 лет. **Боевой воздушный флот**



Сегодня, когда на страницах печати и в публичных выступлениях все чаще слышится разговор о русском национальном характере, когда идет осмысление его коренных черт, особенно важно поразмышлять вместе с детьми на эту тему. Тем более, что детские рассказы военных лет дают для этого достаточный материал.

В этой связи стоит вспомнить вышедший в 2003 году в серии «Библиотека мужества» сборник рассказов о Великой Отечественной войне «Русский характер», в который вошли рассказы Леонида Соболева, Бориса Полевого, Льва Кассиля и Алексея Толстого.

В рассказах (их пять) нет присутствия детей, но есть солдаты, которые в полной мере проявили лучшие черты русского характера: беспримерное мужество, неподкупность, жертвенность, взаимовыручку, душевную деликатность и благородство.

В нашем случае речь пойдет о рассказах, где главные герои — мальчики, проявившие в войну не менее примечательные черты русского национального характера.

### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*В. Каверин. «Русский мальчик»*

*Н. Богданов. «Фюнфкиндер»*

*Б. Лавренев. «Большое сердце»*

---

### **О рассказе Вениамина Каверина «Русский мальчик»**

*Вениамин Каверин (1902-1989), известный больше всего как автор романа «Два Капитана», в годы войны был специальным корреспондентом газеты «Известия». Фронтовые впечатления писателя нашли свое отражение в рассказе «Русский мальчик». Здесь образ русского мальчика предстает перед нами в двух ипостасях: мифическом и реальном.*

*Мифический мальчик воскресает всякий раз, когда о нем заходит речь. Застрелившие его немцы испытывают панический страх, когда мальчик выходит из могилы со скрещенными на груди руками и с голубем на левом плече. На вопрос «кто идет?» призрак произносит три слова «Мечь», «Совесь», «Мысь».*

*Эти же чувства вынашивает в себе и превращает их в стихи реальный мальчик Вова Лебедев, на глазах у которого немцы повесили его мать.*

*Вместо голубя на плече Вова носит сумку со стихами. Даже природа в его стихах помогает нашим солдатам и губит немецких.*

*Смерть, кажется, тоже бессильна перед ним. В конце рассказа, когда Вова неизбежно должен погибнуть, он... внезапно исчезает. «Как будто, взлетев над водой, он, как в сказке, превратился в настоящую птицу...»*

*Ни живого, ни убитого мальчика никто больше не видел. Остался в сознании читателя лишь образ юного, почти сказочного героя, с русскими чертами характера: глубиной чувств, духовной зрелостью и самоотречением во имя других.*

Вениамин КАВЕРИН

## РУССКИЙ МАЛЬЧИК

(публикуется в сокращении)

**Я** был в гостях у моего друга, капитан-лейтенанта Гурамишвили...

— Помнится, вы задавались вопросом, — сказал он, перебирая наградные листы, — о том, кто же опишет эту войну, неожиданную для самого богатого воображения? Вот эти люди, наша молодежь. Уверяю вас, что будущий Лев Толстой сейчас дерется под Сталинградом. О, эти русские мальчишки! Кто это сказал: «Дайте русскому мальчику карту звездного неба, и на другой день он вернет ее вам исправленной». Впрочем, когда я говорил о будущем Льве Толстом, я думал о мальчике пятнадцати лет. Я нашел его в селе Камень, в Брянских лесах, а потерял под Тулой. Хотите, расскажу?

— Еще бы!

— Обычно мы обходили села, — так начал капитан-лейтенант. — Слух о двухстах моряках, которые жгут мосты, рвут провода, которые под Ракитной разбили батальон отборной немецкой пехоты, разумеется, шел далеко впереди отряда. Но недалеко от Камня мы встретили партизан Сахарного завода, и они сказали нам, что в этом селе староста — из бывших краснофлотцев. Черт возьми! Мы были голодны, как двести голодных чертей! А тут еще староста из краснофлотцев. Свой брат, моряк! Нет, решено. И мы двинулись к селу без размышлений.

Мы вошли в полной темноте, в полной тишине, можно сказать, на цыпочках — немцы были близко! Староста встретил нас у око-

лицы, развел по дворам, и через полчаса мы уже ели великолепную картошку с бараньим салом.

Меня староста пригласил к себе, и я впервые с 22 июня 1941 года улегся на широкую чудную постель, впрочем, не раздеваясь. Не знаю, долго ли я спал. Не то разговор, не то пение разбудило меня. Я вскочил, схватившись за наган.

Уже светало. Мой хозяин стоял в одном белье. Наклонившись над лавкой, а на лавке лежал с открытыми глазами мальчик лет пятнадцати, черный, худенький, похожий на какую-то заморскую птицу. Мальчик читал стихи. Я прислушался. Это были стихи Лермонтова:

— В полдневный жар в долине Дагестана...

— Да что ты? Худо тебе, — повторял хозяин.

— Эй, малый!

— Кто такой? — спросил я.

— Да мальчишка один, — с досадой объяснил хозяин, — прямо беда, не знаю, что и делать. Он из соседнего села. Немцы у него на глазах мать повесили. Такая хорошая женщина была. Ее по всей округе знали. Прибежал сам не свой. Вот теперь все стихи читает.

Я подсел к мальчику.

— Как тебя зовут?

— Вова, — очень быстро и охотно сказал мальчик. — Я вас разбудил?

— Не беда. Ты себя плохо чувствуешь, Вова?

— Нет, хорошо.

— А зачем ночью стихи читаешь?

Он помолчал.

— Так мне лучше. Не знаю, — наконец, сказал он. Голос дрогнул. — Вы спите, я больше не буду.

Хозяин моргнул мне, и мы вышли в сени.

— Его, когда немцы были, взаперти держали, — сказал он. — А он подойдет, бывало, к окну и вслух стихи читает. Громко, просто беда! Как нарочно. Белый весь, стоит и читает. Больной, что ли?

Признаться, в первую минуту и я подумал, что мальчик помещался от горя. Но то, что сообщил мне хозяин, убедило меня в обратном. Я знаю детей и сразу понял, почему Вова нарочно громко читал стихи, когда мимо проходил немцы. Здесь было и страстное желание настоять на своем, и отчаяние, и детски-беспомощный, но смелый вызов.

— А ты сам пишешь стихи, Вова? — спросил я, вернувшись.

— Нет.

— Вот и врешь, — сказал я. — Сразу видно, что пишешь. Прочитай.

Разумеется, это были детские стихи. Но самая мысль меня поразила. Помните мальчика с голубями, которого где-то под Москвой, кажется, в Верее, застрелили немцы?

В стихотворении рассказывалось о том, как глубокой ночью этот мальчик встает из могилы. С голубем, сидящим на левом плече, он идет навстречу германской армии через минированные поля и колючую проволоку. Через рвы и бастионы.

«Кто идет?» — спрашивает его немецкий солдат.

И мальчик отвечает: «Мечь!»

«Кто идет?» — спрашивает его другой.

И он отвечает: «Совесь!»

«Кто идет?» — спрашивает его третий.

И он отвечает: «Мысль!»

В него стреляют из винтовок и пушек, самолеты пикируют на него, вокруг падают бомбы и мины. Он идет, и белый голубь сидит у него на плече.

И вот безумие охватывает германскую армию. Все говорят лишь о нем. «Вы слышали, русский мальчик с голубем на плече опять появился в 9-й дивизии»? — «Полно, лейтенант. Уверяю вас, что это детская сказка». Но он появляется в ту минуту, когда о нем говорят. Он проходит — бледный, неторопливый.

С руками, скрещенными на груди, с грозным, укоряющим взглядом. «Я не убивал тебя!» — кричит солдат и падает перед ним на колени. «Я не убивал тебя», — кричит другой.

Он молчит, и они бегут от него, крича в смертельном непреодолимом страхе. И вот приказ за приказом по дивизиям. Армиям, фронту: «Не верить глупой басне о русском мальчике с голубем на плече, не говорить, не думать о нем».

Но нельзя не говорить и не думать о нем, потому что это — Мечь, Совесь и Мысль... И о нем говорят, говорят без конца; а там, в вышине:

Совершается важное шествие ночи...

Что же должно было произойти в душе этого черненького, худенького Вовы, чтобы из-под его детского пера появилось такое стихотворение? Заметьте при этом, что оно было написано как бы от имени всех русских мальчиков. Это был личный счет целого поколения.

На другую ночь мы покинули село Камень, и Вова Лебедев ушел с нами. Я попробовал было уговорить его остаться, но он так страстно умолял меня, так цеплялся за руки, так повторял, что зарежется, «как только мы скроемся из виду», что я, наконец, сдался. Впрочем, и староста-краснофлотец сказал, что Вове тут «живу не быть», и даже попросил меня взять его с собой.

Разумеется, у меня в ту пору не было времени, чтобы заниматься Вовой, хотя бы он и подавал надежды стать в будущем хорошим поэтом. Но он и не рассчитывал на мои заботы. Не прошло и трех дней, как он нашел свое место в отряде.

Тогда еще многое было новым для нас. Немцев мы почти не знали. Прежде всего, нужно было правильно поставить разведку. И вот наш маленький поэт оказался незаменимым человеком в этом трудном и рискованном деле.

Прежде всего, он был совсем не похож на разведчика в своей домашней ватной курточке, в барашковой, должно быть, отцовской шапке. Он был смел, догадлив, и главное — умен. Вернувшись из разведки, он каждый раз необычайно живо рисовал нам, так сказать, социальную картину деревни.

Иногда на привалах он читал нам свои стихи или просто рассказывал их своими словами. Почти всегда это были импровизации, за две минуты до чтения он даже не знал, о чем будет читать. Страстный, с детским доверием к слушателям, он говорил — читал эти импровизации, и глаза его из-под опущенных век блестели загадочно, тускло.

Я помню одну из них — о природе, которая сражается на нашей стороне, о тайном союзе рек и озер, болот и морей — всей воды на земле против насильников-немцев.

— А правда, ведь природа за нас? — наивно спросил он меня в этот вечер. — Я просто чувствую, что лес, например, за нас.

Кстати, я прекрасно знал, когда Вова сочиняет стихи. Он как бы уходил в себя, становился молчаливым, диким. Сперва мне казалось, что в эти минуты он вспоминает мать. Но нет, это было другое. Как бы тайный холод овладевал им. Может быть, холод вдохновения.

Ну, что еще рассказать вам о нем? Вы интересуетесь, без сомнения, его боевыми делами? Что же, он дрался не хуже других! Под селом Хатсун немцы оцепили нас. Мы успели занять круговую оборону, и одна небольшая группа с пулеметом осталась на фланге.

Нужно было поднести к пулемету боезапас, и я послал Вову. Пройти было почти невозможно. Он прошел. Точно в шапке-невидимке, он пополз прямо на немцев, — только кустарник шевельнулся здесь и там, да упала с дерева засохшая ветка.

Кстати, я потом рассказал Вове сказку о шапке-невидимке, и он написал стихотворение, в котором серьезно требовал у завхоза шапку-невидимку для лучшего разведчика отряда.

И то сказать — смерть его не брала! Однажды немецкий офицер почти в упор выстрелил в него — и промахнулся. В другой раз мы пилили сосны, чтобы завалить дорогу, по которой должен был пройти немецкий обоз, и одно дерево упало прямо на Вову. Все так и ахнули. Мы с кольями в руках бросились к дереву. И что же? Немного побледневший, с царапиной на лбу, Вова уже сидел на ветвях, весело насвистывая. Как маленькая черная птица.

Мы потеряли его под Тулой. Последний раз я видел его на переправе через Быстрицу — есть такая маленькая, памятная на всю жизнь речка. Кто-то из ребят попробовал переплыть ее и сразу вернулся обратно. Вода была дьявольски холодна. На той стороне чуть виднелось какое-то строение, очевидно, домик паромщика. Вова стал звать хозяина. Разумеется, наудачу: «Иванэ! Иванэ!» Никакого ответа. «Петро! Эй, Петро!» Снова молчание. «Мишка!». Дверь, наконец, отворилась, слабый свет упал через щель.

— Его нет дома!

— Дяденька, — продолжал Вова, — лодку дай!

Немцы могли быть в двух шагах, — и были, как это выяснилось вскоре. Но мы надеялись, что детский голос не вызовет подозрения.

— А кто таков? — кричал в ответ паромщик.

Теперь он вышел на крыльцо и стоял, длинный, с веслом в руках, освещенных сзади.

— Свой, дяденька, честное слово.

Это была рискованная игра. Мы знали, что где-то в здешних местах, ниже по Быстрице, немцы расстреляли шесть человек за то, что они перевозили наших. Но этот старый паромщик, даже имени которого я не знаю, пригнал на нашу сторону свою дырявую лодку.

— А вы кто, — партизаны? — только спросил он и ахнул, узнав, что нас около двухсот человек.

Сначала все было прекрасно, — только плеск весел слышался да скрипение расшатанных уключин. Но вот где-то взвилась ракета, и

сразу же донесся громкий, характерный шум камышей. Немцы спустились к реке...

Мы дрались до утра. Уже простился и ушел куда глаза глядят старый паромщик. Уже в последний раз, уклоняясь от пуль, пошла за нашими его дырявая лодка. Рассвело. В неярком утреннем свете, как через марлю, был виден плоский, поросший камышами берег и маленькая группа краснофлотцев, грузившая на лодку пулемет. Они отчалили, и в эту минуту я увидел бегущего по берегу Вову.

Не понимаю, почему он оказался так далеко от наших. Кто-то из ребят потом говорил, что он пошел искать сумку, в которой всегда носил свои стихи и книги. И точно — мне показалось, что он бежит по берегу с сумкой в руках.

— Вова! Ребята, Вова! — закричал я.

На лодке заметили его и мигом начали круто загребать назад.

— Не нужно, ребята, уйду! — закричал Вова.

Лодка все шла к нему.

— Не нужно, я говорю! — повелительно повторял он.

Черный на белой отмели, он был прекрасной мишенью. Зигзагами он пробежал вдоль берега метров сорок и вдруг упал на колени. Ох, как зашлось, рванулось у меня сердце в эту минуту!

— Убит! — сказал я.

— Убит... — повторили за мной моряки.

Но нет! Встал наш Вова. Он встал, и мы увидели шест у него в руках. Не знаю, что это было — длинный гибкий шест, должно быть, ива. Разбежавшись, он у самого берега далеко закинул шест и, опершись на него, легко взлетел над водой.

Дорогой мой, что это было! Двести глоток закричали сразу, и оглушительное матросское «ура», от которого заломило в ушах, покатило далеко-далеко.

— Ура! Вова! Молодец! Милый!

Вот и все. Высокая старая ива скрыла его от нас, — очевидно, не надеясь долететь до берега, он рассчитывал ухватиться за эту иву. И больше ни один человек из нашего отряда не видел Вову Лебедева и не слышал о нем.

Мы долго ждали его, — вероятно, это было ошибкой. Уходя, я послал за ним двух краснофлотцев, и к вечеру, усталые и расстроенные, они вернулись в отряд. Они не нашли его. Утонул ли он, заблудился ли, или, раненный на лету, остался висеть на ветвях старой ивы, — не знаю.

Ребята клялись, что они обшарили каждый куст, каждую ветку. Они нашли бы его, если бы он был убит или ранен. Как будто, взлетев над водой, он как в сказке, превратился в настоящую птицу...

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. *Какое отношение к герою рассказа имеет размышление капитан-лейтенанта о Льве Толстом?*

2. *Что значили для мальчика стихи? Почему в присутствии немцев он старался читать их как можно громче?*

3. *Почему, рассказывая о юном поэте Вове Лебедеве, рассказчик вспомнил другого русского мальчика с белым голубем на левом плече? Что общего между ними?*

4. *Какими чертами характера, важными и для разведчика, и для поэта, наградил его рассказчик?*

5. *О какой черте характера говорит тот факт, что Вова отказался сесть в лодку вместе с другими краснофлотцами, а избрал свой способ пересечь реку?*

6. *Как вы считаете, куда исчез мальчик: утонул ли, заблудился, остался висеть на старой иве? Ваш вариант ответа. Не роднит ли мальчика загадка его исчезновения со сказочным героем, обладающим шапкой-невидимкой?*

---

### **О рассказе Николая Богданова «Фюнфкиндер»**

*В рассказе Николая Богданова (1906-1989) речь идет о редкой для военного времени истории, когда партизаны пощадил захваченного ими в разбитом самолете немца. Они увидели в нем не врага, а человека, у которого пять детей осталось дома. Фотокарточка детей, которую тот показал партизанам, и жалобный крик «Фюнфкиндер» (фюнф по-немецки означает пять, а киндер — дети) спасли его.*

*Больше других жалел пленного партизанский разведчик Ленька, паренек, живший в партизанском отряде вместе с дедом. Немец, по профессии авиамеханик, напомнил ему односельчанина, который тоже был механиком.*

*Интуицию русского мальчика, увидевшего в этом немце Человека, поддержала старая Марья. И не ошиблась. Фюнфкиндер вместе с партизанами пошел исполнять смертный приговор фашистам, расстрелявшим детей.*

Николай БОГДАНОВ

## ФЮНФКИНДЕР

**Ш**ли партизаны лесом. Израненные, усталые, голодные. Вдруг видят упавший фашистский самолет. Заглянули — а в нем ящики конфет, мармеладу, шоколаду. Стали разбирать свалившиеся с неба трофеи. Вдруг в хвосте кто-то зашевелился. Фриц? Да, один немец уцелел. Увидев партизан, он выхватил из кармана... фотографию. Загородился ею от автоматов и кричит жалобно:

— Фюнфкиндер! Фюнфкиндер!

Подскочил к нему партизанский разведчик, мальчишка Ленька, и рапортует командиру:

— Товарищ Фролов, у него на фотографии пятеро детей.

По лицу командира прошла не то улыбка, не то усмешка.

— Отставить! — скомандовал Фролов, и партизаны опустили автоматы.

Первый раз они пощадили врага. Известно — партизаны в плен не берут.

Некоторое время помолчали, не зная, что же с ним делать.

Командир нашелся:

— Нагрузить на него шоколаду побольше, пусть тащит в лагерь ребятам гостинцы. Ясно?

Так немец, прозванный Фюнфкиндер, попал в партизанский лагерь, спрятанный среди непроходимых болот, где-то в лесах, между реками Пола и Ловать.

С удивлением разглядывали пленного женщины и дети. Фашисты — ведь это не люди. Они хуже зверей. У них в обличье должно быть ужасное. А этот на обыкновенного человека похож. Пожилой, худощавый, совсем не страшный.

С удивлением разглядывал немец сказочное жилье партизан. Не то свайная деревня времен каменного века, не то гнездовье болотных птиц.

Прямо над водой, укрепленные на кольях, таятся в камышах шалаша, сплетенные из ивовых ветвей. Между ними жердочки. Ни печей, ни очагов для варки пищи.

С виноватой улыбкой выкладывал он из мешка шоколад и конфеты.

— Что, смешно тебе, куда герман Русь загнал? — сказал Вла-сыч, старик с ястребиным носом и лохматыми бровями. — Ниче-

го, мы перетерпим, посмотрим, как вам достанется, когда наша возьмет!

Немец поежился под его зловещим взглядом. Опустил глаза и, указывая на себя, стал что-то объяснять.

Фролов слушал. Он когда-то в десятилетке изучал немецкий и теперь немного понимал.

— Должен вам доложить, товарищи, — сказал Фролов, — это авиамеханик. Самолеты обслуживал. А стрелять в нас — не стрелял.

— Все они так говорят, когда попадутся. А попадись ты ему, он бы тебе показал «рус капут»! Убью! Все равно убью! — крикнул Власыч.

— Прямо здесь? — усмехнулся Фролов. — А куда денешь? В болото? А как же тогда воду будем пить?

Вокруг засмеялись. Немец оглядел людей с надеждой.

— Ладно, — сказал Фролов, оставим вопрос до утра.

— Вот правильно — утречком я его и отведу в лес подальше...

Власыч, уложив немца в своем шалаше, сел с автоматом его караулить.

Не спалось пленному. Вздыхал, обирал комаров с лица. Не шел сон и к Леньке. Все думалось. Ненавидел он гитлеровцев не меньше Власыча. Но Фюнфкиндер... Странное дело... Тсс, как бы не услышали его мыслей... Этот немец похож на его бывшего механика МТС, ушедшего на войну. И лицо сероватое, в щеках вкрапинки металлической пыли. И руки с мозолями. И так же горбится немного. И так же любит своих детей... Захотелось что-нибудь придумать, чтобы Власыч не исполнил своей угрозы.

И вот Ленька пробрался к командирскому шалашу. Фролов то бредил, то просыпался. Его мучила малярия.

— Товарищ командир, а товарищ командир, — тихо позвал Ленька, — а этому немцу у нас дело есть. Надо заставить его разобрать трофейные лекарства. У нас их куча, а какие к чему, не знаем.

— А? Что? Ну конечно. Где мешки эти? Распорядись утром.

Получив задание, Ленька выполнил его точно. Отыскал припрятанные под сухой осокой мешки с лекарствами и на рассвете, чтобы не прозевать немца, которого Власыч мог увести в лес, подошел к шалашу. Фюнфкиндер не спал. Он сидел, свесив ноги в болотный туман, и пучком осоки отгонял злющих комаров то от Власыча, то от себя.

Старик храпел, задрав бороду вверх. Автомат, зажатый в руках, то опускался, то поднимался на его широкой груди.

Ленька фыркнул в кулак: вояки! Один проспал, а другой не воспользовался? Разбуженный Власыч вскочил как встрепанный и попятился, увидев перед собой немца в мундире. Подумал, что ему снится.

— Дело есть, Власыч, — сказал Ленька. — Командир приказал — пусть немец лекарства рассортирует.

— А-а, это правильно. Хоть какую-то пользу принесет. А потом — в расход! Они нас — мы их. Немцем меньше — нам легче. Так-то Леня... — вздохнул Власыч.

...Собравшись в кружок, ребяташки и бабы, жуя шоколад, смотрели, как Фюнфкиндер работал. Ленька выгребал ему из мешков лекарства, а немец прочитывал надписи и раскладывал коробочки с порошками, баночки, скляночки аккуратно, не торопясь. Словно чуял — чем раньше кончит работу, тем скорее ответит его Власыч в лес.

Назначение лекарств — объяснял без слов. Найдя таблетки от боли в желудке показывал на живот, от головной боли — на голову. Однажды изобразив дрожь во всем теле, сам проглотил и других одарил беленькими шариками. Ленька лизнул и определил — хина. Все обрадовались — малярия трепала жителей лагеря нещадно. От хины, глядишь, полегчает...

— А может, лучше не убивать этого немца, дядя Власыч? — сказал после этого Ленька. — Глядишь, может, он еще к чему пригодится.

— Нынче уже поздно, — Власыч посмотрел, высоко ли солнце, — да мне и некогда, а вот уж завтра утречком я его отведу от греха подальше в лес...

Наступила вторая ночь, когда Леньке пришлось думать, какое бы дело найти Фюнфкиндеру, чтобы сохранить ему жизнь. Но выручил себя сам немец. Утром он нарисовал на клочке бумаги проект водокачки и показал Власычу. Старик долго хмурился, разглядывая чертеж. А Фюнфеиндер, показывая рукой на болото, изображал тошноту, хватался за живот и всячески гримасничал, доказывая, что эту воду пить никак нельзя. Сам же он за весь прошлый день не выпил даже ни капли. И шоколад ел и сухари грыз, а пить из болота не мог. Сидел, раскрылившись от жары, как больной грач. И слюнки глотал.

Сжалились над ним девчонки.

Набрали черники и угостили немца ягодой.

— Она кисленькая, — сказала Манечка, внучка Власыча, — когда пить хочется, очень помогает.

Немец поел ягод из горсти и украдкой погладил Манечку по голове.

Власыч в чертеже разобрался:

— Это, конечно, хорошо. Детишки дюже от воды хворают. Нам бы это — во спасение. Вот и фильтр тут. Вот и отстойник. Ну да где же это нам материалов взять? Трубок всяких и прочего...

— А из самолетных обломков! — обрадовался Ленька. — Из них даже велосипед можно собрать.

Посоветовались на этот счет с командиром отряда, и пленный Фюнфкиндер под охраной старика и мальчишки был направлен «в командировку» к разбившемуся самолету — отыскать там все, что нужно для аппарата.

Понабрал Фюнфкиндер множество всего. И трубок, и планок, и винтов, и гаечек. И листы алюминия. Разыскал даже среди обломков уцелевший инструмент: плоскогубцы, кусачки, отвертки, молотки, паяльную лампу. И возвращался довольный, как с ярмарки.

Водокачку он соорудил, потрудившись несколько дней вместе с Ленькой и другими добровольцами, весьма успешно. И на свою беду. Когда из алюминиевой трубки — стоило покачать рычажок — пошла светлая, пахучая хлором вода, Власыч даже засмеялся:

— Ишь, хитрец, видать, не соврал, что механик. Ну, раз так, мы ему дело найдем!

Он давно мечтал исправить снятый с самолета крупнокалиберный пулемет и сшибать с него самолеты. До чего же они завидно низко летят. Боятся наших «ястребков» и прямо по верхушкам сосен тянут. Везут окруженным в Демьяновске гитлеровцам разные припасы. Метко стрелял Власыч тетеревов, глухарей, рябчиков. Но что это за дичь по сравнению с «птичкой», начиненной колбасой, ветчиной, консервами!

— Вот, — сказал он, притащив пулемет, — исправь-ка это ружьишко, отлично поохотимся!

Фюнфкиндер опустил голову. Чинить пулемет отказался. Ну и обозлился же Власыч:

— Ах вот ты какой! И в плену заодно с гитлеровцами! Нам помогать не желаешь, значит, против нас? Немец есть немец, как его не уважь — не будет он наш! Убью гада. Не могу вместе с ним дышать одной атмосферой!

Ленька стоял, опустив руки, не зная как защитить Фюнфкиндера. Вмешался Фролов:

— А чего ты кипятишься, Власыч? Нельзя заставить пленного воевать против своих, таков закон.

— Мы, партизаны, сами вне закона. Если ему Гитлер милей своей жизни, какой может быть разговор?

— Правильно! Верно! — поддержали старики партизаны. — Если ему фашисты дороже нашего товарищества, зачем он нам нужен?

— Да что вы пристали к нему? — вмешалась вдруг старая-престарая бабка Марья, мать Власыча. Что он, профессор какой во всем разбираться? Обыкновенная несознательность. Боится — уважит он вас, починит ружье, а вы пальнете, да в его товарища. В самолетах-то не одни гитлеры летят. Немцы разные бывают. Так-то.

— А нам разбираться некогда. Они-то нас — старого-малого подряд бьют, мамаша!

— Вот на то мы и русские, что виноватого от безвинного отличить можем! Не расходишь, Петяшка, имей человеческую совесть! — прикрикнула старуха на своего седовласого сына, как на мальчишку.

— А вы бы его, мамаша, в сознательность привели, где его совесть, да!

— Экий ты скорый. Откуда ему взять все в толк сразу? К таким снисходительность надо иметь, терпение!

— Ох, не стерплю! Чую, не даст стерпеть ретивое!

С ворчанием Власыч принялся за починку пулемета, отобрав у немца весь инструмент.

А Фюнфкиндер понял, наверное, что Власыч — его смерть. Глядеть на него боялся. Старался скрыться от него среди женщин и ребятишек. Женщинам понаделал из алюминиевых листов с разбитых самолетов кастрюли-самоварки, бездымные жаровни, чтобы дымом лагеря не выдавать. Мальчишкам понаделал ножииков складных. Блесен для ловли шук смастерил. Девчонкам серьги, колечки. Трудился, не переставая. И постепенно стал всем нужен.

Угодил и старикам, смастерив портсигары из небьющегося стекла.

Власыч по-прежнему косился злым взглядом. Но больше не задевал. Только ворчал иногда.

— Пойдите. Вот убежит, карателей приведет. Тогда вспомните мои слова, да поздно!

Ленька посмеивался. Он готовил еще один сюрприз — починил вместе с Фюнфкиндером рацию, снятую с самолета. Вот будет чудо, когда станут слушать Москву!..

У ребят с Фюнфкиндером завелись и не такие тайны.

Однажды девчонки, набрав грибов, отправились в большое село Муравьево добыть хоть немножко соли. Там была немецкая комендатура, стоял гарнизон, в каждом доме солдаты. Они бойко выменивали на мыло, соль, иголки и зажигалки сало, масло, яйца и посылали домой.

Страшновато было ходить туда партизанским семьям. Но все же пробирались и выменивали что надо. У некоторых была там родня, у других знакомые.

Заметив, что немец сильно тоскует по своим детишкам, ребята уговорили его написать в Германию письмо, что, мол, жив-здоров и надеется увидеться после войны. А девчонки это письмо доставили в Муравьево. А там сумели его опустить в германскую фельдпochту. Фюнфкиндер повеселел. Даже песни стал петь потихоньку. И обучил Манечку, которая напоминала ему младшую дочку — такая же беленькая, — немецкой песенке про елку: «О танненбаум, о танненбаум».

И вдруг ужасное событие потрясло лагерь...

*Следующий абзац — пересказ:*

Детей, отправившихся за ягодами, среди которых была и Манечка, фашисты расстреляли. Партизаны устроили праведный суд: какой должен быть приговор убийцам детей?

Поднял глаза Фюнфкиндер, посмотрел на небо, на землю. Обвел взглядом людей и промолвил какие-то страшные слова побелевшими губами. Потом перевел по-русски:

— Смерть им! Смерть!..

Потом починил противотанковое ружье трофейное и пошел вместе со всеми партизанами приводить приговор в исполнение.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. Почему, увидев немца в разбитом самолете, партизаны не застрелили его? Зачем его привели в партизанский отряд? Почему дали ему имя Фюнфкиндер?

2. Почему расстрел немца день ото дня откладывался? Только ли из-за помощи партизанам в хозяйственных делах?

3. Какую роль в защите немца сыграл Ленька? О какой черте русского характера говорит эта защита? В чем его позиция расходилась с позицией Власыча по отношению к немцу? Чья позиция вам ближе и почему?

4. Какие «тайны» у ребят, живших с партизанами, завелись с немцем?

5. Почему Власыч так и не выполнил угрозы убить немца?

6. Каким образом Фюнфиндер стал сторонником партизан и врагом фашистов? Верите ли вы в это?

---

## О рассказе Бориса Лавренева «Большое сердце»

*Борис Лавренев (1891-1959) — известный советский прозаик, драматург, публицист.*

*Речь в рассказе идет о тринадцатилетнем подростке, которого автор охарактеризовал как героя с большим сердцем, сердцем своего народа. Этот мальчик был задержан у переднего края наших войск постом наблюдения и направлен в штаб участка с запиской, что задержанный две недели собирал сведения о расположении немецких частей, находящихся в районе совхоза. Он знал немецкий язык и слышал, как немцы разговаривали, и многое узнал.*

*Капитан, к которому был направлен мальчик, убедился, что перед ним не просто мальчик, а зоркий, сознательный и точный разведчик, способный разбираться в карте местности. В бинокль, какой ему дал капитан, мальчик увидел скворечник, который и послужил мишенью для прицельного огня краснофлотцев и ошеломил немцев меткостью выстрелов, заставив их отступить.*

*Капитан дал мальчику боевое задание, которое тот выполнил, как подобает солдату. Что это было за задание, пусть отгадают наши читатели. А на вопрос капитана, страшно ли было на чердаке под градом снарядов, Николай Вихров ответил честно: было страшно, но «только стыдно стало».*

*Докладывая капитану по всей форме о выполненном задании, мальчик «захлебнулся от наплыва ощущений», свойственных русскому человеку с большим сердцем.*

**Борис ЛАВРЕНЕВ**

## **БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ**

**(публикуется в сокращении)**

...Он, казалось, не замечал и не обращал внимания на краснофлотцев, которые, любопытствуя, обступили его, необычного тринадцатилетнего гостя батареи — этого сурового мира взрослых, опаленных порохом людей. Обут он был не по погоде: в серые парусиновые туфли, протертые на носках, и все время переминался с ноги на ногу, пока капитан читал препроводительную записку, принесенную из штаба участка связным краснофлотцев, приведшим мальчика. «...Был задержан на рассвете у переднего края постом наблюдения... по его показаниям — в течение двух недель собирал сведения о немецких частях в районе совхоза “Новый путь”... направляется к вам, как могущий дать ценные данные батарее...» Капитан сложил записку и сунул ее за борт полубубка. Мальчик продолжал спокойно и выжидательно смотреть на него.

— Как тебя зовут?

Мальчик откинул голову, выпрямился и попытался шелкнуть каблуками, но его лицо дрогнуло и перекошилось от боли, он испуганно глянул на свои ноги и понурился.

— Коля... Николай Вихров, товарищ капитан, — поправился он.

Капитан тоже посмотрел на его ноги, на порванные туфли и пожегился от озноба.

— Мокроступы у тебя не по сезону, товарищ Вихров. Ноги застыли?

— Немножко, — застенчиво и печально сказал мальчик и еще больше потупился...

— Не грусти! У нас другая мода на обувь... Лейтенант Козуб!

Выскочив из-за кучки краснофлотцев, маленький веселый лейтенант козырнул капитану.

— Прикажите баталеру немедленно подыскать и доставить ко мне в каземат валенки самого малого размера.

Козуб рысью помчался исполнять приказание. Капитан тронул мальчика за плечо:

— Пойдем в мою хату. Обогреешься — поговорим.

В командирском каземате, треща и гудя, пылала печь...

— Раздевайся, — предложил капитан, — у меня жарко, как в Артеке на пляже. Грейся!

Мальчик сбросил пальтишко, аккуратно свернул его подкладкой наружу и, привстав на цыпочки, повесил поверх капитанского полушубка. Капитану, наблюдавшему за ним, понравилась эта бережливость к одежде. Без пальто мальчик оказался головастым и худым. И капитан подумал, что он долго и крепко недоедал.

— Садись. Сперва закусим, потом дело. А то ты натошак, пожалуй, и рта не раскроешь. Чай любишь крепкий?

Капитан доверху налил толстую фаянсовую чашку темной ароматной жидкостью, неторопливо отрезал ломоть буханки, намазал на него масла в палец толщиной и увенчал это сооружение пластом копченой грудинки. Мальчик почти испуганно смотрел на этот гигантский бутерброд.

— Не пугайся, — сказал капитан, подвинув тарелку, — клади сахар... И он с плеском бросил в кружку увесистую глыбу сахара. Худенькое лицо мальчика неожиданно сморщилось, и на стол закапали огромные, неудержимые слезы. Капитан тяжело вздохнул, придвинулся и обнял гостя за костлявые плечи.

— Полно! — произнес он весело. — Брось! Что там было, то было, тут тебя никто не обидит. У меня, понимаешь, у самого такой же малец дома остался. Вся и разница, что Юркой зовут. А то все такое же — и веснушки, и нос пуговицей.

Мальчик быстрым и стыдливым жестом смахнул слезы.

— Я ничего, товарищ капитан... Я не за себя разрюмился... Я стойкий. А вот маму вспомнил...

— Вот что, — протянул капитан, — так мама жива?

— Жива, — глаза мальчика засветлели. — Только голодно у нас. Мама по ночам у немецкой кухни картофельные ошурки подбирает. Но раз часовой застал. По руке прикладом хватили. До сих пор рука не гнется.

Он стиснул губы, и из глаз его уплыла детская мягкость. Они блеснули остро и жестко. Капитан погладил его по голове.

— Потерпи! Выручим маму и всех выручим. Ложись, вздремни. Мальчик умоляюще посмотрел на него.

— Я не хочу... Потом. Сперва расскажу про них.

В его голосе прозвучал такой накал упорства, что капитан не стал настаивать. Он пересел к другому краю стола и вынул блокнот.

— Ладно, давай... Сколько, по-твоему, немцев в районе совхоза?

Мальчик мотнул головой и сказал быстро без запинки:

— Пехоты один батальон. Баварцы. Сто семьдесят шестой полк двадцать седьмой пехотной дивизии. Прибыл на фронт из Голландии.

— О! Откуда ты знаешь? — спросил капитан, удивленный обстоятельностью и точностью ответа.

— А как же. Я ж цифры на погонах смотрел. И слушал, как они разговаривали. Я по-немецки могу, я в школе хорошо учился... Рота мотоциклистов-автоматчиков. Взвод средних танков на свиноферме. По северному краю бахчи стрелковые окопного полного профиля. Танковое вооружение — калибр примерней пятьдесят миллиметров. Два дота у них там. Здорово укрепились, товарищ капитан. Десять дней грузовиками цемент таскали. Сто девять грузовиков ввалили. Я из окошка подглядывал!

— Можешь точно указать расположение дотов? — спросил капитан, подаваясь вперед. Он понял, что перед ним сидит не обыкновенный мальчик, от которого можно узнать только самые общие сведения, а очень зоркий, сознательный и точный разведчик.

— Конечно, могу... Первый — на бахче, за старым током, где курганчик. А другой...

— Стоп! — прервал капитан. — Это здорово, что ты все так рассмотрел и запомнил. Но, понимаешь, мы же в твоём совхозе не бывали и не жили. Где бахча, где ток, нам неизвестно. А береговые десятидюймовые пушки, дружок, — не игрушка. Начнем наугад гвоздить, много лишнего попортить можем без толку, пока в точку угодим. А там ведь и наши люди есть... И мама твоя... Ты нарисовать это сумел бы?

Мальчик вскинул голову. В его взгляде было недоумение. Так разве у вас, товарищ капитан, карты нет?

— Карта есть... да ты в ней разберешься ли?

— Вот еще, — сказал мальчик с негодованием. — Папа же мой — геодезист, сам карты чертить могу. Не очень чисто, конечно... Папа теперь тоже в армии, у саперов командир, — добавил он с гордостью.

— Выходит, что ты не мальчик, а клад, — пошутил капитан, развертывая на столе штабную полукилометровку.

Мальчик встал коленками на стул и нагнулся над картой. Он долго смотрел, потом лицо его просияло, и он ткнул в карту пальцем.

— Да вот же! — сказал он, счастливо улыбаясь. Как на ладошке. Карта у вас какая хорошая! Подробная, как план. Все видно. Вот тут, за оврагом, и есть старый ток.

Он безошибочно разбирался в карте, и вскоре частокол красных крестиков, нанесенных рукой капитана, испятнал карту, засекая цели. Капитан удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— Очень хорошо, Коленька! — Он одобрительно погладил руку мальчика. — Просто здорово!

И, почувствовав непосредственную сердечность ласки, мальчик, на мгновение вернувшись в детство, по-ребячьи нежно прижался щекой к капитанской ладони. Капитан грустно покачал головой и сложил карту.

— А теперь, товарищ Вихров, в порядке дисциплины — спать!

— Товарищ капитан, который час?..

— Спи! Плюнь на время. Начнется тарарам — разбудим.

Но мальчик не успокоился. Его лицо потемнело. Он заговорил настойчиво и торопясь:

— Нет, нет! Мне же назад надо! Я маме обещал. Она будет думать, что меня убили. Как стемнеет, я пойду.

Капитан изумился. Он не допускал и мысли, что мальчик собирается снова проделать страшный путь по ночной степи, который случайно удался ему однажды. Капитану показалось, что его гость еще не совсем проснулся и говорит спросонья.

— Чепуха! — сказал он. — Кто это тебя пустит? Если даже не попадешься немцам, то можешь случайно угодить под наши снаряды. Только об этом я мечтал, чтобы тебя ухлопать в благодарность. Не дури! Спи!

Мальчик насупился и покраснел.

— Я немцам не попадусь. Они по ночам не ходят. Мороза боятся, дрыхнут. А я каждую тропочку наизусть... Пожалуйста, пустите!

Он просил упрямо и неотступно, почти испуганно, и капитану на мгновение пришла мысль: «А что, если вся эта история с появлением мальчугана и его рассказ — обдуманная комедия и обман?» Но, взглянув в ясные, печальные глаза, он устыдился своего подозрения.

— Вы же знаете, товарищ капитан, немцы никому не позволяют уходить из совхоза. Нагрянут случайно для проверки — меня нет, они на маме выместят.

В его голосе слышалась недетская тоска. Он явно волновался за судьбу матери.

— Не нервничай! Все понял, — сказал капитан, вынимая часы, — то, что думаешь о маме, — это очень хорошо... Сейчас шестнадцать тридцать. Мы пройдемся с тобой на наблюдательный пункт и

еще раз сверим все. А когда стемнеет, я обещаю, что ребята тебя проводят как можно дальше. Ясно?

На наблюдательном пункте, вынесенном к пехотным позициям, капитан сел к дальномеру. Он увидел холмистую крымскую степь, покрытую серо-желтыми полосами снега, нанесенного ветрами в балочки. Рябиновый свет заката умирал над степью. На горизонте темнели узкой полоской сады далекого совхоза. Капитан долго разглядывал массивы этих садов и белые крапинки зданий между ними. Потом подозвал мальчика:

— А ну-ка, взгляни! Может, маму увидишь.

Улыбнувшись шутке, мальчик нагнулся к окулярам. Капитан медленно ворочал штурвальчик горизонтальной наводки, показывая гостю панораму родных мест. Внезапно мальчик, ахнув, отшатнулся от окуляра и затеребил рукав капитана.

— Скворечня! Моя скворечня, товарищ капитан. Честное пионерское!

Удивленный капитан заглянул в окуляр. Над сеткой оголенных тополевых верхушек, над зеленой крышей в пятнах ржавчины темнел крошечный квадратик на высоком шесте. Капитан видел его очень отчетливо на темно-серой ткани туч. Он поднял голову и несколько минут просидел сдвинув брови. Неясная мысль, возникшая в его мозгу при виде скворечни, становилась все устойчивее. Он взял мальчика под руку, отвел его в сторону и тихо заговорил с ним.

— Понял? — спросил он, окончив разговор, и мальчик, весь просияв, кивнул головой.

Небо потемнело. С моря потянуло колючим холодком зимнего ветра. Капитан повел мальчика по ходу сообщений на передний край. Там он рассказал вкратце все дело командиру роты и просил скрытно вывести мальчика на подходы к совхозу...

Ночью ему не спалось. Он пил много чая и читал. Перед рассветом пошел на наблюдательный пункт. И как только в серой дымке наступающего дня различил темный квадратик на шесте, к нему пришло хорошее боевое спокойствие. Он подал команду. Ахнув над степью грузным ударом, прокатился пристрелочный залп башни. Его гром долго висел над пустой степью. Капитан, не отрываясь, смотрел в окуляры и увидел ясно, как качнулся на шесте темный квадратик. Дважды... и после паузы в третий раз.

— Перелет... вправо, — перевел капитан и скомандовал поправку. На этот раз скворечня осталась неподвижной, и капитан пере-

шел на поражение обеими башнями. С привычной зоркостью артиллериста он видел, как в туче разрывов полетели кверху глыбы бетона и бревна. Он усмехнулся и после трех залпов перенес огонь на следующую цель. И снова скворечня вела с ним дружеский разговор на понятном только ему языке. В третью очередь огонь обрушился туда, где красный крестик на карте отметил склад горючего и боезапасов. На этот раз капитан накрыл цель с первого залпа...

Запищал зуммер. С рубежа просили прекратить огонь. Моряки вышли в атаку и уже рвались в немецкие окопы. Тогда капитан передал команду Козубу, вскочил в приготовленный мотоцикл и в открытую помчался по полю. Его гнало нетерпение. От совхоза доносились пулеметный треск и щелчки гранат. Немцы, ошеломленные мощью и меткостью огневого удара батареи, потеряв опорные точки, сопротивлялись слабо и отходили...

Капитан торопился к зеленой крыше среди надломленных тополей. Еще издали он увидел у калитки вышедшую женщину, закутанную в платок. За ее руку держался мальчик. Увидев бегущего капитана, он рванулся ему навстречу. Капитан с хода подхватил его, вскинул в воздух и стал целовать в щеки, в губы, в глаза. Но мальчику, видимо, не хотелось в эту минуту быть маленьким. Он изо всех сил упирался руками в грудь капитана и рвался из его объятий. Капитан выпустил его.

Коля отступил и с нескрываемой гордостью, приложив руку к шапке, доложил:

— Товарищ капитан, разведчик батареи Николай Вихров боевое задание выполнил.

— Молодец, Николай Вихров, — сказал капитан, — благодарю за службу!

Подошедшая женщина с потухшими глазами и усталой улыбкой застенчиво протянула руку капитану.

— Здравствуйте! Он так вас ждал! Так ждал... Мы все ждали. Спасибо вам, родные!

Она поклонилась капитану глубоким русским поклоном. Мальчик переводил взгляд с матери на капитана и улыбался.

— Отлично справился!.. А небось страшновато было на чердаке, когда снаряды посыпались? — спросил капитан, привлекая его к себе.

— Ой! Как еще страшно, товарищ капитан, — ответил мальчик чистосердечно-наивно, — как первые снаряды ударили — все зашаталось, вот-вот провалится. Я чуть с чердака не махнул. Только

стыдно стало. Дрожу, а сам себе говорю: «Сиди! Сиди! Не имеешь права!» Так и досидел, пока боезапас не рванул... Тогда сам не помню, как вниз скатился!

Он захлебнулся от наплыва ощущений, сконфузился и уткнулся лицом в полушубок капитана, маленький русский человек, тринадцатилетний герой с большим сердцем, сердцем своего народа.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. По какой причине был задержан у переднего края нашей батареи тринадцатилетний Николай Вихров?

2. О чем свидетельствовала сопроводительная записка, присланная из штаба военного участка?

3. Какое впечатление мальчик произвел на капитана и какой разговор состоялся между ними? Каким образом капитан понял, что перед ним не просто мальчик, а зоркий, сознательный и точный разведчик? Оправдал ли мальчик на деле эти качества?

4. Почему капитан поверил рассказу мальчика о количестве немцев в селе, расположении дотов и родах немецкой части?

5. Как удалось нашей военной части отбить у немцев село? Какую роль при этом сыграл скворечник, указанный юным разведчиком?

6. Какими чертами характера обладал этот мальчик, выполнивший боевое задание командира? Что это было за задание, по-вашему?

7. Почему рассказ называется «Большое сердце»? Какое отношение это название имеет к тринадцатилетнему герою рассказа? Знаете ли вы других русских людей с большим сердцем, сердцем своего народа? Расскажите.

### **Дополнительная литература**

А. Лиханов. «Русские мальчики».

А. Толстой. «Русский характер».

## РАЗДЕЛ 8

# ВМЕСТЕ С ПАРТИЗНАМИ

**Уходили в поход партизаны,  
Уходили в поход на врага.**

*Михаил Исаковский*

Кварталова Евгения, 11 лет. **Крымские партизаны**



Слово «партизан» (франц. Partisan — «участник народной войны с захватчиками») вошло в русский словарь давно. Определение этого слова в русской трактовке можно найти уже в «Толковом словаре русского языка» Владимира Даля, который создавался в начале XIX века. По Далю оно означает «военный начальник легкого, летучего отряда, вредящего внезапными покушениями с тылу, с боков».

Партизан часто называют «народными мстителями». В период Великой Отечественной войны они участвовали в вооруженной борьбе, ведущейся на территории оккупированной немцами.

Партизаны действовали в тылу врага и согласовывали свои действия с движением советской армии. Они разрушали мосты, пускали под откос немецкие поезда, нападали на гарнизоны в деревнях. Жили в лесах, болотах, местах малодоступных для врага.

Партизанские отряды — это самоорганизующаяся борьба местного населения, которое оказалось под властью врага. Люди уходили в леса иногда целыми семьями. Вместе со взрослыми там скрывались и действовали дети. Многие мальчишки и девчонки навещали партизан тайком от немцев, чтобы принести им еду или получить задания разведывательного характера.

За боевые заслуги тысячи из них были награждены орденами и медалями, многие стали Героями Советского Союза. Немало среди них было и погибших: немцы не щадили тех, кто был пойман. Из юных партизан особенно прославились Марат Казей, Володя Дубинин, Леня Голиков, Валя Котик, Зина Портнова.

О юных партизанах сложены песни, о них созданы повести и рассказы. Об одном рассказе мы уже говорили, освещая тему «Русские мальчишки». Это рассказ Николая Богданова «Фюнфкиндер», раскрывшего читателю условия жизни партизанского отряда, скрытого в Брянских лесных болотах.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*П. Цвирка. «Соловушка»*

*Н. Богданов. «Красная рябина»*

*Л. Кассиль. «У классной доски»*

## О рассказе Петраса Цвирки «Соловушка»

*Петрас Цвирка (1909-1947) — литовский советский писатель, поэт и публицист. В 1941-1942 годах возглавлял Союз писателей Литовской ССР. Во время войны находился в эвакуации в разных городах нашей страны. Участвовал в работе Союза писателей СССР.*

*В 1942 году вышел сборник его рассказов «Рука возмездия». После войны под названием «Соловушка» вышел еще один его сборник.*

*Имя Цвирки занесено в «Краткую литературную энциклопедию». Рассказ вошел в антологию «Солдаты России», изданную в 1954 году.*

*Рассказ «Соловушка» рисует образ мальчика-связного у партизан. Связь он осуществлял особым образом: издавал трели соловья и пение кукушки с помощью березовой самодельной свистульки. В разговоре с немцами мальчик изображал из себя «придурковатого», что спасало его от подозрений в связи с партизанами.*

*Обсуждая рассказ, целесообразно обратить внимание на то, как изобретательность мальчишек помогала партизанам бороться с фашистами.*

Петрас ЦВИРКА

### **СОЛОВУШКА**

(«Мурзилка», 1942, № 8–9, с. 4–6)

**П**осле обеда в деревню вступил небольшой немецкий отряд. Деревня была разрушена. По сторонам улицы чернели пепелища, а в опустевших садах понуро склонялись оголенные жаром и пламенем деревья.

На повозке, рядом с полевой кухней, восседал лейтенант.

У деревенской околицы — там, где дорога круто сворачивала к лесу, — офицер подал команду остановиться. Он соскочил с повозки и внимательно разглядывал местность в бинокль. Отряд в тревожном ожидании следил за своим начальником.

Внезапно тишину летнего дня нарушила соловьиная трель... Солдаты и сам лейтенант насторожились. И вдруг совсем близко от себя заметили мальчика, сидевшего на краю канавы. Без шапки, в зеленой курточке, он сливался с придорожной листвой. Мальчик что-то выстрегивал, прижимая к груди кусок дерева.

— Эй, ты! — подозвал к себе мальчугана лейтенант.

Паренек торопливо сунул в карман нож, отряхнул облепившие куртку стружки и подошел к офицеру.

— А ну-ка, покажи, — сказал немец.

Мальчик вынул изо рта небольшой предмет и, поглядывая на офицера веселыми голубыми глазами, подал его лейтенанту.

Это была березовая свистулька — свирель.

— Ловко сделано, мальчик, ловко, — покачал головой лейтенант. — Кто тебя научил так свистеть? — спросил он.

— Я сам научился... Еще и по-кукушечьи умею кричать.

И мальчик закричал кукушкой. Потом он снова сунул в рот свистульку и засвистал, прижимая ее к губам языком.



Худож. Н. Бут. «Филиппок из бригадной разведки»

— Ты один в деревне? — продолжал расспросы лейтенант, подымая бинокль к глазам.

— Как это — один? Тут и воробьев много, и ворон, и куропаток. А соловей — я один!..

— Ты, оборванец, — перебил его офицер, — я тебя спрашиваю: есть ли тут люди?

— Э, людей здесь с самого начала войны уже нет, — невозмутимо ответил мальчик. — Как поднялась стрельба и деревня загорелась, все давай кричать: «Звери, звери идут!» — и убежали.

— А ты что же не убежал?

— Хотел на зверей посмотреть. Когда я в городе был, показывали за полтинник кошку ростом с теленка...

— Придурковатый, — сказал, обращаясь к солдатам, лейтенант. — Ну, а дорогу на Сурмонтас знаешь?

— Как не знать, — уверенно ответил мальчик. — Мы еще с дядей Юдзасом на мельницу рыбу удить ходили. Щуки там какие — гусят глотают!

— Хорошо, хорошо, веди. Правильно проведешь — дам тебе эту штучку. — И лейтенант показал ему зажигалку. — Сведешь с дороги — голову тебе сверну со свистулькой вместе. Понятно?

Отряд тронулся в путь. Впереди ехала походная кухня, а следом за ней, рядом с лейтенантом шагал мальчик. Он то пел соловьем, то кричал по-кукушечьи, размахивая руками...

Лес становился все гуще...

— А что у вас говорят про партизан? Водятся здесь они? — спросил лейтенант.

— Это грибы такие? Нет, не водятся. Есть у нас только рыжики, подберезовики, опенки, — ответил мальчуган.

Офицер понял, что от него ничего не добьешься, и они шли дальше молча...

В лесу, составив ружья у дерева, залегли несколько мужчин. Просветы между тонкими стволами молодого ельника позволяли им видеть изгиб дороги. По временам они перекидывались короткими фразами и, осторожно раздвигая ветви, внимательно всматривались в даль.

— Слышите? — сказал вдруг один из лежащих. И, наполовину приподнявшись, он повернул голову в ту сторону, откуда сквозь неясный шепот леса еле внятно доносилось птичье пение. — Соловушка!

— Может, тебе показалось? — спросил другой, насторожился и ничего не услышал. Но все же вытащил из-под пня четыре гранаты и положил перед собой.

Все громче раздавалась соловьиная трель.

— А теперь слышишь? — спросил партизан.

Он неподвижно застыл, как бы замер на месте, и принялся медленно считать: «Раз, два, три, четыре...»

— Тридцать два фрица... — считал человек, прислушиваясь к птичьей песне. — Два пулемета, — добавил он, услышав вслед за соловьиными трелями крик кукушки.

— Надо проверить, — сказал, беря винтовку в руки, бородастый мужчина.

— Поторапливайся, — откликнулся первый партизан и положил руку на плечо самому младшему, подвешивавшему к поясу ручные гранаты.

— Мы с дядей Степаном пропустим их вперед, а когда вы начнете, поддадим им сзади жару. Если с нами что-нибудь случится, не забудь про Соловушку...

Через несколько минут за молодым ельником показался немецкий отряд. Соловей свистел все с тем же увлечением.

Немцы вышли на лесную полянку. Вдруг, словно эхо, на свист мальчугана откликнулся другой свист — из лесной чащи. Шедший с краю мальчик, как перепуганный зайчонок, шмыгнул вглубь леса.

Удары выстрелов нарушили лесную тишину. Лейтенант, не успев схватиться за револьвер, покатился в дорожную пыль. Один за другим валились подбитые из автоматов солдаты. Стоны, слова команды и крики наполнили лес...

На другой день на привычном месте, у края канавы, сидел паренек лет тринадцати и что-то строгал, по временам оглядываясь на дорогу, словно кого-то ожидая.

С его губ слетала переливчатая мелодия, которую нельзя было отличить от настоящей соловьиной трели даже самому привычному уху.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. Почему рассказ называется «Соловушка»?
2. Какое отношение к отряду немцев имела сделанная мальчиком березовая свистулька?

3. Почему немцы решили, что мальчик «придурковатый», и не заподозрили в нем связного с партизанами?

4. Чем закончился поход немецкого отряда в лес, сопровождаемый свистящим мальчиком?

---

## О рассказе Николая Богданова «Красная рябина»

*Николай Богданов (1906—1989) до Великой Отечественной войны работал в журнале «Пионер». Дружил с Гайдаром. Эта дружба и подтолкнула его заняться рассказами для детей. В войну он работал корреспондентом в военной газете «Ленинский путь». С первого до последнего дня войны он провел на фронте. За время войны написал две книги: «Боевые друзья» и «Рассказы о войне».*

*Рассказ «Красная рябина» был помещен во второй книге. Он о том, как дед Арсений и внук Алеша мстят немцам, уничтожая эшелон со снарядами и живой силой врага. Пушку, из которой они стреляли, дед с внуком тайно от врага зарыли в землю и в нужный момент откопали, чтобы привести ее в действие, а затем уйти вместе с ней в лес к партизанам.*

*Этот рассказ был записан со слов суворовца Алексея Казарина на торжественном вечере 23 февраля в суворовском училище на Волге. После Алеши с воспоминаниями выступил седобородый ефрейтор Арсений Казарин, который теперь служил здесь, в училище, на хозяйственной должности.*

*Это те самые дед с внуком, которые из закопанной в землю немецкой пушки уничтожили вражеский эшелон.*

Николай БОГДАНОВ

### КРАСНАЯ РЯБИНА

(публикуется в сокращении)

Трое суток неумолкаемо грохотал бой на краю Брянского леса. От деревни Кочки рукой подать. А на третий день в деревню ворвались немцы. Не слезая с мотоциклов, подкатывали гитлеровцы к каждому дому и кричали:

— Рус, выходи! Шнель!

Они гнали старого и малого на поле боя — собирать оружие и хоронить убитых. Вместе с Арсением Казариновым, колхоз-

ным конюхом, оставшимся теперь без коней, пошел и его внучек, сирота Алеша. Когда Алеша увидел наших убитых солдат, он заплакал. Лицо, залитое слезами, сморщилось так, что все веснушки слились в одну.

— Молчи, — сказал дед, — это война! Чем реветь, посчитайка лучше, сколько фашистов наши постреляли! Недаром же наши полегли... Вечная им слава!

И дед стал хоронить убитых прямо в окопах, где застигла их смерть. Оружие немцы приказывали стаскивать к большим грузовикам:

— Аллес, аллес, давай, давай!

Дед сердито кряхтел, еле двигаясь под грузом автоматов и ящиков со снарядами.

Потом он куда-то исчез. Алеша не сразу увидел его. Дед волочил за собой противотанковую пушку. Затащив ее в блиндаж под рябиновым деревцем, он стал ловко закапывать ее в одну братскую могилу с нашими артиллеристами.

— Дед, ты это зачем? — удивился Алеша.

— Так надо! — прикрикнул на него дед и, оглянувшись, зачерпнул солдатской каской масло, натекшее из подбитого танка, словно черная кровь.

Он наплатил маслом шинель и прикрыл ею затвор пушки.

— Теперь не заржавеет!

Алеша стал быстро закапывать клад, нажимая на лопату так, что у него заболели пятки. Он уже догадался, что задумал дед. А дед подкладывал в яму один ящик снарядов за другим: сгодятся!

— Заприметь место, — сказал дед, вытерев пот рукавом.

— Оно и будет приметное, — ответил Алеша. — Видишь: все корни рябине пообрубали. Засохнет рябина-то...

— А знаешь, дедушка, — сказал он, — немцы говорят, Гитлер уже в Москву вошел.

— Хотел с Москвы сапоги снести, а не знал, как от Москвы ноги унести.

— Это кто, дедушка?

— Да всякий, кто бы к нам не совался. Я сам таковых бивал.

Алеша поглядел на деда. Всю жизнь он только и помнил, что дед с конями колхозными возится.

— Это когда же ты успел, дедушка?

— А в восемнадцатом году. Японцы лезли с Тихого океана, англичане — со Студеного моря, французы — с моря

Черного. Всех не сочтешь! Тоже вначале потеснили наши части. А как поднялась вся наша сила. Ну и вывели мы их, как помелом.

— А ты сам их бил, дедушка?

— Всяких бывать приходилось...

Мальчик засмеялся: вот он у него какой дед!..

Уходя, Алеша и дед оборачивались, долго еще глядели на рельсовый путь, пролегающий невдалеке, на взорванный мост через речку Купавку, на холмик под рябиновым деревцем.

...Дважды зима покрывала белым снегом могилы первых героев войны. Дважды на них зацветали весенние цветы. Оживало и рябиновое деревцо. Оно не погибло.

Алеша часто приходил к нему. И усевшись на холмик под деревцем, мечтал о том времени, когда можно будет открыть клад, скрытый под ним от врагов.

Стиснув зубы, бродил по деревням с сумой через плечо дедушка Арсений, собирал милостыню, чтобы прокормить себя и внука. И возвращался всегда хмурым, печальным.

Но однажды пришел он веселый, вместо сухой корки добрую весть принес:

— Весенний гром гремит, вражьей силе капут сулит! Соберайся, пойдём послушаем.

В Брянских лесах не раз гремели выстрелы, с грохотом срывались под откос поезда, взорванные партизанами. Но такого грома еще не слышали в деревне Кочки. Он был в сто раз сильнее того, что бушевал тогда, летом 1941 года.

— Пора, — сказал дед, — идет наша главная сила!

Алеша, как на праздник, надел свой лучший пиджак и, взяв на плечи две лопаты, ушел вместе с дедом в лес.

Подошли они к рябиновому деревцу, смотрит дед — а оно красное как кровь. Облепили его рябиновые ягоды, крупнее, чем на всех других кустах.

— Эхма, — удивился дед, до чего красна рябина-ягода!

Алеша хотел сорвать ягодку, да не посмел: вспомнил, что эта рябина над могилой.

Дед ударил заступом. И Алеша стал копать, нажимая изо всех сил на лопату...

По стальным путям мчались через Брянские леса на восток эшелоны. Немецкие танки, пушки, солдаты пронеслись в грохоте колес. Поезд за поездом шли тесно.

Сквозь заросли кустов дед смотрел на них жадными глазами, как охотник, выбирая добычу получше.

Алеша устал, пот лил с него градом. Яма стала ему уже по пояс, а пушки все не было...

И вот что-то звякнуло о лопату. Звук этот отозвался прямо в сердце Алеша.

Дед, ощупав пальцами дуло, стал осторожно отгрести землю руками.

Вскоре старый и малый вытащили пушку, накрытую промасленной шинелью убитого артиллериста, и стали устанавливать ее под деревцем.

— Эх, обтереть-то нечем! — тревожился дед. — Замок в глине, шинель в глине.

— А вот, — сказал Алеша, — моей одежей!

— Давай, — сказал дед. — Для большого дела чего жалеть!



Худож. А. Пахомов. Плакат «Металлом по фашистам!»

И скоро пушка была готова к бою.

Дед совсем не умел обращаться со сложным прицелом и наводил простым способом: открывал затвор и смотрел в дуло. Алеша заглянул за ним следом и увидел в кружке света формы моста.

Старик раздвинул станины, вогнал сошники в землю и заправил снаряд, выбрав гильзу подлиннее. Он не ошибся: это был бронебойный. И в ту же минуту показался бронепоезд, красуясь громадными башнями со множеством пушек, на всех парах спешил на восток, туда, где гремело сражение.

— Дергай! — шепнул старик мальчику.

Алеша дернул и сейчас же упал от грома выстрела. Пушка подскочила, толкнула деда. Алеша кинулся к нему: «Пропал дедушка!» Но дед быстро поднялся. А там, куда они стреляли, что-то оглушительно засвистело. Из бронированного паровоза струей вырвался белый пар, и поезд остановился прямо на мосту.

— Ай да мы! — крикнул дед. — Котел пробит! А ну давай, давай!

Он снова стал наводить орудие.

Немцы из всех смотровых щелей, во все бинокли высматривали: откуда раздался выстрел? Все пушки бронепоезда изготовились открыть огонь, поводя стволами.

Полсотни орудий против маленькой пушки.

Но дед не робел. Он нацелился влепить чудовищу еще один снаряд, облюбовав какой-то особый красноголовый.

— Дед, гляди-ка! — крикнул Алеша.

Из-за поворота показался следующий немецкий поезд. Старик взглянул и замер:

— Упредить не успели... Сигнала нет... Сейчас... эх и врежем им!

Машинист увеличивал ход, чтобы с разгона взять крутой подъем после уклона. Колеса паровоза бешено крутились, а за ним тяжело грохотали вагоны и платформы с тяжелыми танками.

Вся эта махина с полного хода врезалась в хвост бронепоезда. От страшного удара передний поезд изогнулся, взгорбился и стал рассыпаться на куски. А черная громада налетевшего паровоза, окутанная паром, медленно заскользила по рельсам, счищая с них стальные коробки бронепоезда, как плугом.

Рельсы со шпалами вздымались, закручиваясь штопором. Бронированные платформы вместе с людьми и пушками валялись под откос и в речку Купавку. Машинист включил тор-

моза. Но было уже поздно: из-под колес брызгал огонь и дым, а вагоны лезли один на другой. Тяжелые танки, сорвавшись с платформы, летели под откос.

Лесное эхо умножало гул и скрежет крушения.

И вдруг ахнул такой взрыв, что волосы дыбом поднялись. Старый и малый поползли на четвереньках прочь, хотели было бежать, да вспомнили про пушку.

Вернулись к ней и, не глядя на то, что творилось там, на рельсах, впряглись в дышло и потащили пушку в лес, через пни и кочки.

И долго еще слышно было, как позади них грохотало, трещало и ухало.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. С какой целью немцы гнали деревенских жителей на поле прошедшего боя?

2. С какой целью дед Алеши закопал в братской могиле вместе с телами убитых пушку и снаряды?

3. О чем разговаривали дед и внук, работая на поле и убирая трупы солдат? Что Алеша узнал о дедке из этого разговора?

4. Зачем Алеша приходил к рябине? О чем он мечтал возле нее?

5. Кто из вас догадался, кого имел в виду дед, говоря: «Хотел с Москвы сапоги снести, а не знал, как от Москвы ноги унести»?

6. Как вы думаете, зачем дед и внук потащили пушку в лес?

---

### **О рассказе Льва Кассиля «У классной доски»**

*Лев Кассиль (1905–1970), классик детской литературы, написал этот рассказ в первые годы войны. Его передавали по радио. Впервые рассказ был опубликован в сборнике Л. Кассиля «Друзья-товарищи» в 1942 году.*

*Отличительная черта произведений Кассиля для детей — острота сюжета. В них преобладает действие. Характерен в этом отношении и предлагаемый рассказ «У классной доски». Речь в нем идет о событии, происшедшем в классе, где учителем является Ксения Андреевна, вырастившая многих хороших людей.*

*Местечко, где находится школа, занято немцами. Три немецких мотоциклиста подъехали к школе и двое из них вместе с начальником пришли в класс Ксении Андреевны. Начался допрос: где*

*скрываются партизаны. Дети знали местонахождение партизан, но молчали до тех пор, пока начальник не наставил на учительницу пистолет и на счет «три» должен был произвести выстрел.*

*Тогда один из школьников — Костя Рожков, — чтобы спасти Ксению Андреевну, вызвался показать по карте, где скрываются партизаны. Но подойдя к классной доске, где висела карта, он ударил по ней со всей силой так, что доска повернулась вокруг оси и с размаху ударила по начальнику, а сам Рожков мгновенно выпрыгнул в окно, находящееся за классной доской.*

*Выстрелы немцев не догнали мальчика, а немцев захватили наши партизаны, которым Костя успел сообщить о налете фашистов. Учительница и напуганные дети были спасены. А Костя Рожков проявил находчивость и подлинный героизм.*

*Главным моментом для обсуждения является то внутреннее напряжение, в каком находились дети и учительница, поставленные в ситуацию нравственного выбора.*

Лев КАССИЛЬ

## **У КЛАССНОЙ ДОСКИ**

(публикуется в сокращении)

**П**ро учительницу Ксению Андреевну Карташову говорили, что у нее руки поют. Движения у нее были мягкие, неторопливые, округлые...

Не заспешила Ксения Андреевна и в этот раз. Как только послышалась трескотня моторов, учительница строго оглядела небо и привычным голосом сказала ребятам, чтобы все шли к траншее, вырытой в школьном дворе.

Занятий не было. Фронт проходил совсем недалеко от села. Где-то рядом громыхали бои. Части Красной Армии отошли за реку и укрепились там. А колхозники собрали партизанский отряд и ушли в ближний лес за селом. Школьники носили им туда еду, рассказывали, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков — лучший пловец школы — не раз доставлял на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан...

Ребята еще не успели спрятаться в щель, как на школьный двор, перепрыгнув через высокий палисад, забежали три запыхавших немца. Это были разведчики-мотоциклисты. С трех

разных сторон они все разом бросились к школьникам и нацелили на них свои автоматы.

— Пионирен?

Ребята молчали, невольно отодвигаясь от дула пистолета, который немец по очереди совал им в лицо. Но жесткие, холодные стволы двух других автоматов больно нажимали сзади в спины и шеи школьников.

— Шнеллер, шнеллер, быстро! — закричал фашист.

...Ребят вместе с Ксенией Андреевной втолкали в класс. Один из фашистов остался сторожить на школьном крыльце. Другой немец и начальник загнали ребят за парты.

— Сейчас я вам буду давать небольшой экзамен, — сказал начальник. — Сидеть на место!

Но ребята стояли, сгрудившись в проходе, и смотрели, бледные, на учительницу.

— Садитесь, ребята, — своим негромким и обычным голосом сказала Ксения Андреевна, как будто начинался очередной урок.

Ребята осторожно расселись. Они сидели молча, не спуская глаз с учительницы. Они сели по привычке на свои места, как сидели обычно в классе. Костя Рожков сзади всех, на последней парте. И очутившись на своих знакомых местах, ребята понемножку успокоились...

Начальник потребовал, чтобы ему дали стул. Никто из ребят не пошевелился.

— Ну! — прикрикнул фашист.

— Здесь слушаются только меня, — сказала Ксения Андреевна. — Пичугин, принеси, пожалуйста, стул из коридора.

Тихонький Сеня Пичугин неслышно соскользнул с парты и пошел за стулом.

— Теперь каждый мне будет слушать! — сказал начальник.

И, коверкая слова, фашист стал говорить ребятам, что в лесу скрываются красные партизаны, и он это прекрасно знает, и ребята тоже это прекрасно знают. И теперь ребята должны сказать начальнику, где спрятались партизаны.

— Теперь я буду слушать каждый! — закончил свою речь немец.

Тут ребята поняли, чего от них хотят. Они сидели, не шелохнувшись, только переглядываясь успели и снова застыли на своих партах...

Ребята сидели молча.

Начальник подозвал своего помощника и взял у него карту.

— Прикажите им, — сказал он по-немецки Ксении Андреевне, — чтобы они показали мне на карте или на плане это место. Ну, живо!

— Смотри, я буду пока очень добрый, но дальше...

Ксения Андреевна сделала шаг вперед, подошла к партам, оперлась обеими руками на переднюю и сказала:

— Ребята! Этот человек хочет, чтобы мы сказали ему, где находятся наши партизаны. Я не знаю, где они находятся. Я там никогда не была. И вы тоже не знаете. Правда?

— Не знаем, не знаем!.. — зашумели ребята, — кто их знает, где они! Ушли в лес и все.

— Вы совсем скверные учащиеся, — попробовал пошутить немец, — не можете отвечать на такой простой вопрос. Ай, ай...

Ребята сидели строгие и настороженные. Тихо было в классе, только угрюмо сопел на первой парте Сеня Пичугин.

Немец подошел к нему:

— Ну, ты, как звать?.. Ты тоже не знаешь?

— Не знаю, — тихо ответил Сеня.

— А это что такое, знаешь? — И немец ткнул дулом пистолета в опущенный подбородок Сени.

— Это знаю, — сказал Сеня. — Пистолет-автомат системы «вальтер».

— А ты знаешь, сколько он может убивать таких скверных учащихся?

— Не знаю, сами считайте... — буркнул Сеня.

— Ты сказал: сами считать! Очень прекрасно! Я буду вам считать до трех. И если никто мне не сказать, что я просил, я буду стрелять сперва вашу упрямую учительницу. А потом — всякий, кто не скажет. Я начинал считать! Раз!..

Он схватил Ксению Андреевну за руку и рванул ее к стене класса... И класс загудел.

Другой фашист тотчас направил на ребят свой пистолет.

— Алзо, итак, никто не знай из вас, где партизаны, сказал немец. — Прекрасно, будем считать. «Раз» я уже говорил, теперь будет «Два».

Фашист стал поднимать пистолет, целя в голову учительнице.

— Пусть все молчат, — медленно проговорила она, оглядывая класс, — кому страшно, пусть отвернется. Не надо смот-

реть, ребята. Прощайте! Учитесь хорошенько. И этот наш урок запомните...

— Я сейчас буду говорить «три»! — перебил ее фашист.

И вдруг на задней парте поднялся Костя Рожков и поднял руку:

— Она правда не знает!

— А кто знает?

— Я знаю. А она не была и не знает...

— Костя... — начала Ксения Андреевна

Но Рожков перебил ее:

— Ксения Андреевна, я сам знаю...

Учительница стояла, отвернувшись от него, уронив свою белую голову на грудь... Костя вышел к доске. Фашист приблизился к доске и ждал.

Костя поднял руку с мелком.

— Вот, смотрите сюда, — зашептал он, — я покажу.

Немец подошел к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками изо всех сил ударил черную гладь доски... Доска резко повернулась в своей раме, и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя, прыгнув через раму, мигом скрылся за доской, как за щитом.

Фашист, схватившись за разбитое в кровь лицо, без толку палил в доску, всаживая в нее пуля за пулей.

Напрасно... За классной доской было окно, выходившее к обрыву над рекой. Костя, не задумываясь, прыгнул в открытое окно. Бросился с обрыва в реку и поплыл к другому берегу.

Второй фашист, оттолкнув Ксению Андреевну, подбежал к окну и стал стрелять по мальчику из пистолета... Ребята вскочили на парты. Они уже не думали про опасность, которая им самим угрожала. Их тревожил теперь только Костя.

В это время, услышав пальбу на селе, из леса выскочили выслеживавшие мотоциклистов партизаны...

Прошло не боле пятнадцати минут, и в класс, куда снова ввалились взволнованные ребята, партизаны привели троих обезоруженных немцев. Командир партизанского отряда сел и вызвал к столу для допроса начальника фашистов. А двое других, помятые и притихшие, сели рядышком на парте Сени Пичугина.

— Он чуть Ксению Андреевну не убил, — зашептала Шура Капустина командиру, показывая на фашистского разведчика.

— Не совсем точно так, — забормотал немец, — это правильно совсем не я...

— Он, он! — закричал тихонький Сеня Пичугин...

В класс вошла Ксения Андреевна. Она ходила на берег узнать, благополучно ли доплыл Костя Рожков.

— Встать! — закричал на них командир. — У нас в классе полагается вставать, когда учительница входит. Не тому вас, видно, учили!

И два фашиста послушно поднялись.

— Разрешите продолжать наше занятие, Ксения Андреевна? — спросил командир. — Извините, Ксения Андреевна, что пришлось этих охальников в класс ваш допустить. Ну, раз уж так вышло, вот вы их сами порасспрашивайте толком. Подсобите нам: вы по-ихнему знаете...

И Ксения Андреевна заняла свое место за столом, у которого она выучила за тридцать два года много хороших людей.

— А теперь потрудитесь отвечать на мои вопросы.

И долговязый фашист, вытянулся перед учительницей.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Были ли ученики Ксении Андреевны связаны с партизанами?
2. Почему они в этом не признались немцам?
3. Почему Костя Рожков решил рассказать немцам, где находятся партизаны? Какой момент допроса он для этого выбрал? На что он рассчитывал? Оправдался ли его расчет?
4. Как ребята реагировали на его поступок?
5. Чем для немцев обернулось это «признание» и вся операция, проведенная ими в классе?
6. О чем свидетельствует поведение учительницы и ее учеников на допросе, учиненном немцами? Разделяете ли вы это поведение? За кого из присутствующих в классе вы больше всего переживали?

### Дополнительная литература

Сборник «Юные партизаны»

Л. Кассиль. «Улица младшего сына»

В. Смирнов. «Зина Портнова»

Н. Надеждина. «Партизанка Лара»

И. Туричин. «Неумирающий лес»

А. Бикчентаев. «Сколько тебе лет, комиссар?»

## РАЗДЕЛ 9

# МАЛЕНЬКИЕ РАЗВЕДЧИКИ

Верное сердце не дрогнет в груди,  
Слава тому, кто идёт впереди.  
Страха не знающий,  
Смерть побеждающий,  
Смелый разведчик, на бой иди!

*Алексей Сурков*

Софья Дибель, 13 лет. **Фронтальная фотография**



Разведка в широком смысле слова — это обследование чего-нибудь со специальной целью. Применительно к военной обстановке разведка предполагает действие отдельного человека или группы людей для получения сведений о противнике и занимаемой им местности.

Главное для разведчиков качество — наблюдательность, догадливость, смелость, умение незаметно проникнуть в место нахождения врага и обмануть его бдительность.

Во время Великой Отечественной войны в разведывательной деятельности принимали участие не только профессиональные разведчики, но и несовершеннолетние — целая армия мальчишек и девчонок. Многие из них, кто-то при жизни, кто-то посмертно, награждены орденами или стали Героями Советского Союза. О них написаны книги.

Мы предлагаем вам не очерки о реальных разведчиках-подростках, а художественные произведения. Их авторы открывают нам душевный мир героев-разведчиков, рассказывают о мотивах совершенных ими разведывательных действий.

Эти произведения заставляют читателей сопереживать юным разведчикам, которые, рискуя жизнью, устанавливали расположение вражеских военных частей, командных пунктов, оружейных батарей и помогали нашим воинским подразделениям обнаружить противника и уничтожить его.

Как это происходило, вы уже знаете по рассказам Вениамина Каверина «Русский мальчик», Бориса Лавренева «Большое сердце», Льва Кассиля «Рассказ об отсутствующем». О них мы уже говорили в предыдущих разделах, когда рассматривали рассказы под другим углом зрения.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*И. Осипов. «Петя»*

*А. Платонов. «Маленький солдат»*

*Л. Кассиль. «Алексей Андреевич»*

## О рассказе Ивана Осипова «Петя»

*Это рассказ в рассказе. От автора в нем всего несколько строчек. Остальное повествование ведется от лица разведчика — младшего лейтенанта Андрея Репина, который двое суток пробыл в тылу у немцев, выполняя важное и трудное задание.*

*Младший лейтенант рассказывает о том, как ему удалось выполнить это задание, в котором главным исполнителем был не столько он, сколько мальчишка по имени Петя. Задание состояло в том, чтобы уточнить местонахождение немецкого штаба и узнать, где стоит батарея их дальнобойных орудий.*

*Скрываясь от врага в стоге соломы, разведчик вел наблюдение за передвижением немцев. Для выполнения задания надо было дожидаться ночи, но младшему лейтенанту этого не понадобилось.*

*Ему обо всем рассказал мальчишка по имени Петя, который жил в селе, где стояли немцы. Он выследил самого разведчика и незаметно подкрался к стогу. А ночью повел бойца к месту, где стояла немецкая батарея.*

*Задание было выполнено. Разведчик пообещал мальчишке вернуться в эти места, чтобы взять его с собой, когда у Пети поправится больная мама, но выполнить это обещание ему пока не удалось. И Андрей Репин жалеет, что не увиделся с Петей и «не вырвал его из немецких когтей».*

Иван ОСИПОВ

**ПЕТЯ**

(«Ленинград», 1944, № 10–11, с. 14)

Этот рассказ я записал со слов младшего лейтенанта Андрея Репина. Двое суток провел он в тылу у немцев, выполняя важное задание командования.

Я встретил его в блиндаже командира батальона. Репин только что доложил командиру о результатах разведки. У него был вид человека, вернувшегося из долгого странствия. Глаза его запали, шинель была покрыта грязью, на лбу и на щеках запеклась кровь от царапин.

Стакан горячего чаю со спиртом привел его в себя. Отогревшись, он приступил к рассказу.

— Я вышел ночью. Благополучно миновал сторожевое охранение противника и к рассвету достиг намеченного пункта. Деревня, где, по нашим расчетам, должен был находиться штаб немецкой дивизии, стояла на берегу озера, в трех километрах от железнодорожной станции. Огибая ночью озеро, я попал сперва к станции, и тут чуть было не закончилось прежде срока мое путешествие.

Только я ступил на рыхлую насыпь железнодорожного полотна, как над самым ухом раздалось хриплое: «Хальт!» Передо мной выросла фигура немецкого солдата. Он стоял в двух шагах от меня. Размышлять было некогда. Отступать — поздно. Я пустил в ход кинжал.

Подождал немного. Стало светать. Вижу — сбился с дороги. Взял я в сторону от железной дороги и успел до восхода солнца подойти к деревне. Дело прошлое, могу вам теперь сказать, что поручено было мне уточнить местоположение немецкого штаба и узнать, где стоит батарея дальнобойных орудий.

Взошло солнце. Маячить в поле на виду у всех было мне не к чему. Забрался я в стог соломы, спрятался поглубже и веду наблюдение. Вся деревня была видна мне отсюда, как на ладони. По дороге от станции проехали двое мотоциклистов. Промчалась легковая машина и тоже свернула в деревню. Немного погодя выехали из деревни четыре грузовика, крытые брезентом.

Очевидно, именно здесь-то и обосновался немецкий штаб. Оставалось узнать номер дивизии и расположение тяжелой батареи. Лежу в стогу, терпеливо дожидаясь темноты. И, надо вам сказать, совсем позабыл о ночной встрече с часовым. Но мне неожиданно напомнили о нем.

Вижу — к моему стогу подходит паренек лет двенадцати, в рваном полушубке с чужого плеча и в рыжей, сползающей на глаза шапке. Я заприметил его, когда он вышел из деревни и медленно побрел по дороге. Потом он куда-то пропал. И увидел я его снова в тот момент, когда он подкрался к моему ненадежному укрытию и, присев на корточки, тихо произнес:

— Товарищ командир, они вас ищут...

Я промолчал. Черт побери, как он узнал, что я здесь спрятался? Не подослан ли он немцами?

Паренек выждал с минуту и снова зашептал:

— Вы не ворочайтесь! Лежите себе тихонько, вас с дороги не видеть. А я постерегу здесь.

— Ты кто? — спросил я тоже вполголоса, вынув на всякий случай пистолет из кобуры.

— Я — Петя. Вон наша изба, — и он указал на крайнюю избу с покосившимся плетнем. — Я видел, как вы сюда шли. В нашей избе двое из штаба живут. Они утром поехали на мотоциклах на станцию. Вас ищут. Часового убили вы? Кинжалом?

Любопытство его показалось мне подозрительным. Не отвечая на вопросы, я сам стал его расспрашивать.

— Много немцев в деревне?

— Нет, не очень. Только штаб дивизии и рота охраны.

— Где живет командир дивизии?

— Вот в той избе, возле школы. Видите, крыша недавно отремонтирована, тес свежий...

— А пушки где стоят? Видал?

Паренек и на этот вопрос ответил охотно и точно. Видно было, что не зря присматривается он ко всему. Казалось, он долго ждал случая показать то, что как раз надо было мне узнать, и с радостью теперь выкладывал все, что было ему известно.

Подозрения мои рассеялись. Я доверился Пете и весь день провел в своем укрытии под его бдительной охраной. Он наблюдал за дорогой, докладывал о каждой машине, о каждом мотоциклисте.

Когда стемнело, он отлучился со своего поста.

— Пойду, узнаю, что в деревне делается, — предупредил он меня. — А вы не показывайтесь, пока я не подам сигнала.

Он ушел, и меня снова охватило какое-то тревожное чувство: «Неужели выдаст?» Я пожалел, что отпустил его.

Было совсем темно, когда Петя вернулся.

— Вас ищут, — сообщил он. — По дорогам разослали мотоциклистов. Только вы не бойтесь, они не догадаются, что вы здесь спрятались. Натэ, это я у них из грузовика достал.

Он протянул мне банку консервов и плитку шоколада. Я по достоинству оценил его подарок. Но, как ни был я голоден, консервы и шоколад я оставил ему.

Ночью Петя повел меня болотом к тому месту, где стояла немецкая батарея.

Задание мое было выполнено! Пора возвращаться.

Петя простился со мной, как с близким другом. Он спросил:

— Вы придете еще? Я вас буду ждать. Может быть, вы и меня возьмете с собой?..

— Пойдем сейчас со мной, — предложил я.

Он вздохнул.

— Нет, сейчас я не могу... Мамка лежит хвораая, надорвалась в работе в немецком лагере. Привезли ее соседи...

Я не мог огорчить его и обещал еще раз пробраться в эти места...

Младший лейтенант помолчал и добавил:

— Дорого бы я дал, чтобы еще раз повидать Петю и вырвать его из немецких когтей...

---

### Вопросы для обсуждения

1. Что заставляло мальчика следить за немцами и выслеживать расположение их воинской части? Какие качества характера он проявлял при этом?

2. Почему разведчик Репин, скрывавшийся в стоге соломы, поверил мальчику и пошел ночью за ним к батарее противника?

3. Как было выполнено разведчиком важное задание?

4. Почему мальчик, изъявивший желание уйти вместе с Репиным в его воинскую часть, не смог этого сделать?

5. Удалось ли, по-вашему, разведчику Репину еще раз повидать Петю и «вырвать его из немецких когтей»? Как бы вы описали эту встречу?

---

### О рассказе Андрея Платонова «Маленький солдат»

Автор этого рассказа, выдающийся советский писатель и драматург Андрей Платонов (1899–1951), был свидетелем Курской битвы, форсирования Днепра, освобождения Украины и Белоруссии. Потеряв в годы войны единственного сына, он душевно приближал к себе детей. Платонов считал, что дети нуждаются в любви, и писал свои рассказы о них по законам любви.

Рассказ «Маленький солдат» повествует о судьбе ребенка, волею обстоятельств втянутого в войну и сознательно в ней участвующего. Писателя привлекла в маленьком солдате не только его храбрость, но и душевные качества.

Автор говорит о том, какие чувства движут ребенком — его сыновья любовь, тоска по погибшим родителям и привязанность к тому, кто заменил ему их. В рассказе присутствует трагедийный аспект — отпечаток душевной травмы ребенка.

«О глубине рассказа Андрея Платонова, — пишет исследователь творчества писателя А.Н. Акимов, — свидетельствует тот факт, что из него, как из зерна, вышли многие лучшие произведения о военном детстве, конечно, «Иван» В. Богомолова».

Андрей ПЛАТОНОВ

## МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ

Недалеко от линии фронта, внутри уцелевшего вокзала, сладко храпели уснувшие на полу красноармейцы; счастье отдыха было запечатлено на их усталых лицах.

На втором пути тихо шипел котел горячего дежурного паровоза, будто пел однообразный, успокаивающий голос из давно покинутого дома. Но в одном углу вокзального помещения, где горела керосиновая лампа, люди изредка шептали друг другу успокаивающие слова, а затем и они впали в безмолвие.

Там стояли два майора, похожие один на другого не внешними признаками, но общей добротой морщинистых загорелых лиц; каждый из них держал руку мальчика в своей руке, а ребенок умоляюще смотрел на командиров.

Руку одного майора ребенок не отпускал от себя, прильнув затем к ней лицом, а от руки другого осторожно старался освободиться. На вид ребенку было лет десять, а одет он был как бывалый боец — в серую шинель, обношенную и прижавшуюся к его телу, в пилотку и в сапоги, пошитые, видно, по мерке, на детскую ногу.

Его маленькое лицо, худое, обветренное, но не истощенное, приспособленное и уже привычное к жизни, обращено теперь к одному майору, светлые глаза ребенка ясно обнажали его грусть, словно они были живою поверхностью его сердца; он тосковал, что разлучается с отцом или старшим другом, которым, должно быть, доводился ему майор.

Второй майор привлекал ребенка за руку к себе и ласкал его, утешая, но мальчик, не отымая своей руки, оставался к нему равнодушным. Первый майор тоже был опечален, и он шептал ребенку, что скоро возьмет его к себе, и они снова встретятся для неразлучной жизни, а сейчас они расстаются на недолгое время. Мальчик верил ему, однако и сама правда не могла утешить его сердца, привязанного лишь к одному человеку и желавшего быть с ним постоянно и вблизи, а не вдалеке.

Ребенок знал уже, что такое даль расстояния во время войны — людям оттуда трудно вернуться друг к другу, — поэтому он не хотел разлуки, а сердце его не могло быть в одиночестве, оно боялось, что, оставшись одно, умрет. И в последней своей просьбе и надеж-

де мальчик смотрел на майора, который должен оставить его с чужим человеком.

— Ну, Сережа, прощай пока, — сказал тот майор, которого любил ребенок. — Ты особо-то воевать не старайся, подрастешь — тогда будешь. Не лезь на немца и береги себя, чтоб я тебя живым, целым нашел. Ну чего ты, чего ты — держись, солдат!

Сережа заплакал. Майор поднял его к себе на руки и поцеловал в лицо несколько раз. Потом майор пошел с ребенком к выходу, и второй майор тоже последовал за ними, поручив мне сторожить оставленные вещи.

Вернулся ребенок на руках другого майора; он чуждо и робко глядел на командира, хотя этот майор уговаривал его нежными словами и привлекал к себе как умел.

Майор, заменивший ушедшего, долго увещевал умолкшего ребенка, но тот, верный одному чувству и одному человеку, оставался отчужденным.

Невдалеке от станции начали бить зенитки. Мальчик вслушался в их гулкие мертвые звуки, и во взоре его появился возбужденный интерес.

— Их разведчик идет! — сказал он тихо, будто самому себе. — Высоко идет, и зенитки его не возьмут, туда надо истребителя послать.

— Пошлют, — сказал майор. — Там у нас смотрят.

Нужный нам поезд ожидался лишь назавтра, и мы все трое пошли на ночлег в общежитие. Там майор покормил ребенка из своего тяжело нагруженного мешка.

— Как он мне надоел за войну, этот мешок, — сказал майор, — и как я ему благодарен!

Мальчик уснул после еды, и майор Бахчиев рассказал мне про его судьбу.

Сергей Лабков был сыном полковника и военного врача. Отец и мать служили в одном полку, поэтому и своего единственного сына они взяли к себе, чтобы он жил при них и рос в армии. Сереже шел теперь десятый год, он близко принимал к сердцу войну и дело отца и уже начал понимать по-настоящему, для чего нужна война.

И вот однажды он услышал, как отец говорил в блиндаже с одним офицером и заботился о том, что немцы при отходе обязательно взорвут боезапас его полка. Полк до этого вышел из немецкого охвата, — ну, с поспешностью, конечно, — и оставил у немцев свой

склад с боезапасом, а теперь полк должен пойти вперед и вернуть утраченную землю, и свое добро на ней, и боезапас тоже, в котором была нужда.

«Они уж и провод в наш склад, наверно, подвели — ведают, что отойти придется», — сказал тогда полковник, отец Сережи. Сергей вслушался и сообразил, о чем заботился отец. Мальчику было известно расположение полка до отступления, и вот он, маленький, худой, хитрый, прополз ночью до нашего склада, перерезал взрывной замыкающий провод и оставался там целые сутки, сторожа, чтобы немцы не исправили повреждения, а если исправят, то чтобы опять перерезать провод. Потом полковник выбил оттуда немцев, и весь склад целым перешел в его владение.

Вскоре этот мальчуган пробрался подалее в тыл противника; там он узнал по признакам, где командный пункт полка или батальона, обошел поодаль вокруг трех батарей, запомнил все точно — память же ничем не порченная, — а вернувшись домой, указал отцу по карте, как оно есть и где находится.

Отец подумал, отдал сына ординарцу для неотлучного наблюдения за ним и открыл огонь по этим пунктам. Все вышло правильно, сын дал ему верные засечки. Он же маленький, этот Сережа, неприятель его за суслика в траве принимал — пусть, дескать, шевелится. А Сережа, наверно, и травы не шевелил, без вдоха шел.

Ординарца мальчишка тоже обманул или, так сказать, совратил: раз он повел его куда-то, и вдвоем они убили немца — неизвестно кто из них, — а позицию нашел Сергей.

Так он и жил в полку, при отце с матерью и с бойцами. Мать, видя такого сына, не могла больше терпеть его неудобного положения и решила отправить его в тыл. Но Сергей уже не мог уйти из армии, характер его тянулся в войну. И он говорил тому майору, заместителю отца, Савельеву, который вот ушел, что в тыл он не пойдет, а лучше скроется в плен к немцам, узнает у них все, что надо, и снова вернется в часть к отцу, когда мать по нем соскучится. И он бы сделал, пожалуй, так, потому что у него воинский характер.

А потом случилось горе, и в тыл мальчика некогда стало отправлять. Отца его, полковника, серьезно поранило, хоть и бой-то, говорят, был слабый, и он умер через два дня в полевом госпитале. Мать тоже захворала, затомилась — она была раньше еще поувечена двумя осколочными ранениями, одно в полость живота, — и через месяц после мужа тоже скончалась; может, она еще по мужу скучала... Остался Сергей сиротой.

Командование полком принял майор Савельев, он взял к себе мальчика и стал ему вместо отца и матери, вместо родных, всем человеком. Мальчик ответил Володе тоже всем сердцем.

— А я-то не из их части, я из другой. Но Володю Савельева я знаю еще по давности. И вот встретились мы тут с ним в штабе фронта. Володю на курсы усовершенствования посылали, а я по другому делу там находился, а теперь обратно к себе в часть еду. Володя Савельев велел мне побережь мальчишку, пока он обратно не придет... Да и когда еще Володя вернется и куда его направят! Ну, это там видно будет...

Майор Бахчиев задремал, уснул и Сережа Лабков. Он всхрапывал во сне, как взрослый, поживший человек, и лицо его, отошедши теперь от горести и воспоминаний, стало спокойным и невинно счастливым, являя образ святого детства, откуда увела его война.

Я тоже уснул, пользуясь ненужным временем, чтобы оно не проходило зря.

Проснулись мы в сумерки, в самом конце долгого июньского дня. Нас теперь было двое на трех кроватях — майор Бахчиев и я, а Сережки Лабкова не было.

Майор обеспокоился, но потом решил, что мальчик ушел куда-нибудь на малое время. Позже мы пришли с ним на вокзал и посетили военного коменданта, однако маленького солдата никто не заметил в тыловом многолюдстве войны.

Наутро Сережа Лабков тоже не вернулся к нам, и Бог весть, куда он ушел, томимый чувством своего детского сердца к покинувшему его человеку — может быть, во след ему, может быть, обратно в отцовский полк, где были могилы его отца и матери.

16 июня 1943 г.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. *Писатель, рассказывая о Сереже Лабкове, отметил, что у того воинский характер. Как вы это понимаете?*

2. *Почему у него глаза были полные грусти?*

3. *Как мальчик попал в полк, где служили его родители, и как после их гибели он оказался у майора Бахчиева, к которому не лежала его душа?*

4. *Какие разведывательные действия мальчику удалось совершить и остаться незамеченным?*

5. Как вы представляете дальнейшую судьбу мальчика: куда он ушел от Бахчиева и что с ним стало? Ваши предположения.

6. Как вы думаете, почему писатель сам не рассказал об этом читателю?

---

### **О рассказе Льва Кассиля «Алексей Андреевич»**

*О писателе Льве Кассиле мы уже говорили в разделе «Вместе с партизанами» («У классной доски»).*

*В рассказе «Алексей Андреевич» писатель освещает ту же тему. Однако здесь перед нами не мальчик одиночка, а организованный отряд из восьми ребят, действующий под руководством тринадцатилетнего паренька.*

*Об уважительном отношении ребят к своему командиру говорит тот факт, что они называют его полным именем, как взрослого — Алексей Андреевич.*

*Под руководством Алексея Андреевича группа совершала разведку и фиксировала данные тайным способом для передачи нашим бойцам. Эта группа своими силами соорудила плот через реку, чтобы на другом берегу реки, где были немцы, разведывать их боевые силы.*

Лев КАССИЛЬ

### **АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ**

(«Мурзилка», 1942, № 1–2, с. 4–7, публикуется в сокращении)

...Бойцы, возвращаясь из разведки, докладывали, что в лесочке их встретил босой мальчуган, вывернул из карманов семь белых камешков, пять черных, потом вытянул веревку, завязанную четырьмя узелками, в конце концов вытряхнул три щепочки. И, глядя на добытое из карманов добро, неизвестный мальчуган сообщил шепотом, что на том берегу реки замечено семь минометов немецких, пять танков противника, четыре орудия и три пулемета. На вопрос, откуда он взялся, мальчонка ответил, что его прислал Алексей Андреевич.

Пришел он к разведчикам и назавтра и через день. И каждый раз долго рылся в карманах, вытаскивая разноцветные камешки, ще-

почки, считал узлы на бечевке и говорил, что его прислал Алексей Андреевич.

— Кто таков Алексей Андреевич — болтать много нечего, — объяснял он, — да и сам Алексей Андреевич не приказывал ничего говорить о нем.

И командир ежедневно получая очень важные сведения в лесу, решил, что Алексей Андреевич — это какой-то храбрый заречный партизан, могучий богатырь, с тугими усами и низким голосом. Именно таким почему-то казался командиру Алексей Андреевич.

Однажды вечером... командир проверял посты охранения и собирался поужинать, но тут ему доложили, что к часовым заставы прибыл какой-то парнишка и просится к командиру. Командир разрешил пропустить мальчишку.

Через несколько минут он увидел перед собой невысокого паренька лет тринадцати-четырнадцати. Ничего особенного в нем не было. Мальчишка с виду казался простоватым и даже немного непонятливым... Но командиру показалось, что мальчишка только прикидывается таким простачком. И действительно, как только паренек увидел командира... отчеканил:

— Разрешите доложиться, товарищ командир? Алексей Андреевич.

— Ты? — не поверил командир.

— Я самый, заведующий переправой.

— Чем? Чем заведующий? — переспросил командир.

— Переправой, — раздалось из-за куста, и сквозь листву просунулся мальчонка лет девяти.

— А ты кто такой? — спросил командир.

Мальш вылез из-за куста, вытянулся и, поглядывая то на командира, то на своего старшего товарища, старательно выговорил:

— Я — для особых поручений.

Тот, что назвался Алексеем Андреевичем, грозно покосился на него.

— Для пору-че-ний, — поправил он малыша, — сто раз сказано! И не лезь, покуда старший говорит. Сызнова вас учить надо?

Командир скрыл улыбку и внимательно оглядел обоих. И старший и маленький стояли перед ним навтыжку.

— Это Валек, порученец мой, — пояснил первый, — а я заведующий переправой.

— Заведующий? Переправой? — удивился командир. — А где же твоя переправа?

— В известном месте, — сказал паренек и посмотрел на маленького. Тот только носом шмыгнул: понимаем, мол, небось.

— А ты откуда явился?

— Из поселка. Вон, там, за лесом.

— А по фамилии как тебя? — допытывался командир.

— А по фамилии — я потом только вам скажу, а то может семейству моему вред получиться. Немцы узнают, отместку за меня сделают.

— За что же немцы тебе мстить будут?

— Как за что? За переправу.

— Да что это за переправа такая? — рассердился командир. — Крутят тут мне голову: переправа, переправа, а ничего толком не объяснят.

— Можно стоять вольно? — спросил паренек.

— Да стой вольно, стой, как хочешь, только скажи толком: чего тебе от меня надо?

Ребята встали «вольно».

— Обыкновенная переправа, — неторопливо начал старший. — Имеется, значит, плот под названием «Гроб фашистам». Сами связали. Нас целых восемь человек, а я заведующий. И мы с того берега, где немцы, трех раненых наших на эту сторону переправили. Они вон там, в лесу. Мы их там укрыли, маскировку сделали. Только далеко их тащить тяжело. Вот мы и прибыли. Их надо в поселок унести, раненых...

Через полчаса Алексей Андреевич и его порученец Валеk привел командира и санитаров к раненым, которые были спрятаны в лесу, там, где река размыла берег и толстые корни деревьев переплелись как шалаш.

— Вот тут! — сказал Алексей Андреевич...

Вскоре трое тяжелораненых красноармейцев были уложены санитарями на носилки...

На следующий день Алексей Андреевич принес командиру бумажку, на которой был нарисован план расположения немцев. Он сам нарисовал его, пробравшись на тот берег.

— А сколько у них пулеметов и орудий, не заметил? — спросил командир.

— Сейчас получите все в точности, — отвечал Алексей Андреевич и свистнул. Тотчас из кустов высунулся долговязый парень в очках.

— Это при нашем плоте счетовод, Колька, — пояснил Алексей Андреевич.

У «бухгалтера» оказался точный, завязанный узелками на веревке, собранный из камешков и палочек, список всех пулеметов и орудий, которые немцы установили на другом берегу.

— А как насчет броневиков? Не видели?

— Это уже надо у Сережки спросить, — ответил Алексей Андреевич. — Я нарочно рассредоточил по всем, чтобы у каждого понемножку было. Эй, Сережка! — крикнул он.

И тотчас из-за кустов вышел наголо стриженный загорелый увалень. У него было десяток ракушек, обозначающих немецкие броневики и танки.

— Может, вам винтовки нужны? — вдруг сурово спросил Алексей Андреевич.

Командир рассмеялся.

— А вы что, не только плоты мастерите, но и винтовки, выходит, производите? Так, что ли?

— Нет, — отвечал, не улыбаясь, Алексей Андреевич. — У нас готовые, немецкого производства. Присылайте вечером за ними к переправе в ноль часов пятнадцать минут. Только чтобы точно...

Четверть первого, как было условлено, к месту переправы пришел сам командир. Его сопровождали несколько бойцов.

— Принимайте оружие, — зашептал Алексей Андреевич...

Восемьдесят немецких винтовок передали пионеры-плотогоны в эту ночь красноармейцам...

— Ну, вы просто молодцы, ребята, — с искренним восхищением сказал командир, — здорово работаете! Этак вы, пожалуй, пушку притащить можете.

— И пушку можем, — спокойно согласился Алексей Андреевич.

Оказалось, что на том берегу, в болотной тине, накануне завязла немецкая пушка. Ребята высмотрели это место. Днем немцы пытались вытащить орудие на берег, на сухое место, но у них ничего не вышло.

Командир отрядил семерых бойцов в помощь ребятам... К утру в расположении части была доставлена вытащенная из тины оставленная там фашистами пушка и миномет...

Командир уложил ребят в своей палатке. Алексей Андреевич хотел оставить дежурного у плота, но командир поставил там своего часового...

Утром часть уходила на свои позиции. Ребят разбудили, накормили вкусным завтраком. Командир подошел к Алексею Андреевичу и положил ему руку на плечо.

— Ну, Алексей Андреевич, — сказал он, — спасибо тебе за службу. Пригодилась нам твоя переправа. Что ж тебе подарить на память?

— Да что вы!.. Мне ничего не надо.

— погоди, — остановил его командир. — Вот, Алексей Андреевич, получай от меня. Носи с почетом. Зря не бахай, попусту не грозись. Оружие боевое. — И, отстегнув свой наган, он протянул его заведующему переправой.

У ребят загорелись глаза от восторженной зависти. Алексей Андреевич взял обеими руками револьвер...

Но вдруг он вздохнул и протянул наган обратно командиру.

— Нельзя, — тихо проговорил он, — нельзя мне его при себе держать. Попадешься еще немцам, обыщут, вот и узнают, что мы разведчики. Нет уж, возьмите, товарищ командир. — И не глядя на командира, он сунул револьвер...

Вечером командир составлял список бойцов, представленных к награде. В нем он поставил и имя пионера Алексея, заведующего переправой через реку Н., — славного командира плота «Гроб фашистам».

---

### Вопросы для обсуждения

1. Кто такой Алексей Андреевич? Почему ребята называли своего сверстника полным именем и не хотели о нем рассказывать? Чем он заслужил их уважение?

2. Каким образом и с какой целью ребята из отряда Алексея Андреевича вели разведывательные записи? Почему они скрывали свои фамилии?

3. Зачем им нужна была переправа через реку на другой берег, где были немцы?

4. Какую помощь отряду наших бойцов оказала сооруженная детьми переправа?

5. Почему Алексей Андреевич вернул командиру подаренный им наган?

### Дополнительная литература

В. Богомолов. «Иван»

М. Зощенко. «Спустя три года»

В. Катаев. «Сын полка»

Б. Полевой. «Разведчики»

Э. Казакевич. «Звезда»

## РАЗДЕЛ 10

# ОНИ СПАСАЛИ РАНЕНЫХ

Щуплая и слабая на вид,  
В сапогах, растоптанных и потных,  
У тебя душа огнём горит  
От такой не девичьей работы.

*Юлия Друнина*

Морозова Маша, 8 лет. **Боевая подруга**



Во время войны санитарки, среди которых было много совсем юных, проявили подлинный героизм, вынося с поля боя раненых солдат и офицеров. Оказывая медицинскую помощь на полях сражения, под огнем противника, они вернули в ряды защитников родины миллионы спасенных ими бойцов.

Многие из санитарок были представлены к награде: кто-то к медали «За боевые заслуги», кто-то к ордену Красной звезды, кто-то даже к высшей награде — «Ордену Ленина».

Известный полководец Маршал Советского союза Иван Баграмян писал после завершения войны: «То, что сделано было санитарками в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом».

Не случайно на Мамаевом кургане воздвигнут памятник санитарке, молодой девушке, выносящей раненого солдата на своих плечах.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*С. Сергеев-Ценский. «Хитрая девчонка»*

*В. Каверин. «Самое необходимое»*

*В. Каверин. «Кнопка»*

---

**О рассказе Сергея Сергеева-Ценского «Хитрая девчонка»**

*С.Н. Сергеев-Ценский (1875-1958) — русский советский писатель. Рассказ «Хитрая девчонка» впервые появился в газете «Правда» в марте 1942 года. Его героиня Зина воплотила в себе лучшие черты русского национального характера.*

*Рассказ переиздавался десятки раз. В годы войны писатель, которому в то время было около 70 лет, встречался с фронтовиками, выступал перед уходящими на фронт бойцами, переписывался с ними. От них он и узнал об этой маленькой хитрой девчонке, обладающей сильным характером.*

Сергей СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

## ХИТРАЯ ДЕВЧОНКА

Глаза у нее были светлые, смелые, а взгляд быстрый, короткий, сразу дающий оценку — это отмечал в ней всякий, кто в первый раз ее видел. Ростом она вышла невелика, но любила говорить о себе поговоркой: «Птичка невеличка, да коготок востер».

Небольшое, легкое тело ее было ловкое и без суетливых, лишних движений. Во время сложной домашней работы тонкие детские руки ее мелькали здесь и там, как бы не делая никаких усилий, однако все бывало сделано как надо и в срок или даже гораздо раньше.

Мать ее работала ткачихой, уходила на фабрику утром, приходила к вечеру усталая, а ее двенадцатилетняя старшенькая Зина мало того, что кормила ее приготовленным без нее обедом, но еще и успевала при этом передать кучу разных новостей о жильцах дома — соседях.

— Ух, и хитрая же ты у меня девчонка растешь! — сказала как-то мать Зине, глядя ее русые волосы, заплетенные в две косички.

— О-о, а как же! Я очень даже хитрая, мама! — тут же и радостно отозвалась на это Зина.

Так и пошло с тех пор дома и по всему двору: «хитрая девчонка».

Занималась она мало — некогда было, но считала безошибочно, потому что сама покупала на рынке каждый день все, что нужно было для обеда на семью в пять душ (отец ее умер, когда ей было лет восемь).

Тремя младшими — двумя сестренками и братишкой — она командовала изо дня в день, нисколько этим не тяготясь, между делом, и покрикивая иногда для острастки:

— Ой, смотри у меня, а то шлепка дам!

И младшие ее слушались...

Ей было уже восемнадцать лет, когда началась война и немецкие истребители и бомбовозы загудели над их городом.

Она рыла окопы вблизи городских окраин вместе с тысячами рабочих женщин, а в городе уже рвались сброшенные бомбы, и гремела ответная пальба зениток. Наконец, снизив-

шись так, что были видны кресты на крыльях и свастика на хвосте, один воздушный разбойник открыл по ним, работницам-землекопам, стрельбу из пулемета.

Зина не пострадала тогда сама, но около нее оказались две женщины раненые, одна убитая. И в тот же день вечером она стояла в военкомате, просясь на фронт.

— Ну, вы такая маленькая, куда уж вам на фронт! — сказали ей там.

— Ничего подобного! — возмутилась она. — Птичка невеличка, да коготок востер!

Не помогло и это, ее не взяли.

Тогда, обиженная и упорная, она пробралась на фронт сама, когда линия фронта проходила от города уже всего только в тридцати километрах. Здесь тоже сначала удивились, когда она заявила, что хочет ходить с бойцами в разведку, но потом все же оставили ее, хотя и не разведчиком, а санитаркой, когда узнали, что перевязывать раны она училась.

Ей выдали шинельку, плащ-палатку, наган. Она казалась в шинели мальчиком, питомцем роты. Но в первом же бою, такая маленькая и с виду бессильная, заставила она отнестись к ней серьезно.

Казалось всем, что первый большой бой, в который она попала, должен был оглушить, ошеломить ее, раздавить непомерным грохотом артиллерийских залпов.

Однако она, маленькая восемнадцатилетняя ткачиха, перенесла, не теряясь, не только это. Пели пули кругом, но ведь она была санитарка, ей надо было работать, надо было спасать раненых бойцов.

Как именно? Подползать то к одному, то к другому и оттащить их в сравнительно безопасное место вместе с их оружием. Большая нужна была ловкость, чтобы не только подползти, но суметь и взяться за раненого так, чтобы удобнее было его тащить, и ему чтобы не было слишком больно.

Этому ее никто не учил, да всех случаев при этом трудном деле нельзя ведь и предвидеть. Она ползала под пулями и подбрасывала себя: «Ничего-ничего... доползу, я хитрая!..».

Быстрый, короткий взгляд ее светлых глаз оценивал каждую кочку впереди, каждый кустик, каждую ложбинку, каждую ямку: земля, только земля и была тут единственным помощником и верным другом!

В детстве любила она смотреть на муравьев, тащивших других муравьев в свой муравейник. Зачем они это делали, она не знала, но наблюдала за их работой с большим любопытством. Теперь сама она была таким же муравьем.

Вот взорвалась мина шагах в двадцати... Прянуло вверх широкое полотнище дыма, земли, осколков, заволокло свет.

Рядом с раненым в обе ноги, которого Зина тащила, она приникла к земле, точно перепелка в виду ястреба, и несколько мгновений не чувствовала даже, жива ли она или с нею все кончено.

Но стоило только убедиться, что жива и даже не ранена, как уже проворно ползла дальше и тянула одной рукой раненого, другой — его винтовку.

Бой не был проигран, но все же часть получила приказ отступить; она была в арьергарде, и ее задачей было сдерживать противника сколько нужно, чтобы дать возможность в порядке отодвинуться главным силам.

Отступали недалеко, ночью, а рано утром Зина заметила наш подбитый танк, оставленный между новыми линиями наших и вражеских войск.

Что же делать — подбили танк, пришлось его бросить, ну, а вдруг в нем раненые танкисты?

Этот вопрос не давал ей покоя. С ним обращалась она и к бойцам и к младшим командирам. Никто, конечно, не мог ей на него ответить. Только старший лейтенант Назимов, командир роты, присмотревшись к танку в бинокль, ответил определеннее:

— Танк не сгорел, а подбит... Люди в нем быть могут, только едва ли они живы.

— А если пойти посмотреть? — спросила Зина.

— Пойти бы можно, конечно, только едва ли стоит, — сказал Назимов и отошел.

Приказа пойти к танку Зина не получила, запрета — тоже. Она решила идти, так как вблизи танка не видела врагов и так как наплывал густыми волнами белый туман.

Идти, впрочем, можно было только вначале, пользуясь мелколесьем, а потом ползти, как пришлось ей это делать во время боя. Теперь, когда бой утих, задача показалась ей легкой и проще. Как-то не хотелось ей даже и думать, что каждая пядь земли кем-то там, в занятой фашистами деревне, прос-

матривается в бинокли, подобные назимовскому; в то же время она подползала к танку — чуть редел туман, — пустив в дело всю свою хитрость.

Была какая-то смутная радость от удачи, что добралась незаметно для врага, и в то же время ныло сердце: а вдруг командир прав, и в танке или никого уже нет, или только лежат убитые? Тогда напрасно, значит, она и пустилась на такой риск.

Люк был сворочен. Она влезла на танк. Трое танкистов лежали окровавленные, скорчившись и без движения. Значит, напрасно ползла!

Все-таки, может быть, кто-нибудь из них жив еще... И она начала поочередно трясти их за плечи. Не напрасно: один застонал, не открывая глаз!

Двое других были убиты, но третьего, тяжело раненного, Зина вытащила из танка. Он открыл глаза, посмотрел на нее мутно и удивленно, потом застонал от боли.

— Молчи! — приказала она ему.

Туман отползал, наполнил, и вместе с ним могли наползти и враги.

Действительно, ей удалось дотащить танкиста только до кучки почерневшего от дождей сена, как возле танка, шагах в пятидесяти от сена, выросли трое фашистов.

Один из них влез на танк и, повернув винтовку прикладом вниз, несколько раз подымал и опускал ее яростно: умерщвлял мертвых. Слышны были глухие звуки ударов даже и танкисту, не только Зине. Он сказал с усилием, полусшепотом:

— Вот так... и нас с тобой... убьют... Ты застрели меня... а сама беги!

— Ничего, молчи, — прошептала она ему на ухо. — Не заметят!

Всем юным существом своим она верила в то, что не заметят, ни за что не заметят, уйдут дальше... И то, во что так сильно верилось, случилось: фашисты пошли в другую сторону, и тут же нахлынула новая волна белого, как вата, тумана. Тогда она захватила правой рукой правое же плечо танкиста и потащила его к своим. Когда он стонал, она зажимала ему рот и шептала:

— Молчи, сейчас будем дома.

Однако это «дома» было за полтора километра, и несколько часов ташила Зина, как муравей свою ношу, раненого, сначала под прикрытием тумана, а потом, когда туман поднялся, по мелколесью.

Здесь она даже рискнула взвалить танкиста на плечи, чтобы было поскорее, а когда он застонал при этом сильнее прежнего, сказала, совершенно так же, как говорила младшему братишке — в то время, когда ей самой было двенадцать лет:

— Молчи, а то шлепка дам!

И она принесла его, к удивлению всех, а больше всех — старшего лейтенанта Назимова, уже считавшего ее погибшей.

Уложив спасенного поудобнее, она сделала ему, как умела, первую перевязку, чтобы потом передать его врачу.

— Да вы знаете, Зина, что вы совершили? — с торжественным вопросом обратился к ней Назимов.

— Знаю — разведку, товарищ старший лейтенант, — догадливо ответила «хитрая девчонка».

1942 г.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как такой маленькой девчонке удавалось спасать раненых бойцов, взваливать их на плечи, тащить их с поля боя и передавать докторам?

2. Как помогло ей наблюдение за жизнью муравьев?

3. В чем проявлялась хитрость девушки в эпизоде с подбитым танком?

4. Приказа пойти к подбитому танку Зина не получала, почему же она решила идти?

5. Спасая раненого танкиста, она обнаружила не только способности санитарки, но и разведчицы. В чем это проявилось?

---

### О рассказе Вениамина Каверина «Самое необходимое»

Вениамин Каверин (1902-1989), известный больше всего как автор романа «Два Капитана», в годы войны был специальным корреспондентом газеты «Известия». В 1941 году служил на Ленинградском фронте, часто бывал в блокадном Ленинграде. Свои впечатления он отразил в рассказе «Самое необходимое».

*В голодном Ленинграде самым необходимым, конечно, был хлеб, а чтобы не замерзнуть, необходимыми были дрова. Даже слова для экономии энергии использовались только самые необходимые. Но чтобы выжить, самым необходимым было милосердие, стремление помогать и спасать других.*

*Этим стремлением была наполнена душа ленинградской девочки Мариши, похоронившей в первый блокадный год отца и мать. Стремление быть необходимой для других привело ее в госпиталь, где она ухаживала за ранеными, помогая им выздоравливать.*

*Это же качество, хотя Смерть ходила рядом, помогло ей выжить самой. Но желание стать еще более необходимой побудило ее закончить курсы сандружинниц и отправиться на фронт, чтобы на поле боя спасти раненых солдат и командиров.*

Вениамин КАВЕРИН

## САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ

До войны папа работал продавцом в магазине, и Марише нравилось покупать у него что-нибудь как будто она чужая.

— Отвесьте мне, пожалуйста, ливерной триста грамм. Нет, от этой, кажется, пожирнее.

Он смеялся и был еще такой молодой, интересный, с блестящими черными нарукавниками, в белой шапочке и в белой нарядной куртке. В магазине было светло, нарядно, красивые колбасы в серебряной бумаге висели вдоль полок, все вокруг блестело и сверкало.

Прежняя жизнь, до войны, представлялась Марише в виде этого магазина. Теперь он был заколочен, высокие щиты стояли перед окнами, и Мариша старалась поскорее пройти мимо, потому что она не хотела вспоминать прежнюю жизнь. «Еще навспоминаемся», — говорила мама. И она была совершенно права.

Папа служил теперь в эвакогоспитале, на амуниционном складе. Он отрастил усы и стал худой и длинный. Каждый раз он приносил что-нибудь домой из своего обеда, и мама сердилась, что он сам ничего не ест, а все оставляет для них. Он

молчал, а потом подзывал Маришу, спрашивал, как прошел день, и все гладил ее по голове и смотрел с беспокойством. Он все думал теперь, все думал. «Ты не думай, Лев», — однажды сказала ему мама. И была совершенно права.

Школы должны были открыться еще в сентябре, но не открылись, и Мариша решила пойти в госпиталь, конечно, не сестрой, потому что у нее не было медицинского образования, а так что-нибудь — читать раненым или помогать по хозяйству. Она немного боялась, как отнесется к этому мама, но мама согласилась и даже пошла с нею к военному.

— Сколько лет? — спросил военком.

— Четырнадцать.

— К сожалению, не могу. Для детей у нас нет работы.

— Вы ее не знаете, — сказала мама. — Она девочка хозяйственная, толковая. Вы вполне можете на нее положиться.

— Идите в Дом Красной Армии, — сказал военком. — Вас направят, если это будет возможно.

И в ДКА действительно дали направление в сортировочный госпиталь на Васильевском острове — очень далеко, но отказаться было неудобно.

Сперва это было страшновато, особенно по ночам: то один раненый застонет, то другой, и вот уже кажется, что вся огромная палата стонет и скрипит зубами в полутьме, — только вдалеке у дверей чуть виднеется слабый огонек керосинной лампы. Но потом Мариша привыкла. Мама говорила, что в жизни страшно только непонятное. И, как всегда, она была совершенно права.

Трамваи уже не ходили, и Мариша проводила в госпитале неделю, потом на два дня возвращалась домой. И каждый раз она возвращалась в другой город, в другой мир. В этом мире все было только самое необходимое — и даже слова только необходимые, без которых совершенно нельзя обойтись... Но самого необходимого становилось все меньше и меньше.

Папа умер в конце декабря. Он принял ванну в госпитале, простудился и умер. И как раз в этот день прибавили хлеба, — он еще слышал, как по радио сообщили об этом...

Теперь мама редко вставала с постели, и Мариша занималась хозяйством одна. Она вставала в шесть часов утра и слушала сводку. Потом шла в магазин за хлебом и, вернувшись, растапливала таганчик, который сама сложила из кирпичей в круглой печке. Пили чай, и Мариша шла за дровами. Боль-

шей частью она собирала щепки, но если попадался хороший начальник, привозила домой и что-нибудь покрупнее.

Все меньше становилось самого необходимого — вот уже не было папы. Уже нельзя было рассказывать маме о том, что Мариша видела на улицах, — тем более маме нужно было немного отвлечься. Нельзя было читать ей вслух, потому что зимний свет едва проходил через ставни.

Маме нельзя было думать, и теперь Мариша говорила ей: «Мама, не думай». Но сама она думала. «Не одни мы. Все так...» — однажды услышала она на улице.

Возвращаясь домой с дровами, она думала об этих словах несколько дней. Должно быть, это были необходимые слова, такие же, как хлеб или каша.

В январе маме стало лучше, и Мариша решила пойти на курсы сандружинниц, потому что мама могла теперь справиться одна, и необходимого стало немного больше.

Председатель РОКК оказалась женщина, и довольно злая. — Детей не берем, — сказала она, — кажется, ясно?

Но Мариша не ушла, осталась сидеть на крыльце и хорошо сделала, потому что в РОКК как раз пришел знакомый доктор из госпиталя, в котором она работала прежде. И она слышала через полуоткрытую дверь, как он сказал председателю РОККа:



Худож. Н. Обрыньба. «Первый подвиг»

— Именно такие девочки нам и нужны.

Так она стала сандружинницей. Она научилась перевязывать раненых и выносить их с «поля боя» и еще тысяче других вещей, которые необходимо было знать согласно программе. Обед она теперь получала на курсах, и это было сравнительно превосходный обед, который она относила маме.

Сама она почти ничего не ела, но чувствовала себя ничего, и, если иногда на занятиях начинала кружиться голова, стоило только покрепче стиснуть зубы, и головокружение проходило. Маме она говорила, что получает второй обед, тем более, что у них котловое питание. Но зато она теперь съедала весь свой хлеб — триста граммов, потому что это было действительно совершенно необходимо.

И все-таки мама умерла. Это было ночью. Мариша спала с нею и вдруг услышала хрип. Она зажгла лучинку и стала спрашивать: «Мамочка, что с тобой?» Но мама не отвечала, только хрипела. Соседка пришла и сказала: «Твоя мама скончалась».

На своих детских саночках Мариша повезла ее через Неву, и дорогой саночки несколько раз переворачивались, но Мариша снова ставила их на полозья. К пяти часам она была на кладбище — поздновато, потому что было уже совершенно темно. Могильщик запросил очень дорого, и пришлось пока оставить маму так, но назавтра Мариша похоронила ее и постаралась хорошенько запомнить, где она лежит.

Теперь самого необходимого осталось очень мало — гораздо меньше, чем нужно для того чтобы жить. В пустой холодной квартире Мариша разожгла свой таганчик и села подле него на корточки, грея потрескавшиеся красные руки. У нее немного болела голова, и ей казалось, что все девочки в городе сидят сейчас на корточках у таганчика и думают об одном. Ей казалось, что если очень много людей одновременно подумают об одном, произойдет что-то необыкновенное на земле и на небе — может быть, даже чудо.

Она не заметила, как уснула. Огонь в таганчике стал меркнуть и наконец погас. Ветер распахнул входные двери, и Смерть, у которой в эту ночь было много дела, заглянула в комнату и увидела девочку, свернувшуюся у остывшей печки под маминой шубкой.

— Еще одна, — сказала Смерть равнодушно.

— Но я не могу умирать, — возразила во сне Мариша, — мне нельзя умирать. Я еще не сделала все, что могла. Что же, напрасно я училась перевязывать раненых и выносить их с поля боя и еще тысяче других вещей согласно программе? Я бы умерла, если бы мне одной была нужна моя жизнь.

И слабой рукой она натянула на себя мамину шубку.

Это была трудная задача — встать, когда не сгибаются ни руки, ни ноги. Но Мариша встала как всегда в шесть часов, прослушала сводку и, как всегда, отправилась в магазин за хлебом. Она шла медленно, очень медленно, и считала шаги. Ей всегда казалось, что магазин очень близко от дома, а на самом деле он был в двухстах двадцати шагах, да еще четыре до прилавка в самом магазине. Вернувшись, она разожгла таганчик. Соседка принесла ей супу и немного поплакала, глядя, как ест Мариша.

— Переезжай ко мне, моя родная, — сказала она. — Ничего, будем жить. Нужно жить.

И она была совершенно права.

Через месяц отряд сандружинниц отправлялся на фронт, и Мариша шла по ночным улицам и прощалась с городом, в котором все были так нужны друг другу. И город провожал ее.

— До свидания, дочка, — говорили дома с забитыми окнами, мертвые на первый взгляд, но живые, живые! — Счастливо, дочка! Возвращайся с победой!

— Возвращайся с победой, Мариша! — говорили колоссы Эрмитажа.

И тот, на котором была трещина от снаряда, еще долго смотрел ей вслед — все смотрел, хотя отряд давно уже свернул с улицы Халтурина к Марсову полю и давно ничего не было видно в темноте холодной медленной ночи.

1941 г.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Почему рассказ назван «Самое необходимое»? Что, по-вашему, писатель вложил в эти слова?

2. Почему работа в госпитале была для Мариши необходимой? Как ей удалось туда устроиться?

3. Почему она запрещала своей маме думать?

4. Как повлияли на нее смерть отца и матери?

5. Почему так важно было Марише не умереть? Какое впечатление произвел на вас ее ночной разговор со Смертью?

6. Почему стать сандружинницей и попасть на фронт стало для Мариши более необходимым, чем работать в городском госпитале?

7. Какими чертами характера обладала эта девочка?

---

## О рассказе Вениамина Каверина «Кнопка»

В сюжетном плане этот рассказ можно рассматривать как продолжение рассказа «Самое необходимое». Перед нами молоденькая девушка, сандружинница, задача которой — спасать раненых и вытаскивать их из-под обстрелов. За свой маленький рост ее прозвали Кнопкой.

В рассказе описан эпизод, как в жаркий августовский день, когда раненые просят пить, девушка отправилась за водой на колодец, находящийся под прицелом немцев. Под градом пуль она доползла до колодца и достала ведро воды.

По дороге обратно Кнопка обнаружила раненого бойца и, оставив ведро, потащила раненого в санитарную машину, чтобы остановить кровь и перевязать его раны. Сделав все, что надо, она вернулась за ведром.

Характерно, что никто из раненых, хотя их губы пересохли от жажды, на этот раз не попросил пить. А почему? Ответить на этот вопрос писатель предоставил читателям.

Вениамин КАВЕРИН

### КНОПКА

(публикуется в сокращении)

Это была маленькая, толстая, румяная девушка с короткими косичками, перевитыми лентами и торчавшими над открытыми ушами. У нее было много прозвищ — Мячик, Чижик... Но из всех многочисленных прозвищ удержалось самое простое — Кнопка. Возможно, что оно намекало на ее маленький нос, напоминающий кнопку... Кнопка так Кнопка! Главное было: всюду поспеть и все сделать самой. И она попевала всюду.

Был жаркий августовский день. Утро прошло. Солнце стояло в зените... Вокруг ни тени. Очень хотелось пить, и первый сказал об этом маленький лейтенант с перевязанной головой, который всю дорогу подбадривал других, а теперь беспомощно раскинувшись и тяжело дыша, лежал на дне канавы.

— Нет ли воды, сестрица? — просил он.

И точно сговорившись, все раненые стали жаловаться на сильную жажду.

Воды не было. Метрах в ста от разбитой шоссейной сторожки виднелся колодезный сруб. Но была ли там вода, неизвестно. Если и была, как добраться до нее через поле, на котором ежеминутно рвутся снаряды?

— Где ведро? — спросила Кнопка у шофера.

Он посмотрел на нее и молча покачал головой.

— В машине осталось?.. Да что же ты молчишь! В машине?

— Ну, в машине, — нехотя пробормотал шофер.

— Ты за ними присмотришь, ладно?

И прежде чем шофер успел опомниться, она выскочила из канавы и ползком стала пробираться к машине.

Это было еще полбеды — доползти до машины и разыскать полотняное ведро в ящике, полном всякой рухлядью, которую шофер зачем-то возил с собой. Она достала ведро, и, сложив его, как блин, засунула за пояс. Главное было впереди — добраться до шоссейной сторожки, уже не прячась в канаве, пройти до колодца.

Впрочем, «первое главное» оказалось не таким уж трудным. Канавы были глубокая, а Кнопка — маленькая...

Вот и сторожка, то есть то, что от нее осталось. За ней начиналось «второе главное».

До сих пор Кнопка не думала, есть ли в колодце вода. Эта мысль только мелькнула и пропала, когда она разглядывала сруб издали. Но теперь она снова подумала: «А вдруг воды нет?» В первый раз ей стало действительно страшно.

Вокруг был такой ад, такой отвратительный вой свистящего и рвущегося воздуха стоял над ее головой, так трудно было дышать, так устали руки, так скрипел на зубах песок — и все это, быть может, напрасно. Но она продолжала ползти.

Сруб стоял на огороде, а огород был отделен изгородью, хотя невысокой и полуразбитой, но которую все же нужно было обойти, чтобы добраться до сруба.

Легко сказать — обойти! Это значило, что по крайней мере метров тридцать нужно было ползти под огнем. Руки очень ныли, спину ломило, и Кнопка, прижавшись лицом к земле и стараясь ровнее дышать, решила, что не поползет. Ведро было на длинной веревке, она перебросит его через изгородь, авось угодит в колодец.

Четыре раза она перебрасывала ведро, прежде чем оно попало в колодец. Наконец, удалось. Но оно упало бесшумно, и Кнопка поняла, что колодец пуст.

С минуту она лежала неподвижно. Не то, чтобы ей захотелось заплакать, но в горле зашипало, и она должна была несколько раз вздохнуть, чтобы справиться с сердцем.

— Так нет же, есть там вода! — вдруг сказала она про себя. — Не может быть! Есть, да глубоко.

Она сняла пояс и привязала его к веревке. Ведро чуть слышно шлепнуло — или это ей показалось? Приблизившись к изгороди вплотную и приподнявшись на локте, она ждала несколько секунд. Веревка все натягивалась. Кнопка слегка подергала ее и поняла, что ведро наполнилось водой.

— Ну-ка, голубушка, — сказала она не то ведру, не то самой себе и стала осторожно вытягивать ведро из колодца.

Она вытащила его — мокрое, расправившееся, полное воды, и, вскочив, быстро перехватила рукой...

И тут она впервые задумалась над тем, как вернуться обратно с ведром, полным воды, — ведь теперь его не засунешь за пояс. Эх, была, не была! И, подхватив ведро, она побежала к сторожке.

Где-то близко разорвался снаряд. Земля осыпала ее с головы до ног. Она только присела на мгновение, отряхнулась и побежала дальше...

Запыхавшись, положив руку к сердцу, она остановилась у сторожки и заботливо заглянула в ведро: не очень ли много расплескалось? Не очень!

Теперь все было в порядке: от сторожки до машины рукой подать и можно пройти по канаве.

— Пережду, как станет потише, — сказала она себе, — и айда!..

И вдруг она услышала чей-то голос. Сперва она подумала, что ослышалась, потому что это слабый голос назвал ее.

— Что? — невольно откликнулась она и в ту же минуту увидела руку, торчащую из-под разваленных досок.

— Сейчас, голубушка! — сказала Кнопка, осторожно снимая с него разбитые доски. — Подожди, милый!

Она заставила бойца обнять себя руками за шею и проползла вместе с ним метров двадцать. О воде она вспомнила, уже когда была рядом с санитарной машиной.

— Ладно, скоро вернусь, — быстро пробормотала она. — Жаль только, что согрется. Эх, не прикрыла!..

Шофер, заметив, что она возвращается не одна, выскочил из канавы и пополз к ней на четвереньках. Вдвоем они доставили раненого в укрытие, осторожно сняли с него гимнастерку, и, быстро, приговаривая, Кнопка стала останавливать кровь и перевязывать раны.

Никто больше не просил пить. Никто даже не спросил у Кнопки, была ли в колодце вода. Жара стала еще удушливее, и маленький лейтенант лежал, закинув голову и полуоткрыв пересохшие губы. Но он только взглянул на Кнопку и не сказал ни слова.

— Ты что, Кнопка? — спросил шофер, заметив, что она время от времени нетерпеливо поглядывает на сторожку.

— Ничего, — отвечала кнопка. — Кажется, потише становится, а?

Становилось как раз не «потише», а «погромче», и шофер только сомнительно покачал головой.

— Нет, потише, — упрямо пробормотала Кнопка и вдруг, выскочив из канавы, опрометью побежала к сторожке.

Через несколько минут она вернулась, таща ведро с водой. Правда, назад она летела так быстро, что с добрых полведра выплеснулось, но еще оставалось много великолепной, не успевшей согреться, чистой, вкусной воды.

— Голубушки, принесла! Честное слово, принесла! — закричала Кнопка, подтанцовывая и сама глядя на воду с искренним удивлением. — Вот так штука! Принесла!

Через полчаса, когда обстрел прекратился, раненые, которых она напоила и умыла, были уложены в машину, Кнопка с дороги в последний раз взглянула на мертвый, взрытый снарядами кусок земли между колодцем и канавой. Песок вдруг скрипнул у нее на зубах, напомнив о том, как она ползла, подтягиваясь на руках, и как справа и слева рвались снаряды.

«Должно быть, я храбрая, что ли?» — неясно подумала она и поправила развязавшуюся ленточку на тугой короткой косичке.

Впрочем, спустя несколько минут она уже не думала об этом.

Машина по-прежнему ныряла по рытвинам, и нужно было следить, чтобы кто-нибудь из раненых не ударился головой о раму.

1942 г.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. *О чем говорит описанный в рассказе эпизод из жизни девушки-санитарки, прозванной Кнопкой? О чем заставил задуматься?*

2. *Почему так важно было добыть воду для раненых? Как ей удалось достать воду из колодца?*

3. *Какие черты характера проявила Кнопка, чтобы принести под градом пуль ведро воды для раненых? Только ли одну храбрость?*

4. *Как, возвращаясь с ведром воды, девушка сумела спасти раненого бойца?*

5. *Как вы думаете, почему никто из раненых, губы которых пересохли от жажды, не попросил пить у Кнопки, когда она доставила в санитарную машину раненого бойца и перевязывала ему раны?*

### **Дополнительная литература**

Б. Васильев. «А зори здесь тихие»

С. Алексиевич. «У войны не женское лицо»

К. Симонов. «Малышка»

## РАЗДЕЛ 11

# В ГОСТИ К РАНЕНЫМ БОЙЦАМ

Если бьешь немецких фрицев,  
Так уж бей их посильней.  
Если ты лежишь в больнице,  
Выздоровливай скорей.

*Софья Полякова*

Гемба Михаил, 11 лет. **В бою**



В военные годы было распространено культурное шефство школ над госпиталями, где лечились и восстанавливали силы раненые бойцы.

Где бы ни находился госпиталь — в прифронтовой полосе или в глубоком тылу, — если в тех местах была школа, то она договаривалась с дирекцией госпиталя о шефских концертах детей, читке книг, театральной самодеятельности или просто о посещении раненых для ухода за ними.

Это было общественной работой школьников, которую они с удовольствием выполняли. Девочки дарили раненым сшитые их собственными руками кисеты, штопали их белье.

Характерен в этом отношении фрагмент из дневника пионерской дружины 105 школы Ленинграда, включенного в книгу «Был город-фронт, была блокада» (Л.Детлит, 1984, с. 43):

«23 января 1942 год. ...Девочки третьих классов ходили выступать в госпиталь.

26 января... Девочки десятых классов выступали с концертом в госпитале.

28 января... 7-10 классы выступали с концертом.

3 февраля 1943 год. ...Девочки десятого класса ходили в госпиталь. Починили 50 штук белья.

4 февраля. ...1943... Девочки 10 класса ездили в госпиталь на 17-ую линию Васильевского острова к раненым разведчикам.

5 февраля... Девочки восьмого класса дежурили во 2-й хирургии, читали и рассказывали в палатах...»

При неоднократном посещении одних и тех же больничных палат устанавливались дружеские взаимоотношения детей и взрослых. Те и другие ждали этих встреч, готовились к ним.

Дети своим участием поддерживали дух раненых, вызывали в памяти образы собственных детей, а раненые пробуждали детские сердца к милосердию и сопереживанию. Ведь у многих из них отцы сражались на фронте и тоже могли быть ранеными.

Писатели — военные корреспонденты — посещали госпитали, и им не раз приходилось быть свидетелями шефских встреч детей с ранеными фронтовиками.

Тема опеки школьниками раненых бойцов, находившихся в госпиталях во время войны, нашла отражение на страницах литературных произведений тех лет.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*С. Полякова. «В гостях у раненых бойцов»*

*Л. Кассиль. «Отметки Риммы Лебедевой»*

*Л. Кассиль. «Держись, капитан»*

---

**О рассказе Софьи Поляковой «В гостях у раненых бойцов»**

*Рассказ повествует о первом посещении школьником Сережей госпиталя и о первой встрече его с ранеными фронтовиками. Ему предстояло прочитать для них вслух одно хорошее произведение.*

*Сережа шел один, и ему было страшно увидеть раненых. Он посвоему представлял их пугающий облик. Однако раненые бойцы оказались добрыми людьми и совсем не страшными. Они не только поблагодарили Сережу за его чтение, но и поддержали начатую им игру «в стихи».*

*Получилось весело и азартно. Сережа с хорошим настроением покинул госпиталь и решил приходить к бойцам еще. Его веселое и счастливое состояние от посещения госпиталя, когда он шел домой, поддерживало чириканье весенних воробьев.*

*Обсуждая рассказ, важно проследить изменение внутреннего состояния мальчика — от страха к радости, происшедшее за время посещения раненых, и объяснить его причину.*

Софья ПОЛЯКОВА

**В ГОСТЯХ У РАНЕНЫХ БОЙЦОВ**

(«Мурзилка», 1944, № 2–3, с. 12–13)

**С**маленькой книжечкой под мышкой шел Сережа в госпиталь. Светило солнце, и начинал уже таять снег. Все ленинградцы прислушивались к капели и улыбались. Это кончилась трудовая, холодная зима. Люди смотрели на солнце, и всем становилось весело. «А снегу-то конец пришел, — говорили друг другу на улице незнакомые прохожие. — Поздравляю!»

Сереже тоже было весело глядеть на весну, он тоже говорил «снегу-то конец», а потом вдруг екнуло сердце: он боялся остаться в палате с ранеными. Сережа никогда не был в больнице, и теперь ему было страшно. Он думал, что раненые будут сто-

нать, что у них страшные лица и страшные глаза, что им вовсе не хочется видеть его, Сережу.

Чем ближе был госпиталь, тем медленнее шел теперь Сережа — для храбрости. Вот и серое здание — госпиталь. Сережа отдал пальто на вешалку, а ему дали большой, на взрослого, халат с печатями. На лестнице ничем не пахло, и было вовсе не страшно: лестница как лестница, коридор как коридор. Все это было не похоже на то, что Сережа ожидал увидеть.

Он помедлил перед дверью в палату, а потом разом нажал ручку и открыл дверь. В палате было человек двадцать, все под одинаковыми одеялами и в одинаковых рубашках. Лица у раненых были спокойные, и на вид даже очень здоровые, даром что у многих были забинтованы руки и ноги.

Сережа с порога сказал:

— Здравствуйте! Я пришел к вам очень интересную книгу читать.

Бойцы с ним приветливо поздоровались, а один раненый посмотрел на Сережу и сказал:

— Иди сюда, я тебе рукава немного укорочу, а то утонешь.

Сережа сел к нему на кровать, и раненый боец ловко подвернул ему рукава халата.

— Так лучше будет, а то ты такой, а халат вот та-кой. — И боец рассмеялся.

Сережа посмотрел на веселого бойца, на светлые солнечные квадраты на полу и перестал бояться.

Он сел на стул посредине палаты и громко стал читать. Все внимательно слушали. Когда Сережа прочитал всю книжечку про то, как один человек оказался на необитаемом острове, а друзья его нашли, на корабле отвезли на родину и спасли от смерти, все закричали: «Хороший рассказ! Это про наш Ленинград написано. Наш город в беду попал, а друзья его выручили!»

Сережа совсем осмелел и говорит:

— А теперь я прочту стихотворение, которое вчера сам сочинил. Все захопали.

## ПИСЬМО ОТЦУ

Папа, друг сердечный мой,  
Возвратишься ль ты домой?  
Может, ты лежишь в больнице,  
Может, бьешь немецких фрицев?

Если бьешь немецких фрицев,  
Так уж бей их посильней.  
Если ты лежишь в больнице,  
Выздоровливай скорей.

Сережино стихотворение всем понравилось, и его хвалили, а раненый боец, который Сереже поправил рукав халата, говорит:  
— Я тоже стихами говорить умею: буду бить врага, когда пройдет нога.

— Хорошо! — сказали все.

— «Хорошо, когда немец ушел» — говорят в нашей деревне.

— Давайте стихами говорить! — крикнул Сережа.

— Твоя очередь! — закричали ему.

— «Мне охота в морскую пехоту». И это правда, — сказал Сережа. — У меня друг есть, Гриша. Он — краснофлотец. Его корабль вон из этого окна видно. Посмотрите.

Несколько Бойцов встали и подошли к окну посмотреть на Гришин корабль на Неве.

— «Если Гриша и на крыше, все равно я выше Гриши». Угадай, почему? — спросил Сережу боец с самой далекой койки и прищурил один глаз.

— Угадал, — обрадовался Сережа. — Потому что вы — летчик.

Все увлеклись этой игрой и забыли, что кричат чуть ли не во все горло. А летчик с самой дальней койки придумал стихотворение про петуха и громко закукарекал.

Вошла сестра и говорит:

— Как же так! Почему вы кричите и кукарекаете? Шум на весь госпиталь! У вас повысится температура, вы же — больные.

— Не сердитесь, сестрица. Этого не случится.

— «Не сердитесь», — передразнила сестра. — Мне попадет и вам попадет. А больше всех вот этому молодому человеку.

Сестра показала пальцем на Сережу.

— Чтобы сейчас же попрощаться и уходить!

Сережа пожал всем руки. Неохота ему было уходить. Бойцы хлопали ему по плечу, благодарили и звали приходиться еще.

— До свиданья, друзья, прогоняют меня, — сказал уже в дверях Сережа.

Он ушел из госпиталя веселый и счастливый.

«Хорошие люди лежат в палате номер три. Обязательно приду, когда не будет дежурить эта сердитая сестра», — думал он и поддевал мокрые сосульки.

Со всех подоконников текло. Снег лежал рыжий, весенний. Сереже даже показалось, что чирикают воробьи на солнышке.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. Зачем Сереже понадобилось идти в госпиталь? Почему он боялся заходить в палату к раненым?
2. Как он представлял себе раненых? И какими они оказались на деле?
3. Что соединило Сережу и раненых? Какую игру, сдружившую всех, мальчик придумал?
4. Почему он ушел из палаты веселый и счастливый?
5. Почему появилось желание навещать раненых впредь?
6. Как весна повлияла на настроение людей и сказалась на Сереже и на раненых бойцах?

---

### **О рассказе Льва Кассиля «Отметки Риммы Лебедевой»**

*Написан в первые годы войны. Передавался по радио. Впервые рассказ опубликован в сборнике Л. Кассиля «Друзья-товарищи» (Свердлгиз, 1942).*

*В рассказе Лев Кассиль показывает ситуацию, когда не столько школьники помогали раненым, сколько раненые помогали школьникам.*

*Речь в данном случае идет о третьекласснице Римме Лебедевой, которая перестала учиться. Свое нежелание она оправдывала перенесенными ею потрясениями, связанными с бомбежками немцев в тех местах, откуда она приехала.*

*Усилия учителей и учеников не изменили ее отношения к учебе. Изменило — посещение госпиталя, где раненый в руку лейтенант Тарасов попросил ее написать письмо его дочери, такой же школьнице, как и Римма.*

*Когда он увидел, сколько ошибок она сделала в этом письме, он взялся учить ее правилам написания русских слов, а заодно и географией заинтересовал, рассказывая, в каких местах живут его друзья.*

*Эта дружба пробудила у девочки интерес к учебе. Тарасов увидел в ней свою дочь, а она в нем — заботливого учителя и отца. О том, что давала встреча детей с ранеными бойцами, что она значила для тех и других, мы и предлагаем вести разговор на материале данного рассказа.*

Лев КАССИЛЬ

## ОТМЕТКИ РИММЫ ЛЕБЕДЕВОЙ

**В**город Свердловск приехала вместе со своей мамой девочка Римма Лебедева. Она поступила учиться в третий класс. Тетка, у которой жила теперь Римма, пришла в школу и сказала учительнице Анастасии Дмитриевне:

— Вы к ней, пожалуйста, строго не подходите. Они ведь с матерью еле выбрались. Свободно могли немцам в плен попасть. На их село бомбы кидали. На нее все это очень подействовало. Я думаю, что она теперь нервная. Наверное, она не в силах нормально учиться. Вы это имейте в виду.

— Хорошо, — сказала учительница, — я буду это иметь в виду, но мы стараемся, чтобы она могла учиться, как все.

На другой день Анастасия Дмитриевна пришла в класс пораньше и сказала ребятам так:

— Лебедева Римма еще не приходила?.. Вот, ребята, пока ее нет, я хочу вас предупредить: девочка эта, может быть, много пережила. Они были недалеко от фронта с мамой. Их село немцы бомбили. Мы с вами должны помочь ей прийти в себя, наладить учение. Особенно много не спрашивайте ее. Условились?

— Условились! — дружно ответили третьеклассники.

Маня Петлина, первая отличница класса, усадила Римму на своей парте, рядом с собой. Мальчик, сидевший тут раньше, уступил ей свое место.

Ребята давали Римме свои учебники. Маня подарила ей жестяную коробочку с красками. И третьеклассники ни о чем не спрашивали Римму.

Но училась она неважно. Она не готовила уроков, хотя Маня Петлина помогала ей заниматься и приходила к Римме на дом, чтобы вместе с ней решить заданные примеры. Слишком заботливая тетка мешала девочкам.

— Хватит вам учиться-то, — говорила она, подходя к столу, закрывала учебники и убирала Риммины тетрадки в шкаф. — Ты ее, Маня, уж совсем замучила. Она не то, что вы — дома тут сидели. Вы себя с ней не сравнивайте.

И эти теткин разговоры в конце концов подействовали на Римму. Она решила, что ей уже незачем учиться, и совсем пе-

рестала готовить уроки. А когда Анастасия Дмитриевна спрашивала, почему Римма опять не знает уроков, она говорила:

— На меня тот случай очень подействовал. Я не в силах нормально учиться. У меня теперь сдали нервы.

И когда Маня и подружки пробовали уговорить Римму, чтобы она училась как следует, она опять упрямо твердила:

— Я почти что на самой войне была. А вы были? Нет. И не сравнивайте.

Ребята молчали. Действительно, они не были на войне. Правда, у многих из них отцы и родственники ушли в армию. Но трудно было спорить с девочкой, которая сама была довольно близко от фронта. А Римма, видя смущение ребят, стала теперь прибавлять к теткиным словам еще свои собственные. Она говорила, что ей скучно учиться и неинтересно, что она опять скоро уедет на самый фронт и поступит там в разведчицы, а всякие диктовки и арифметики ей не очень нужны.

Недалеко от школы был госпиталь. Ребята часто ходили туда. Они читали раненым вслух книги, один из третьеклассников хорошо играл на балалайке, и школьники тихим хором пели раненым «Светит месяц» и «Во поле березонька стояла». Девочки вышивали кисеты для раненых.

Вообще школа и госпиталь очень сдружились. Ребята сперва не брали с собой Римму. Они боялись, что вид раненых напомнит ей что-нибудь тяжелое. Но Римма упросила, чтобы ее взяли. Она даже сама сшила табачный кисет. Правда, он у нее вышел не очень складным. И когда Римма дала кисет лейтенанту, лежавшему в палате № 8, раненый почему-то примерил его на здоровую левую руку и спросил:

— Как вас звать-то? Римма Лебедева? — и негромко пропел: — Ай да Римма — молодец! Вот так мастерица! Шила раненым кисет — вышла рукавица.

Но, увидев, что Римма покраснела и расстроилась, поспешно поймал ее за рукав своей левой, здоровой рукой и сказал:

— Ничего, ничего, вы не смущайтесь, это я так, в шутку. Прекрасный кисет! Спасибо. А это даже хорошо, что и за рукавицу сойти может. Пригодится. Тем более, мне только для одной руки теперь и нужно.

И лейтенант печально кивнул на обмотанную бинтами правую руку.

— А вот вы мне сослужите в дружбу, — попросил он. — У меня тоже дочка есть, во втором классе учится. Олей зовут... Она мне письма пишет, а я вот ответа написать не могу... Рука... Может быть, сядете, возьмете карандашик? А я вам продиктую. Очень буду благодарен.

Конечно, Римма согласилась. Она гордо взяла карандаш, и лейтенант медленно продиктовал ей письмо для своей дочки Оли.

— Ну, давайте поглядим, что мы тут с вами вместе насочиняли.

Он взял левой рукой листок, исписанный Риммой, прочел, нахмурился и огорченно присвистнул:

— Фью!.. Это некрасиво получается. Очень уж грубые ошибки ставите. Вы в каком классе? В третьем пора уже чище писать. Нет, это не годится. Меня дочка засмеет. «Нашел, скажет, грамотеев». Она хоть и во втором классе, а уж знает, что, когда слово «дочка» пишешь, после «ч» мягкий знак совершенно не требуется.

Римма молчала, отвернувшись в сторону. Маня Петлина подскочила к самой койке лейтенанта и зашептала ему на ухо:

— Товарищ лейтенант, она не в силах еще нормально учиться. Она еще не пришла в себя. На нее очень подействовало. Они почти около самого фронта с мамой были. — И она обо всем рассказала раненому.

— Так, — промолвил лейтенант. — Не совсем это правильный разговор. Бедой и горем долго не хвастаются. Или уж терпят, или помочь горю-беде стараются, чтобы не стало их. Я вот за то и правую руку свою отдал, наверное, а многие и головы совсем сложили, чтобы ребята у нас учились как следует, как мы хотим, чтобы у них жизнь была по всем нашим правилам... Вот что, Римма: приходите-ка завтра после уроков на часок, потолкуем, и я вам еще письмецо продиктую, — неожиданно закончил он.

И теперь каждый день после уроков Римма приходила в палату № 8, где лежал раненый лейтенант. И он диктовал — медленно, громко, раздельно — письма своим друзьям. Друзей, родственников и знакомых у лейтенанта было необыкновенно много. Они жили в Москве, Саратове, Новосибирске, Ташкенте, Пензе.

— «Дорогой Михаил Петрович!» Знак восклицательный, вверх дубинкой, — диктовал лейтенант. — Теперь пиши с новой

строки. «Хочу знать», запятая, как двигается...» После «т» не надо мягкого знака в данном случае... «как двигается дело у нас на заводе». Точка.

Потом лейтенант вместе с Риммой разбирал ошибки, исправлял и объяснял, почему надо писать так, а не этак. И заставлял найти на небольшой карте город, куда посылалось письмо.

Прошло еще два месяца, и однажды вечером в палату № 8 пришла Римма Лебедева и, хитро отвернувшись, протянула лейтенанту ведомость с отметками за вторую четверть. Лейтенант внимательно проглядел все отметки.

— Ого! Это порядок! — сказал он. — Молодец, Римма Лебедева: ни одного «посредственно». А по русскому и географии даже «отлично». Ну, получайте вашу грамоту! Документ почетный.

Но Римма отвела рукой протянутую ей ведомость.

— Вы распишитесь... Вот тут, где написано «подпись родителей или лица воспитывающего»... Как — при чем вы? Кто же еще? А то мама в командировку уехала, а тетю я не хочу. Только ведь вы не можете... Рука...

— Могу! — сказал лейтенант. — Я уже давно могу. Давайте сюда.

Он поболтал в воздухе своей зажившей рукой и в графе «подпись родителей или лица воспитывающего» четко вывел: «Лейтенант А. Тарасов».

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. *Чем оправдывала Римма Лебедева свою плохую успеваемость?*
2. *Убедительно ли вам показалось это оправдание?*
3. *Как изменило ее отношение к учебе посещение госпиталя и знакомство с лейтенантом Тарасовым, раненым в руку?*
4. *Как подружились Римма Лебедева и лейтенант Тарасов?*
5. *Как получилось, что они стали нужны друг другу?*

---

### **О рассказе Льва Кассиля «Держись, капитан»**

*В годы войны писатель посещал больницы, где лежали раненые дети. Случай, описанный в рассказе, был на самом деле. Рассказ впервые напечатан в 1943 году в сборнике «Есть такие люди» и в*

сборнике «Обыкновенные ребята». До этого он неоднократно передавался по радио.

Речь в рассказе идет о раненом юноше по имени Гриша, лежащем в московском госпитале, специально предназначенном для пострадавших на войне детей и подростков.

До войны Гриша был капитаном юношеской футбольной команды. Навестить его приехали ребята из его команды. Друзья были шокированы, когда увидели, что у Гриши нет одной ноги. Они лишились дара речи. Разговор получился вялый. Гриша был грустный, а они не знали, как себя вести и где найти нужные слова, чтобы утешить друга.

Эти слова нашла Варя, которая, оставшись с ним наедине, подарила ему книгу из серии «Жизнь замечательных людей» об английском поэте Байроне, который, несмотря на хромоту, стал незаурядным спортсменом.

В тексте рассказа нет слов, вынесенных в название, но весь его пафос, в котором звучит авторский голос, как раз и передан словами «Держись, капитан!»

Лев КАССИЛЬ

## **ДЕРЖИСЬ, КАПИТАН!**

**В** Москве, в Русаковской больнице, где находятся дети, изувеченные фашистами, лежит Гриша Филатов. Ему четырнадцать лет. Мать у него колхозница, отец на фронте.

Когда немцы ворвались в село Лутохино, ребята попрятались. Но вскоре хватились, что Гриши Филатова нигде нет.

Его нашли потом красноармейцы в чужой избе, недалеко от дома, где жил председатель сельсовета Суханов. Гриша был в беспамятстве. Из глубокой раны на ноге хлестала кровь.

Никто не понимал, каким образом он попал к немцам. Ведь сперва и он ушел со всеми в лесок за прудом. Что же заставило его вернуться?

Это так и осталось непонятным.

Как-то в воскресенье лутохинские ребята приехали в Москву, чтобы проведать Гришу.

Навестить своего капитана отправились четыре форварда из школьной команды «Восход», вместе с которыми еще этим летом Гриша составлял знаменитую пятерку нападения. Сам капитан играл в центре. Слева от него был юркий Коля Швырев, любивший в игре подолгу водить мяч своими цепкими ногами, за что его и звали Крючоктвором. По правую руку от капитана играл сутулый и вихлястый Еремка Пасекин, которого дразнили «Еремка-поземка, дуй низом по полю» за то, что он бегал, низко пригнувшись и волоча ноги. На левом краю действовал быстрый, точный, сообразительный Костя Бельский, снискавший прозвище «Ястребок». На другом краю нападения мотался долговязый и дурашливый Савка Голопятов, по кличке «Балалайка». Он вечно попадал в положение офсайда — «вне игры», и команда по его милости получала от судьи штрафные удары.

Вместе с мальчиками увязалась и Варя Суханова, не в меру любопытная девчонка, таскавшаяся на все матчи и громче всех хлопавшая, когда выигрывал «Восход». Прошлой весной она своими руками вышила на голубой футболке капитана знак команды «Восход» — желтый полукруг над линией и растопыренные розовые лучи во все стороны.

Ребята заранее списались с главным врачом, заручились особым пропуском, и им разрешили навестить раненого капитана.

В больнице пахло, как пахнет во всех больницах, чем-то едким, тревожным, специально докторским. И сразу захотелось говорить шепотом... Чистота была такая, что ребята, теснясь, долго скребли подошвы о резиновый половичок и никак не могли решиться ступить с него на сверкающий линолеум коридора. Потом на них надели белые халаты с тесемками. Все сделались схожими между собой, и почему-то неловко было глядеть друг на друга. «Прямо не то пекари, не то аптекари», — не удержался, сострил Савка.

— Ну, и не бренчи тут зря, — строгим шепотом остановил его Костя Ястребок. — Нашел тоже место, Балалайка!..

Их ввели в светлую комнату. На окнах и тумбах стояли цветы. Но казалось, что и цветы пахнут аптекой. Ребята осторожно присели на скамьи, выкрашенные белой эмалевой краской. Только один Коля остался читать наклеенные на стене «Правила для посетителей».

Скоро докторица, а может быть, сестра, тоже вся в белом, ввела Гришу. На капитане был длинный больничный халат. И,

стуча костылями, Гриша еще неумело подскакивал на одной ноге, поджав, как показалось ребятам, другую под халат. Увидев друзей, он не улыбнулся, только покраснел и кивнул им как-то очень устало своей накоротко остриженной головой.

Ребята поднялись и, заходя друг другу за спину, стучаясь плечами, стали протягивать ему руки.

— Здравствуй, Гриша, — проговорил Костя, — это мы к тебе приехали.

Капитан подавил вздох и откашлялся, глядя в пол. Никогда так не здоровались с ним прежде. Бывало: «Здорово, Гришка!» А теперь очень уж вежливы стали, как чужие. И тихие какие-то больно, надели халаты... посетители...

Докторица попросила не утомлять Гришу, не шуметь особенно и сама ушла. Ребята проводили ее беспомощными взглядами, потом расселись. Никто не знал, что надо сперва сказать.

— Ну как? — спросил Костя.

— Да ничего, — ответил капитан.

— Вот приехали к тебе...

— Хорошо.

— И я с ними, — виновато проговорила Варя.

— Прицепилась, как колючка, ну и никак не отстает, — пояснил Еремка.

— Как? Болит? — кивнув на халат Гриши, спросил строго Коля Крючоктвор.

— Нечему уж болеть, — хмуро ответил капитан и откинул полу халата.

Варя тихонько ахнула.

— Эх ты, совсем напрочь!.. — не выдержал Еремка.

— Что ж ты думал, обратно пришьют? — сказал капитан, запахивая халат. — Заражение вышло. Пришлось хирургически.

— Это как же они тебя так? — осторожно спросил Костя.

— Как... Очень просто. Поймали. Велели говорить, кто в партизаны пошел. А я говорю: «Не знаю». Ну, они тогда завели меня в избу, где прежде Чуваловы жили... И шпагатом к столу прикрутили. А потом один взял ножовку да как начал ногу мне... После я уже не в состоянии стал...

— Даже выше колени, — сокрушенно проговорил Костя.

— А не все равно — выше, ниже... Одно уж...

— Ну, все-таки...

— А когда резали, слышал? — спросил любопытный Коля.

— Это на операции-то? Нет. Прочухался, слышу, только чешется. Я туда рукой цоп, а там уж нет ничего.

— Эх, заразы! — сказал, яростно ударив себя кулаком по колену, Савка. — Знаешь, Гришка, как ты тогда без полной памяти был, чего они у нас понаделали!..

Костя Ястребок незаметно ткнул кулаком в спину Савки:

— Савка... забыл, что тебе говорили? Вот на самом деле Бала-лайка!

— А я ничего такого не говорю.

— Ну и молчи.

— А энта, другая, ходит? — деловито осведомился. Коля, указав на здоровую ногу капитана.

— Ходит.

Все помолчали. На улице выглянуло солнце, неуверенно зашло за облако, опять показалось, словно уж более окрепшим, и Варя почувствовала на щеке его нежное весеннее тепло. Закричали вороны в больничном парке, сорвавшись с голых веток. И в комнате так посветлело, будто все тени смахнуло крылами унесшейся за окном стаи.

— Красиво у тебя тут, — промолвил Еремка, оглядывая комнату. — Обстановка.

Снова немного помолчали. Слышно было, как долбят за стеклом железный подоконник редкие мартовские капли.

— А занятия опять уже идут? — спросил капитан.

— У нас уже все идет нормально.

— По алгебре до чего уж дошли?

— Примеры решаем на уравнение с двумя неизвестными.

— Эх, — вздохнул капитан, — нагонять-то мне сколько...

— Ты только от нас не отставай на второй год, — сказал Ястребок.

— Мы тебе, знаешь, все объясним, — подхватила Варя, — это нетрудно, правда, истинный кувшинчик! Только сперва кажется. Там только значения подставлять надо под понятия, и все.

— А мы теперь, как немцы школу подожгли, в бане занимаемся, — рассказал Еремка. — Савка недавно у нас на переменке как брякнет в кадку с водой! А его как раз к доске вызвали. Такого ему жару математик задал, что он даже обсох сразу!

Все засмеялись. Капитан тоже улыбнулся. И стало легче. Но на этот раз все дело испортил Еремка.

— А у нас, — сказал он, — на пустыре, где косогор, тоже сухо почти. Снег сошел. Мы уже тренироваться начали.

Капитан болезненно нахмурился. Костя ущипнул Еремку за локоть. Все сердито смотрели на проговорившегося.

— Кого же теперь на центре поставите? — спросил капитан.

— Да, верно, Петьку Журавлева.

— Конечно, того уж удара у него сроду не будет, как твой, — поспешил добавить Еремка.

— Нет, ничего. Он может. Вы только за ним глядите, чтоб не заводился... А чего же он сам не приехал?

— Да он занятый сегодня, — быстро ответил Костя и соврал: просто ребята не взяли с собой Петьку Журавлева, чтоб капитан не расстраивался, видя, что его уже заменили.

— А я тебе чего привез! — вдруг вспомнил Коля, хитро посмотрел на всех и вытащил из кармана что-то на красной ленточке. — На. Дарю тебе навовсе. Это железный крест, настоящий, немецкий.

— И я такой же тебе привез, — сказал Еремка.

— Эх, ты! А я думал, у меня одного, — сокрушенно проговорил Костя, тоже вынимая из кармана немецкий орден.

Савка тоже полез было в карман, но подумал, вытащил из кармана пустую руку и отмахнулся: «У нас их столько немцы покидали! Как им двинули наши, так они побросали все».

— А я тебе книжку! — И Варя застенчиво протянула капитану свой подарок. — «Из жизни замечательных людей». Интересная, не оторвешься, истинный кувшинчик!

— Ух, чуть не забыл! — воскликнул Савка. — Тебе Васька-хромой кланялся.

— Са-а-ввка!.. — только и мог простонать Костя.

— Ну, и ты Ваське кланяйся, — угрюмо отозвался капитан. — Скажи: Гришка-хромой обратно поклон шлет, понял?

— Ну, нам время идти, — заторопился Костя, — а то на поезд не поспеем. Народу много.

Толпясь вокруг капитана, молча совали ему руки, И каждому казалось, что самого главного, ради чего и приехали, так и не сказали. Коля Крючоктвор вдруг спросил:

— А как же ты тогда на улице оказался? Ты ведь вперед с нами в лесу сидел. Куда же ты пошел?

— Значит, надо было, — отрывисто ответил капитан.

— Ну, счастливо тебе!.. Скорей управляйся тут да приезжай.

— Ладно.

И они ушли, неловко потолкавшись в дверях и оглядываясь на Гришу. Столько собирались к капитану, так и не поговорили... Ушли.

Он остался один.

Тихо и пусто стало вокруг. Большая сосулька ударилась о подоконник снаружи и, разбившись, загремела вниз, оставив влажный след на железе. Прошла минута, другая. Неожиданно вернулась Варя.

— Здравствуй еще раз. Я тут платок свой не позабыла?

Капитан стоял, отвернувшись к стене. Худые плечи его, подпертые костылями, вздрагивали.

— Гриня, ты что?.. Болит у тебя, да?

Он замотал головой, не оборачиваясь.

Она подошла к нему:

— Гриня, думаешь, я не знаю, зачем ты тогда обратно из лесу пошел?

— Ну и ладно, знай себе на здоровье! Чего ты знаешь?

— Знаю, все знаю, Гринька. Ты тогда думал, что мы с мамой в сельсовете остались, не успели... Это ты из-за меня, Гринька.

У него запылали уши.

— Еще что скажешь?

— И скажу!..

— Знаешь, так помалкивай себе в платочек, — буркнул он в стенку.

— А я вот не буду помалкивать! Думаешь, мне самое важное, сколько у тебя ног? У телки у нашей вон их целых четыре, а что за радость! И не спорь лучше. Я тебя, Гриня, все равно сроду одного не кину на свете. И занятия нагоним, только приезжай скорей, поправляйся. И на пруд пойдем, где музыка.

— С хромым-то ходить не больно интересная картина...

— Дурной ты... А мы с тобой на лодке поедem, в лодке и незаметно будет. Я веток наломаю, кругом тебя украшу, и поедem мы по-над самым берегом, мимо всего народа, я грести стану...

— Это почему же обязательно ты? — Он даже повернулся к ней разом.

— Ты же раненый.

— Кажется, грести-то я пошибче тебя могу.

И они долго спорили, кто умеет лучше грести, кому сидеть на руле и как вернее править — кормовиком или веслами. Наконец

Варя вспомнила, что ее ждут. Она встала, выпрямилась и вдруг схватила обеими руками руку капитана и, плотно зажмурившись, сжала ее изо всех сил в своих ладонях.

— Прощай, Гриня!.. Приезжай скорее... — прошептала она, не открывая глаз, и сама оттолкнула его руку. На улице ее ждали четверо.

— Ну как, отыскала платочек?.. — начал было насмешливо Савка, но Костя Ястребок грозно шагнул к нему: «Только брякни что-нибудь...».

А капитан вернулся в свою палату, поставил у койки костыли, лег и раскрыл книжку, которую подарила ему Варя.

Бросилось в глаза место, обведенное синим карандашом.

«Лорд Байрон, — читал капитан, — оставшийся с детства на всю жизнь хромым, тем не менее пользовался в обществе огромным успехом и славой. Он был неутомимым путешественником, бесстрашным наездником, искусным боксером и выдающимся пловцом...».

Капитан перечитал это место три раза подряд, потом положил книгу на тумбочку, повернулся лицом к стене и принялся мечтать.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как случилось, что Гриша Филатов лишился ноги? Как он попал к немцам и не ушел из села вместе с другими? Зачем ему понадобилось возвращаться в деревню?

2. За что так горячо любили члены футбольной команды своего капитана?

3. Почему они не хотели говорить ему, кто заменил его на посту капитана команды?

4. Как изменилось настроение раненого капитана после посещения его друзьями.

5. Как повлиял на него разговор с Варей Сухановой и подаренная ему книга о писателе Байроне?

6. Как вы думаете, о чем мечтал капитан, оставшись один?

## РАЗДЕЛ 12

# БУДУЩИЕ АДМИРАЛЫ

Где ж вы, родные мои, отзовитесь?!  
Сколько же лет разделяло людей?  
Дети войны, как и прежде, крепитесь!  
Больше вам добрых и радостных дней!

*С. Сирена*

Лайков Антон, 8 лет. **Боевая подводная лодка**



Тяга к морю характерна для подростков во все времена. Особенно она проявилась во время войны. Многие мальчишки-добровольцы вместе с отцами встали за защиту морских рубежей России.

Юнга — подросток, исполняющий на корабле обязанности матроса и обучающийся морскому делу. Известно, что, как только был построен город Кронштадт, Петр 1 повелел открыть в нем первую в России школу юнг. И вот 25 мая 1942 года, в самый разгар войны, был подписан приказ № 108 о создании на Соловецких островах в Белом море школы юнг Военно-Морского Флота.

Согласно этому приказу в школу юнг набирали 15-16-летних подростков. Однако случалось так, что в порядке исключения принимали и четырнадцатилетних мальчишек. Их готовили морским профессиям, чтобы они могли служить на военных кораблях и участвовать в боевых действиях.

Но не только юнги были первой ступенью к высшей морской должности — адмиралу. И другие пути во время войны могли вести к профессиональной вершине.

### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*В. Пикуль. «Мальчики с бантиками» (отрывок)*

*А. Первенцев. «Валька с торпедной девятки»*

---

### **О повести Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками»**

*В этой повести известный советский писатель Валентин Пикуль (1928—1990), автор многих исторических романов, созданных на документальной основе, от имени Савки Огурцова рассказывает о себе.*

*Повесть приглашает к раздумью над загадкой, как и почему в суровых условиях военного времени на холодном Севере вырастали не только первоклассные специалисты морского дела, но и личности большой величины.*

*Нам не удалось найти рассказов для детей на эту тему. Мы предлагаем фрагмент повести Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками», вполне доступный для восприятия подростков. Речь в*

*нем идет о принципах отбора на морскую службу и о радости поступления в школу юнг. Этот фрагмент мы условно озаглавили «Как становились юнгами».*

Валентин ПИКУЛЬ

## **МАЛЬЧИКИ С БАНТИКАМИ**

(Отрывок)

**В**июле буйно отцветала северная черемуха. В один из таких дней Савка от нечего делать поплелся на перевоз и еще издали заметил, что от реки в сторону Экипажа валит нескончаемая колонна подростков, почти его одноклассов — чуть постарше. В руках мальчишек тряслись фанерные чемоданы, болтались на спинах родимые домашние мешки. Вся эта галдящая ватага двигалась неровным строем в сопровождении вспотевших от усердия флотских старшин.

— Эй, кто вы такие? — крикнул Савка.

— Юнги, — донеслось в ответ.

— Какие юнги? — обомлел Савка. — Вы откуда взялись?

Из рядов — ему вразброд отвечали, что они из Москвы, из Караганды, из Иркутска, с Волги.

Старшина отодвинул Савку прочь:

— Не мешай! Разговаривать со строем нельзя.

А дальше все было как во сне. Одним махом Савка домчал до дому, из чемодана выхватил два тома своих сочинений и понесся вдоль речки Курьи, не чуя под собой земли, в сторону Экипажа. Юнги уже прошли через ворота в теснины дворов флотской цитадели, и Савка нагло соврал часовому:

— Я же с ними! Ей-ей, отстал на перевозе.

Штык часового откинулся, освобождая дорогу в новый волшебный мир, который зовется флотом. Иногда бывает так, что судьба человека решается в считанные минуты. И да будут они благословенны! Стоял июль — жаркий июль сорок второго года, когда, на советском флоте появилось новое воинское звание — юнга!

В гулких коридорах Экипажа не протолкнуться, всюду галдеж молодых голосов. Прибывший молодняк невольно терялся в новой обстановке, а потому, дабы чувствовать себя увереннее,

земляки держались друг друга. Скучивались москвичи, волжане, сибиряки, ярославцы.

Савке совсем некуда было приткнуться.

— Ленинградских нету? — спрашивал он.

Нет, питерских не было, давала себя знать блокада. Савка почувствовал себя отрезанным ломтем. В коридоре ему встретился какой-то мичман с аршинной ведомостью в руке; на ходу приложив бумагу к стене, он что-то наспех исправлял в ней.

— Где тут в юнги записываются? — спросил его Севка.

— Ты откуда такой свалился? — буркнул мичман. — Экипаж только принимает годных к службе на флоте и бракует негодных, а отбор в юнги проходил по месту жительства...

— Выходит, другим и нельзя? — обиделся Савка.

— Другие — отвались!

— А если я море люблю? Если жить без него не могу?

— Как угодно, — ответил, уходя, мичман.

Сотрясая коридор Экипажа, мимо пронеслась большая толпа кандидатов в юнги, и каждый восторженно потрясал белым листком, еще чистеньким, без отметок и помарок. Савку подхватило и понесло за ними.

— Вы куда, ребята? — спрашивал он на бегу.

— На комиссию. Для первого опроса.

— А что это за опрос такой?

— Если б знать! Говорят, по всем наукам гоняют.

— Я тоже с вами, — не отставал от них Савка.

— А где лист у тебя?

— Какой?

— А вот такой. Для комиссии.

— Нету листа! — отвечал Савка и мчался дальше.

Перевел дух возле дверей кабинета, где заседала комиссия.

Через толпу ребят пробирался хмурый капитан третьего ранга, и вдруг он цепко схватил одного юнгу за локоть.

— Покажи руки! Это что у тебя?

Руки были испещрены татуировкой. Капитан третьего ранга грубо распахнул куртку и обнажил грудь кандидата в юнги, разрисованную русалками и якорями.

— Дай лист, — приказал офицер и тут же порвал лист в клочья. — Можешь идти. Ты флоту не нужен.

— Простите! — взмолился тот. — Это можно свести... сырым мясом прикладывать... Дурак я был...

— Сведешь — поговорим! — Капитан третьего ранга открыл дверь в кабинет. — Входите по одному. Кто первый?

Первого выставили с треском через три минуты.

— Сразу засыпали, — говорил он, очумелый. — Мол, политически неподкован...

— Следующий! — потребовали от дверей.

Кто-то сзади больно треснул Савку по затылку, он влетел в кабинет и узрел пред собой грозное судилище.

— Где твой лист? — спросили от стола.

Савка выдернул из-за пазухи бухгалтерские тетради, заполненные «собственными сочинениями».

— Вот сколько листов! — сказал он в растерянности.

За столом оживились:

— Что это тут у него? Ну-ка, ну-ка...

На обложках было аккуратно выведено: «Военно-морское дело». Внутри тетрадей был размещен текст, украшенный рисунками на морские темы. Потому и разговор начался узкоспециальный.

— Какие огни несет судно, стоящее на рейде?

— Штаговый и якорный гакабортный.

— Что такое штаг и что такое гакаборт?

Савка отрубил слово в слово, как у него было записано в тетради.

— Каких систем якоря знаешь?

— Знаю по алфавиту: Бодца, Гаукинса, Денна, Инглефиль — да, Марелля...

— Стой, передохни! Какой якорь принят на нашем флоте?

— Холла. Самый надежный. С поворотными лапами.

Капитан третьего ранга нацепил очки, притянул к себе Савкины тетради.

— Хочу знать имя автора, — сказал он и вдруг спросил: — Ты случайно не родственник нашему комиссару?

— Это мой отец.

— А обходного листа нет?

— Нет.

Капитан третьего ранга извлек из стола чистую анкету, вписал в нее фамилию, имя и отчество Савки, потом спросил:

— В каком родился?

— В двадцать восьмом.

— Не пойдет. Хорош ты парень, но... мал. Набор в юнги производится среди тех, кому уже пятнадцать.

— Клянусь! — ответил Савка. — Мне пошел пятнадцатый.

— Ладно, — слегка подобрел капитан третьего ранга. — О чем мы толкуем, ежели под носом телефон стоит. Позвоним отцу. А ты, товарищ Огурцов, пока выйди и поскучай за дверью.

Скоро его позвали обратно в кабинет.

— Отец не возражает. Мы тоже. Забирай лист. Первую отметку «годен» ты уже получил. Не подгадь на медицинской комиссии. Там мы тебе помочь не сможем: врачи у нас строгие...

Отбор в юнги шел безостановочно, жестоко разделяя мальчишек на годных и негодных, на счастливых и несчастливых.

Врачи заняли гимнастический зал, отодвинули к стенкам спортивные снаряды...

Седой дядька в больших чинах обстучал его.

— Наклонись. Выпрямись. Руки вперед. Глаза закрой. Раздвинь пальцы... Водку пил?

— Нет. Что вы!

— Куришь?

— И не думаю.

— Когда собираешься?

— Что?

— Курить.

— Пока не хочется.

— Ну и ладно. Тощий ты, правда. Но на флотских харчах откормишься. Иди с богом на вертушку... Кто следующий?

Садиться в кресло-вертушку было страшно. Как раз перед Савкой одного кандидата в юнги так повело в сторону, что, полностью потеряв равновесие, он врезался лбом в стенку.

Красивая врачиха во флотском кителе велела Савке:

— Садись. Зажимаю руки. Ноги в ремни. Начали!

В одну полоску сразу вытянулись все лица, неслась перед глазами — уже без углов! — стенка зала, окна слились в одно. Но вот добавилось вертикальное вращение. Теперь кресло кувыркалось. Сплошная матовая дуга стала пестрой, и Савка уже не знал, где пол, где потолок.

Неожиданная тишина. Внезапный покой.

— Вылезай, — сказали ему, освобождая ремни.

Едва коснулся пола, как швырнуло в сторону. Савка сделал шаг, и его тут же вклеило грудью в подоконник. «Все пропало!» — было его первой мыслью. Но у докторов на этот счет, очевидно,

было какое-то свое мнение, и по движению руки красивой врачихи Савка догадался, что она пишет ему «годен».

— Теперь на силомер, — сказали ему.

Из рук врачихи он благодарно принял лист.

— А что со мной было? — спросил неуверенно.

— Ничего страшного, — отвечала она с улыбкой. — Ты, мальчик, наверное, будешь в море укачиваться. Но пусть это тебя не пугает... Адмиралы Ушаков и Нельсон тоже укачивались.

Савка занял очередь на силомер. Поинтересовался:

— А как тут? Не слишком придираются?

— Ерунда! — отвечали ему. — Нужно рвануть от пола рычаг, чтобы стрелка прибора указала не меньше семидесяти.

— Чего «семидесяти»?

— Килограммов, конечно.

Савка глянул на свой лист. Такого счастливого результата он сам не ожидал. Всюду «годен», «годен», «годен». Осталось заполнить последнюю графу на силомере, и тогда флот, издавна зовущий и такой заманчивый, сразу приблизится к нему...

Семьдесят килограммов!

И как назло острая ломота потекла от плеча вниз, пальцы будто налились ртутью. А очередь двигалась с роковой неумолимостью. Юнги рвали от пола рукоять прибора, который точно оценивал мускульное напряжение. На силомере гораздо чаще, чем у других столов, слышалось бодро-подгоняющее:

— Отходи! Следующий... Так, отходи! Следующий...

Судьба наплывала на Савку. Ближе, ближе, ближе...

Сколько он выжмет? Ну, сорок. Не больше.

Что делать? Как быть? Только бы не разреветься!

Савка сделал шаг в сторону из очереди...

Сто двадцать пять граммов хлеба в сутки, холод нетопленных жилищ, взрывы снарядов в соседних домах, ночные зарева пожаров — все это, вместе взятое, еще держало его в кольце жестокой фашистской блокады.

«Нет, мне не выжать!» И он выскочил в коридор...

В коридоре толпились счастливики, уже прошедшие все стадии проверки. Кто-то сзади положил руку на плечо Савке. Перед ним стоял остроскулый, чуть косоватый паренек, улыбался по-хорошему.

— Ты каковский? — спросил он, явно радуясь жизни.

- Был ленинградский, а теперь...
- А меня зовут Мазгутом Назыповым.
- Узбек ты или... Откуда будешь?
- Татарин касимовский буду. Касимов знаешь?
- Нет.
- Ну, я тебе расскажу потом... Давай дружить, хочешь?
- Еще бы!

Савка живо обернулся к новому товарищу.

— Мазгут, ты мне сам дружбу предложил, так? Вот и выручи меня. Бери мой лист, ступай в зал и дерни там ручку на семьдесят килограмм. А?

- Что, сам не можешь?
- В том-то и дело. После цинги. И рука болит.

Назыпов слегка отодвинулся от Савки:

- А если застукают?

Они разошлись, и Савка, ища поддержки, придвинулся к компании великовозрастных юнг, которые прятали сигарки в кулаках, тоже довольные жизнью. Среди них выделялся один здоровяк.

Довольный собой, он размял сигарку о радиатор парового отопления и зашвырнул окурочек в угол коридора.

Савка выбрал удобный момент и дернул силача за рукав.

— Будь другом, — взмолился Савка. — Вижу я, что тебе сил девать некуда. Так спаси — выжми за меня...

- Что тебе выжать надо?
- Да эти килограммы. Хотя бы семьдесят! Будь другом...

Парень призадумался. Взял у Савки анкету.

— Идет! — сказал бодро. — А фамилию мою ты запомнишь на всю жизнь — Синяков... Витька Синяков. Ясно?

Разделся, прикрыл себя Савкиным листом и смело шагнул в двери гимнастического зала. Скоро вернулся обратно.

— Я без очереди пролез. Сто двадцать пять, не мало ли?

— Ой, куда мне столько... Хватило бы и семидесяти! Вот спасибо, вот спасибо... Так выручил, так выручил, так выручил!

За стенами Экипажа навзрыд пропели тревожные горны.

Свершилось!

Вот он, самый вожделенный миг — получение моряцкой формы. Впервые для них, еще вчера бегавших в школу, специально для их слуха распелись соловьями старшинские дудки:

- Ходи до баталера. Бегом по трапам!

И хотя в здании Экипажа обыкновенная лестница с перилами, отныне она становится трапом, столовая — камбузом, уборная — гальюном, полы — палубами, потолки — подволоками, пороги — комингсами, а стены — переборками. Ошибаться никак нельзя, иначе засмеют!

— А где же ленточка к бескозырке? — спрашивали юнги.

При этом вопросе взмокли баталеры сатанели:

— Ты что? Первый день на свете живешь? Или папа с мамой не говорили тебе, что ленточка выдается только тому матросу, который уже принял присягу?

— А-а-а...

— Вот тебе и «а-а-а»! Забирай хурду и отчаливай.

Савка трепетно похватал свои вещички и понесся к лестнице.

Появился отец, взъерошил Савке волосы.

— Поздравляю. Тебе сегодня исполнилось четырнадцать.

— Разве? А я и забыл...

---

### **Вопросы обсуждения**

1. *Какие условия и требования были определены для поступления в Школу юнг?*

2. *Как Савка оказался среди тех, кто готовился стать юнгой?*

3. *Почему ему так хотелось стать юнгой?*

4. *Каким образом он оказался в той группе, которая была признана годной к морской службе? Были ли основания для этого?*

5. *В чем были его преимущества перед другими?*

6. *Как его выручили два тома собственных записей о морском деле?*

---

### **О рассказе Анатолия Первенцева «Валька с торпедной девятки»**

*В отличие от Савки Огурцова, Валька из рассказа советского писателя и драматурга Анатолия Первенцева (1905—1981) не заканчивал школу юнг. Он — один из многих беспризорных мальчишек, которые лишились в войну родителей и были предоставлены сами себе. И, как многие беспризорники, он оказался на Черном море, в портовом городе.*

*Валька слонялся возле морских кораблей, где его заметили моряки торпедного катера. Они выяснили, кто он и зачем тут. Моряков на катере было всего пятеро, каждый выполнял свою роль.*

*Командир катера по фамилии Балашов, у которого дома остался такого же примерно возраста сын, проявил к мальчику особое внимание. Увидев в нем деловую сноровку, шахтерскую выносливость, он взял его на катер под свое покровительство. Мальчишка оказался наблюдательным и быстро схватывал деловые обязанности каждого члена экипажа.*

*Полученные практические знания, Валька умело использовал во время боя, когда были ранены почти все члены экипажа, включая командира, и мальчик оказался в его роли. Он спас катер и всех членов экипажа.*

*Командир бригады был удивлен, когда узнал, что сделал это тот самый мальчишка, которого он посчитал сначала «фитюлькой». Мальчик был представлен к ордену и официально зачислен в команду корабля.*

*Обсуждая рассказ, важно показать, какими качествами должны обладать боевой командир — будущий адмирал флота.*

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

## **ВАЛЬКА С ТОРПЕДНОЙ ДЕВЯТКИ**

(«Костер», 1944, № 7–8, с. 2–6)

**О**днажды в порт пришел на мелкий ремонт торпедный катер. В тот же день поездом из Тбилиси прибыл грязный и оборванный мальчишка в шахтерской шляпе. Мальчишка, сойдя с поезда, немедленно направился в порт, куда магически тянуло каждого, прибывающего в этот город... Моряки торпедного катера только что закрепили швартовые и вышли на гранитные плиты — стенки. Их всего было пятеро: командир — лейтенант Балашов — механик, боцман и два моториста. Внимание лейтенанта привлекла шахтерская шляпа мальчишки.

— Из Крындычевки? — спросил лейтенант, называя свой родной Красный Луч по-старому, как привыкли называть его шахтеры...

— Нет. Я с под Артемовска, — сказал мальчишка, строго смотря на лейтенанта. — Мой батя работал в МТС, в совхозе. Его немцы убили.

— Убили? — переспросил Балашов. — Вот оно что. Дело плохо... А ты чего сюда?

— Ехал, ехал и приехал...

— Как тебя звать?

— Валька, — не спуская своих черных глаз с лейтенанта, ответил мальчишка.

— Отца жалко, Валька?

— Отца? — мальчик нахмурился, но, прочитав в лице лейтенанта подлинное участие, тихо сказал:

— Жалко. У меня хороший был батя. Ударник МТС.

— Ударник МТС? — лейтенант полуобнял мальчишку и пошел с ним по набережной.

Боцман Свиридов, рыжеватый веселый парень, посмотрел вслед командиру и сказал с сожалением:

— Дались ему эти мальчишки! Своего потерял где-то...

Лейтенант недолго шел по набережной. Вскоре он повернул обратно со своим новым знакомым. У них, очевидно, произошел дружеский разговор. Мальчишка не смотрел на лейтенанта с самолюбивой настороженностью, как несколько минут тому назад.

— Опять познакомились, товарищ командир? — спросил боцман.

— Опять, Свиридов. — Балашов повернулся к мальчишке. — Будьте знакомы: Валька, боцман нашего «океанского корабля» — старшина первой статьи Свиридов...

Подожли и остальные моряки с катера: механик Полевой, молодой парень из бывших трактористов, мотористы Сизов и Белошапка портовые рабочие из Херсона, пришедшие на флот за четыре месяца перед войной.

Так состоялось первое знакомство торпедного катера «093» — «девятки», как называли катер, — с тринадцатилетним мальчишкой Валькой.

И люди с первого встречного суденышка стали дороги Вальке и казались самыми лучшими моряками. Работали они всегда с песней, с шуткой, все были поголовно награждены, и это еще больше пленило мальчишку.

За пятеркой торпедной «девятки» весь день следили черные глаза, хотя моряки думали, что он приходит только к обеду... К нему относились как к равному, и никогда не попрекали куском хлеба.

Однажды механик сказал, что мальчишке следует приступить к работе. Все согласилось. Через несколько минут Валька был

снабжен «соляжкой», ветошью, и ему сказали, что он должен подраить. Мальчишка ретиво принялся за порученную ему работу. Теперь, когда склянки пробили двенадцать, он с легким сердцем мог съесть свой обед.

Так продолжалось еще несколько дней, а потом ремонт был закончен, и катер должен был выходить в Хопи, где находилась стоянка их дивизиона. Перед отплытием вся команда посоветовалась, что делать с мальчишкой. Валька сидел на берегу и, подперев щеку кулаками, печально смотрел на катер. Шахтерская шляпа уже была сменена бескозыркой, подогнанной по голове самим боцманом; поверх ситцевой рубахи лежал почетный матросский воротник. Паренек окреп, загорел, очистился от дорожной грязи, подстриг свои вихры.

— Возьмем его, ребята, — решил вдруг лейтенант. — Спросим начальство в Хеппи. Может, позволят взять вместо воспитанника.

Свиридов перемахнул на берег, подхватил мальчишку на руки и поставил его на палубу.

— Идешь с нами. Скажи спасибо товарищу командиру.

— Благодарю Вас, товарищ командир, — Валька вытянулся перед Балашовым.

Катер зарокотал, как самолет. Ничего не было слышно. Войдя в бухту, катер повернул к северу и ринулся по волнам. Валька, ухватившись за поручни, сжался в комок, его трясло, бросало... Иногда казалось, — катер ввинтится в воду и пойдет на глубине как подводная лодка, иногда думалось, — вот-вот взорвется в воздух. Вскоре волны стали меньше, рев моторов как будто ослабел и сразу потух. Немного подпрыгивая, как будто с кочки на кочку, катер подошел к пристани в небольшой бухте.

...Командир бригады вызвал к себе командира катера «093»

— Ну, Валька, за твоей судьбой отправился! — сказал лейтенант. — Молись, чтобы все было «ол—райт»...

— Нет таких традиций, чтобы брать воспитанников на катер. — Ну, другое дело, на крейсер, эсминец.

— Как исключение, товарищ командир.

— Мальчишка свяжет вас по рукам и по ногам. А если, к примеру, ранят его, или ногу оторвут? Тринадцать лет мальчишке!

— Постараемся его сохранить, товарищ командир, — говорил Балашов, чувствуя неубедительность своих доводов.

— Какой он? Может быть фитюлька?

— Совершенный моряк-черноморец, товарищ командир, — похвалил питомца лейтенант, — крепыш, железный парнишка. Разрешите только оставить, товарищ командир!

— Ну что с вами делать! — покачал головой командир бригады. — В общем, на ваше усмотрение. Только чтобы я его не видел и никто из начальства.

Возвратившись на катер, Балашов серьезно поговорил с мальчишкой. Валька понял — он никогда не подведет своего командира.

...

А потом наступили большие и трудные дни. На все боевые задания неизменно выходил вместе со всем экипажем и Валька.

Очень скоро Валька освоил пулемет, на ощупь знал каждую деталь, прекрасно изучил все его капризы. Он проводил много времени в моторном отсеке — и сложное моторное хозяйство было познано им. Иногда, в открытом море, командир глазами приглашал мальчишку положить руки на штурвал, указывая ему, что нужно делать, чтобы катер слушал его, и детские руки постепенно привыкли к механизму управления.

— Из него будет толк, — говорил Балашов. — Вырастим черноморца.

Катера обычно несли ночную дозорную службу, охраняя важную коммуникацию. Сюда, в засады, приходили с наступлением сумерек немецкие торпедные катера и располагались у берегов в кильватерной колонне, приглушив моторы. Немцы всегда приходили группами от четырех до двенадцати катеров.

Выйдя однажды в дозор, в составе двух катеров, при ведущей «девятке», Валька заметил на темном горизонте силуэты неприятельских катеров...

Это был для Вальки первый бой. Ему казалось безумным идти в атаку двумя катерами на двенадцать немецких. Море было большое и хмурое. Всегда можно было уйти от противника и спрятаться в его просторах. Но Балашов мчался вперед, туда, где оживали и увеличивались в размерах корабли противника. Надо было выгнать немцев из засады.

Глухой и непрерывный стук пулеметов, рев моторов и шипение бурунов, вздымающихся по обоим бортам катера, совершенно ошеломили мальчишку. Но на катере каждый занимался своим делом.

По катеру немцы вели огонь; Валька разобрал даже резкий взрыв снарядов, видел столбы воды, узкие и быстрые, моментально пропадавшие за ними, разобрал свист осколков. Потом катер развернулся левым бортом и полетел к берегу. Командир поднял руку и долго махал ею.

Валька был только свидетелем боя. Потом, раздумывая над поведением экипажа, он понял, что ему тоже могло найтись место. Но когда? Только тогда, если... кто-нибудь погиб. Но он сразу же отогнал от себя такие страшные мысли, от которых защемило сердце.

Валька затаенно ожидал какого-то дела, подвига. Что он делает? Пока ничего.

Свой подвиг Валька совершил неожиданно для себя.

Десантная операция была решена с присущими черноморцам храбростью и дерзостью. «Черная туча», как называли морскую пехоту немцы, нагрянула на занятые противником берега, низкие, утопающие в сером прибое. Торпедные катера обеспечивали левый фланг морского десанта, чтобы отсюда не пришли корабли противника, базировавшиеся на Феодосию и Ялту.

Но противник пришел, и с ним вступили в бой «балашовцы».

На дозорную двойку катеров во главе с балашовской «девяткой» бросились четыре немецких килевых катера шестидесяти-тонного водоизмещения.

Морской бой в этот раз проходил в неравных условиях. Опасность обострилась тем, что вместо легких катеров пришлось иметь дело с тяжелыми катерами.

Балашов решил отходить под прикрытием своей береговой артиллерии. Вызвав по радио поддержку и пользуясь превосходством в скорости, он оторвался от противника.

В это время из-за бурунов выпрыгнули еще четыре торпедных катера, маскировавшиеся у скал. Балашов принял бой. Поддержка должна была быть вот-вот.

— Сейчас начнется настоящая работенка, — прокричал Балашов на ухо Вальке. — Держись! Маневр и огонь! Может, отмотается.

Это были последние слова, которые услышал на борту корабля Валька от своего командира.

Немцы атаквали с двух сторон. Они пронеслись мимо, повернув в сторону двух советских катеров все свои пушки и пулеметы. Балашов решил торпедировать немцев. Один катер врага

сразу пошел ко дну, как бы провалившись в пучину, второй загорелся. Оставалось еще шесть катеров. Злой огонь снова налетел на «девятку», и когда оглушенный падением мальчишка вскочил на ноги, ни командира, ни боцмана, ни механика не было у своих мест. Они тоже упали, но подняться не могли. Катер, лишенный управления, как ореховая скорлупа, прыгал на волнах. Моторы работали, но управлять ими было некому. Валька подполз к командиру, и ему показалось, что рука командира отделена от туловища; липкая, черная кровь разлилась вокруг. Боцман повис у пулемета, и его бросало из стороны в сторону.

— Товарищ командир! — Валька склонился к лейтенанту. — Товарищ командир.

— Валька, выручай! — хрипел лейтенант. — К штурвалу, Валька! Катер выбрасывай на берег у Синей бухты...

— Есть, товарищ командир!

Валька поднялся к штурвалу, забрызганному кровью, и в точности выполнил все, что кричал ему Балашов. Внизу почувствовали управление. Сильнее забурчали моторы. Значит Балашов и Сизов живы, он не один на израненном корабле.

Валька направлял катер по курсу, указанному ему командиром. Он видел перед собой острую скалу, похожую на парус, вставшую торчком из глубины. Вправо от скалы «Синяя бухта» там отлогий берег и мелкая галька.

Мальчишка почти лежал на штурвале и ловил каждое слово командира. Слух его обострился до предела.

Берег быстро приближался. Валька сбавил обороты моторов... Подполз израненный Свиридов.

Из моторного отсека высунулись головы Белошапки и Сизова. Они махали руками, как птицы, но командир кричал: «Так... так держать, Валька!» Белошапка и Сизов нырнули снова вниз.

Валька отдал команду и выключил моторы. Стало тихо, только гудела вода. Потом послышался треск, удар, и катер, выпрыгнув на берег, продрал днище камнями и свалился набок.

Подожли запыхавшиеся люди, а вскоре причалил санитарный катер, чтобы принять раненых на борт. Валька как бы вырос в собственных глазах: его команды выполнялись. Вслед за санитарным катером прибыл катер с техпомощью. Матросы наложили временные заплатки на пробитые бока, откачали воду

проверили моторы и, поставив катер на плав, попросили довести до базы. Валька развернулся и повел катер к базе. Это было недалеко.

Торпедный катер «093» вошел в бухту и по всем правилам отшвартовался у пирса, где находилось начальство.

— Кто командир? — спросил изумленный командир бригады: он не мог поверить, каким образом, ничуть не «хромая», мог подкатить этот странный мальчишка.

— Товарищ командир бригады! Вольнонаемный Валентин Галин прибыл на торпедном катере из боевой операции. Из экипажа трое раненых, — отрапортовал Валька.

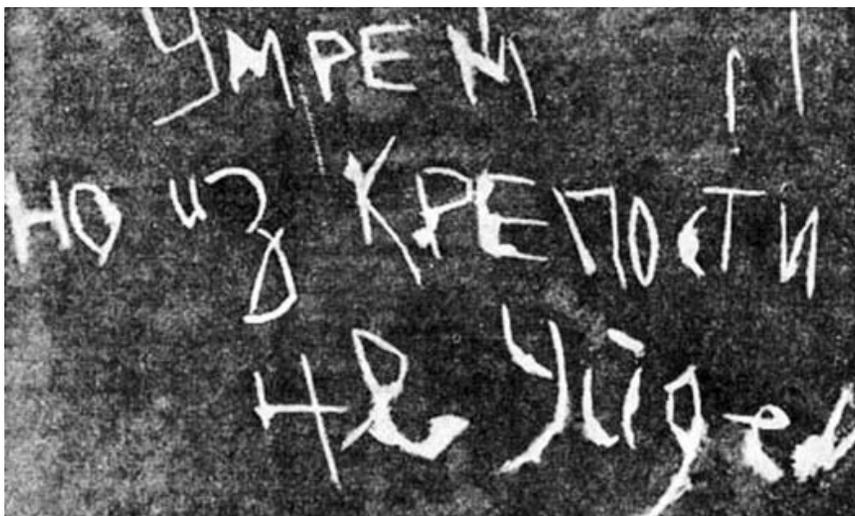
— Трое раненых и все герои, — сказал командир бригады, прижимая к себе мальчишку.

...

Валька шел позади командира бригады. Когда раскрылись двери палаты, мальчишку подтолкнули вперед: иди!

Валька обошел койку и, увидев лейтенанта, сразу осознал то ужасное, несправедливое, что произошло с этим хорошим человеком. Тяжелые крупные слезы покатались сквозь пальцы по огрубевшим рукам Вальки.

— Валька, что ты! — Балашов обнимал его здоровой своей рукой. Не выпуская мальчика из своих объятий, он обратился к командиру бригады: — жизни наши спас! Мало того, боевой корабль спас, товарищ командир...



— Балашов, все знаем, успокойся, — сказал командир бригады. — Представим Вальку к боевому ордену наряду со всем экипажем и зачислим краснофлотцем в дивизион.

Так началась морская жизнь Вальки с торпедной «девятки», может быть, — будущего русского адмирала.

---

### **Вопросы для обсуждения**

- 1. Как Валька — шахтерский мальчишка — оказался на военном катере? Тронула ли вас его судьба?*
- 2. Почему так активно хлопотал командир торпедного катера, чтобы начальство разрешило взять мальчишка в команду?*
- 3. Как приняла его команда катера?*
- 4. Как Валька познавал азы морского дела? Как эти знания он применил во время боя?*
- 5. Как ему удалось спасти корабль и раненых членов команды?*
- 6. Какие черты характера проявил Валька, взяв на себя командование катером и его спасением?*
- 7. Были ли основания у автора рассказа предполагать, что Валька может стать в будущем адмиралом?*

### **Дополнительная литература**

- С. Арутюнов. «Гвардии рядовой»*
- П. Вишнев. «Юнги»*
- П. Капица. «Черноморцы»*
- В. Рудный. Дети капитана Гранина*
- В. Саксанов. «Повесть о юнгах»*
- Л. Соболев. «Морские рассказы»*
- Л. Соболев. «Зеленый луч»*
- Е. Рыссю «Воспитание капитанов»*

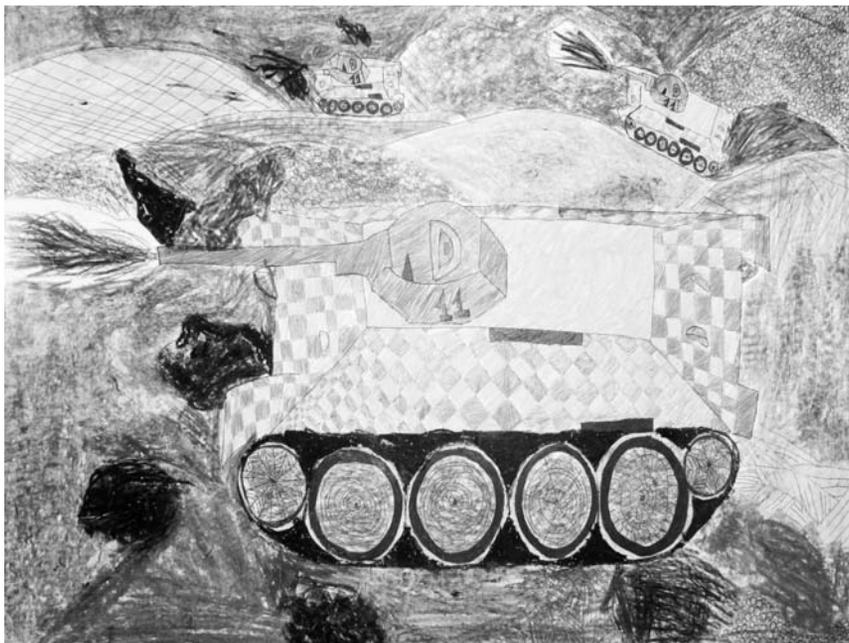
РАЗДЕЛ 13

**ХРАБРЫЕ ДЕВЧОНКИ  
И МАЛЬЧИШКИ**

Ты слышишь, Миш, я сильная, не плачу,  
И мне дадут на фронте автомат.  
Я отомщу за то, что слезы прячу,  
За то, что наши сосенки горят...

*Л. Тасси*

Храмынина Агата, 12 лет. **Танковый корпус**



Храбрость — это сочетание мужества и решительности в поступках, отсутствие страха перед опасностью, высокая смелость и самоотверженность. Отсюда вытекает понятие «храбрый», то есть человек, отличающийся отвагой, неустрашимостью в опасных ситуациях, в том числе и в военных действиях.

Подвиг, совершенный на войне, часто называют храбрый подвиг. По этой теме применительно к детям военного времени мы предлагаем три рассказа. Во всех трех храбрость проявляют не только мальчишки, но и девчонки.

Провоцируют их на храбрый поступок неожиданные обстоятельства, от которых зависит жизнь людей. Они требуют от человека решимости действовать немедленно, иногда отчаянно, несмотря на страх.

В разделе «Русские мальчишки» мы уже говорили о храбрости, проявленной мальчишками, а о храбрых девчонках и о всех вместе пойдет речь сейчас.

### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*М. Зощенко. «Храбрые дети»*

*Л. Успенский. «Танюшка»*

*Д. Бродская и А. Голубева. «105 разъезд»*

---

### **О рассказе Михаила Зощенко «Храбрые дети»**

*Текст этого рассказа мы даем не с самого начала, а с той истории, о которой пойдет речь. Начало же его имеет отношение не только к этой истории, но и ко всем трем рассказам, предлагаемым для обсуждения. Писатель здесь говорит о храбрости русских людей в целом и подростков в частности.*

*Протицируем этот текст: «Русские люди очень храбрые. Это всем известно. И взрослые храбрые, и многие дети тоже почти ничего не боятся. Это очень приятно знать, что у нас такие храбрые дети. Не знаю, конечно, как насчет самых маленьких, которым по пять или там по шесть лет. Насчет таких маленьких я вам ничего не могу ответить. Вы уже сами разбирайтесь в этом вопросе — храбрые вы или нет. Скорей всего, я так думаю, вы тоже не из пугливого десятка. А что касается детей, которым ис-*

*полнилось по десять или двенадцать лет, то это уже определенно храбрые ребята. Это очень приятно знать, что у нас такие храбрые дети».*

*После этого признания, автор и рассказал нам о событии, подтвердившем его слова. История редкая и необычная — пленение фашистского летчика ребятами, работавшими на картофельном поле.*

*Самому старшему из них было всего тринадцать лет, были среди них и семилетние. Они увидели немца, спустившегося из горящего самолета на то поле, на котором они убирали картошку.*

*Хотя семеро из них получили травмы, но зато им пришло благодарственное письмо от военного командования за совершенный храбрый поступок.*

*Как и в других рассказах для детей, Михаил Зощенко не скрывает здесь своего собственного отношения к случившемуся.*

**Михаил ЗОЩЕНКО**

## **ХРАБРЫЕ ДЕТИ**

...Эта история произошла в самом начале войны, когда фашисты напали на нашу страну. Они напали на нашу страну, как разбойники, как дикие звери. Их самолеты стали бросать бомбы на наши деревни и города. Они этим хотели напугать нас. Но нас не так-то легко напугать, поскольку среди нас очень много храбрых людей.

И вот в самом начале войны летит, представьте себе, по небу фашистский самолет.

Наши пушки стали стрелять. И подбили этот самолет. Он загорелся в воздухе и стал падать. Не знаю, сколько было фашистов на этом самолете. Известно только, что один летчик успел выброситься из горящей машины.

Он выбросился с парашютом и плавно спустился на одно поле. А на этом поле работали ребята одной здешней школы. И самому старшему из них было тринадцать лет. Он присматривал за ребятами, чтобы они правильно работали и не убежали.

А работа у них была интересная — они выкапывали картошку и накладывали ее в мешки. Они это делали потому, что многие взрослые были на войне, и некому было убирать картошку.

И вот работают они и вдруг видят такое происшествие — фашистский летчик спустился на их поле.

Он спустился около самого леса, выхватил револьвер из кармана и хотел стрелять. Но увидев, что это ребята, не стал стрелять. Спрятал свой револьвер и, наверно, подумал: «Такая мелочь, как эти дети, мне совершенно не опасна». И сам вытащил из сумки карту и стал глядеть на эту карту, чтобы узнать, где он находится и в какую сторону ему бежать.

Старший из ребят, Петюшка Соловьев, сказал ребятам:

— Нельзя допустить, чтобы этот немецкий летчик убежал. Давайте возьмем его в плен.

Тут некоторые даже засмеялись. Говорят:

— Как же мы его в плен возьмем. Это взрослый мужчина с револьвером. А мы — маленькие, неопытные, в плен никогда никого не брали. И даже среди нас находятся такие малыши, как Санька и Васютка, которым всего по семь лет.

Петюшка говорит:

— Зато нас сорок пять человек. Давайте подойдем к нему ближе. А когда я свистну — все в одно мгновение бросайтесь на него. Одни хватайте его за руки, другие — за ноги. Третьи — держите за волосы. Четвертые — за штаны. И тогда как-нибудь мы его одолеем.

И вот ребята подошли поближе к фашисту и стали на него смотреть, будто интересуются им. А тот и внимания на них не обращает, дескать, безобидные детишки, мелочь, не боюсь их.

И тут Петюшка свистнул в свои пальцы, и все ребята в один момент бросились на фашиста. И они бросились с такой быстротой и с такой силой, что фашист от неожиданности упал в траву.

Он упал в траву и стал бороться и кусаться и хотел вырваться, но ребята не выпускали его. Он отбрасывал некоторых ребят в сторону, но те снова наседали на него. И наконец вцепись в него со всех сторон, так крепко, что фашист уже не мог двинуться.

Особенно помогли делу трое ребят, которые держали фашиста за волосы. Они так держали его, что фашист прямо взмолился. Он закричал:

— Дети, прекратите ваши шалости. Отпустите меня, иначе я вашему учителю пожалуюсь. А главное — не дергайте меня за волосы, мне же больно.

И тогда все дети засмеялись. А Петюшка сказал:

— Нет, это не шалости. Мы вас взяли в плен. Сейчас свяжем вас и поведем в деревню. А что касается волос, то пока, будьте добры, потерпите. Это уж не такая сильная боль, чтобы кричать на все поле.

Тут Петюшка взял веревку, которая лежала у них на мешках, и стал связывать фашиста. Сначала связал ему руки. Потом на голову надел ему мешок и тоже завязал его вокруг шеи.

Наконец связал ноги. Причем так связал, как завязывают ноги лошади, чтобы она не убежала, но чтоб могла тихонько идти.

После этого Петюшка велел фашисту встать. И в таком виде они повели его в деревню.

Но тут выяснилось, что не все ребята могут идти в деревню. Некоторые из них пострадали довольно сильно. У одного была сломана нога. У другого вывихнута рука. У третьего был подбит глаз.

Всего пострадало семь человек. Но зато фашист был взят в плен.

И вот ребята привели этого фашиста в деревню. А через деревню в это время проезжала военная машина. И в этой машине находился один полковник.

Этот полковник очень смеялся, когда узнал, как ребята захватили фашиста. Он всех ребят поблагодарил и повез фашиста в штаб.

А перед этим он взял в свою машину всех пострадавших ребят и отвез их в госпиталь. И там им всем оказали медицинскую помощь. И вскоре они все поправились и вернулись в свою школу.

А через месяц ребята получили письмо с благодарностью от военного командования.

Недавно я видел это письмо. В очень красивых выражениях военное командование Красной Армии благодарило ребят за их храброе и мужественное поведение.

И все ребята были очень рады и довольны, что они получили такое письмо.

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. Кому из ребят, работавших на картофельном поле, пришла мысль напасть на немецкого летчика и связать его?

2. Было ли это шалостью детей, как подумал немец?

3. Как удалось мальчишкам и девчонкам взять в плен немецкого летчика? Поддерживаете ли вы этот поступок? Как бы вы действовали, оказавшись на их месте?

4. Зачем они повели его в деревню?
5. Над чем так смеялся полковник, узнав о случившемся?
6. Заслуженно ли ребята получили благодарность от военного командования?

---

### О рассказе Льва Успенского «Танюшка»

Лев Успенский (1900-1978) — писатель, языковед, филолог. До начала Великой Отечественной войны печатался в детском журнале «Чиж и еж», выпустил отдельную книжку детских рассказов «Кот в самолете». С 1936 года заведовал научно-познавательным отделом журнала «Костер». Широко известна его детская книга «Мифы Древней Греции».

В первый же день войны Успенский был призван в армию и направлен в Кронштадт. Работал военным корреспондентом в редакции газеты «Боевой зал». Был очевидцем прорыва блокады Ленинграда. После войны состоял членом редколлегии журнала «Костер». В этом журнале был опубликован его рассказ «Танюшка».

В рассказе речь идет о том, как девочка-подросток спасает себя и младшего брата от вторжения в дом раненого фашиста. Ее отец на фронте, мать на работе, а немец лезет в окно...

Лев УСПЕНСКИЙ

### ТАНЮШКА

(«Костер», 1942, № 9–10, с. 2–7, публикуется в сокращении)

Стояла весна... Прямо перед Танюшкиными глазами, за лугом начинался лес... Еще не одетый, еще полупрозрачный с зимы, он слабо туманился теперь первой зеленой дымкой. «Папкин лес!» — над этим лесом Танюшкин папка был лесником.

За первыми деревьями этого леса тянулось полотно железной дороги с телеграфными столбами и веселым блеском рельс. Оно, сквозя кое-где между деревьями выходило к реке Рубеженке, перекидывалось через нее высоким белым мостом о четырех решетчатых горбах и убегало на тот берег, на бурую Лежневскую гору.

Вспомнив папку, Танюшка расстроилась: вот уже скоро десять месяцев, как она не видела его. И плакать по этому поводу особенно не приходится: папка на фронте. Он немцев бьет. А лесником теперь мама. Но только бабушка и та сказала: «У-ту! Какие из нас с твоей мамкой лесники? Нас и заяц лапой под куст завалит!»

Танюшка посмотрела на стенку. Там были воткнуты в щель рядком один, два, три — много треугольничков — отцовских писем. Потом она взглянула на карточку. Папка на карточке был таким, каким она его в жизни ни разу не видела, — молодым прекрасно-красивым моряком. На груди у него висел бинокль, а на шапке было написано «Стойкий». Таню очень радовало, что ее папка «стойкий»...

За лесом тяжело грохотало. Донесся хриплый могучий гудок... Поезда теперь ходили поминутно. Все везли и везли что-то на войну, на фронт. Папке.

Потом скоро начало темнеть... Братик Митючок раззевался, отяжелел, стал капризничать. Пришлось напоить его молоком, уложить...

Когда сильно стемнело, Танюшка тщательно и аккуратно переделала все дела, которые ей заповедала мамка, и даже некоторые сверх того, постелила себе спать. Потом уж босая вышла припереть ставенки.

Ставни надо было сначала захлопнуть, потом заложить железными болтами, а затем, уже из комнаты, засунуть длинные гвозди в скважинки болтов. Тогда окошки закрывались толстыми деревянными щитками; только в одном из них, против фортки, оставался свободный квадратик.

Ставни эти папка навесил перед тем, как уехать на фронт. «Ну, Танько, теперь у нас не дом, а дот будет», — сказал он тогда, и теперь Танюшка с удовольствием закрывала эти щитки, потому что они папкины. Но, вообще-то говоря, она ничего не боялась. «А чего бояться, спрашивается? Место наше глухое, тихое... Не на фронте!»

Однако ей было приятно привести в действие папкину последнюю работу. «Все-таки лес, пустошина, мало ли», — строго думала она мамкиными взрослыми словами. «Где твое Лежнево? Одни живем!» Но даже эти мысли не приводили ее в трепет. Самое главное, оставалась она одна с Митючком... уже не первый раз.

Пока она работала на улице, прошли два поезда — туда и отсюда. Понемногу смерклось. Стало холодно. Танюшка уже хотела бежать домой, но в эту минуту до нее донесся снова далекий рокочущий гул. Никак еще поезд?

Она замедлила, но это был не поезд, это было что-то другое. Вот смолкло... вот опять... «Ух ты — никак самолет?!»

И действительно, это был самолет.

Он внезапно с рычанием вырвался из-за леса, круто повернул, точно испугался, что на лугу стоит дом, а перед домом — Танюшка, взмыл выше, потом еще выше и ушел назад. Девочка даже не успела его разглядеть хорошенько, так быстро он пронесся.

Все-таки протягивая тонкую шею, она постояла еще несколько мгновений, прислушалась. Самолет в этих местах был редкостью... И Танюшка пожалела, что Митючок спит.

Однако стало совсем холодно. Танько потянулась, зевнула. «Спать пора», — сказала она себе строго.

Она быстро заснула, согревшись рядом с Митючком...

Потом что-то разбудило ее. Она села, прислушалась.

Все было спокойно. Танюшка снова легла и закрыла глаза. Но вдруг ее точно оплеснуло холодной водой. Ни с того ни с сего ей стало не по себе. Скучно как-то или страшновато немного. Этого с ней не бывало никогда.

Беспокойство все росло. Выбравшись из-под одеяла, Танюшка села на кровати, спустила ноги, подрагивая от холода. Тревога ее не проходила. Теперь она ясно понимала, что разбудил ее выстрел. Кто-то стрелял тут недалеко. А кто? Зачем? Папки-то ведь нет?

Таня не знала, сколько времени провела она вот так в этой непонятной бессонной тревоге. Не могла она сказать, что именно ее беспокоило. Ведь все вокруг было таким же тихим, как всегда... Но что-то такое было...

Вот почему девочка почти не удивилась, не испугалась уже, когда под окнами на улице послышались тихие крадущиеся шаги. Невнятное бормотание, или вздохи. «Не пушу! — подумала только она. — Зачем пришел? Не пушу!»

Тихонько сползла она с кровати, подкралась не к тому окну, где была фортка, а к соседнему. Прижала нос к шершавым доскам ставня, заглянула в щель.

Около кучи стоял на земле какой-то «дяденька» в темной одежде и зубами с трудом затягивал узлом белый бинт на левой руке.

Танюшка точно приросла к своей щели.

Темный человек с усилием кончил свою перевязку. Потом воровато осмотрелся направо, налево, пробормотал что-то себе под нос... Прихрамывая он подошел к воротам, постоял, подумал, пристально оглядел Танюшкин дом и наконец осторожно побрякал концом щеколды. Таня перестала дышать.

Человек прислушался, побрякал еще.

— Хозяин! — сказал он затем негромко, устало и жалобно, но от этой его жалобности у Танюшки мурашки по коже прошли. — А, хозяин? Делай на милость, отпирай! — Никто ему не ответил.

Танюшка тихо-тихо села на лавку.

Человек затоптался снаружи на песке.

— Эй, хозяин! — уже громче стукнул он в ворота. — Что мне, помирать тут? Отпирай сейчас! Слышишь?

Таня молчала...

— А, так, — нетерпеливо и зло сказал он. — Не хочешь меня пускать, свинья? Ну, так сам ходить буду!

Он резко двинулся вперед и вскочил на скамейку под окнами. Этого Танюшка не выдержала. В испуге она отпрянула на середину комнаты. А этого ей как раз не следовало делать: как только тот, страшный, заглянул внутрь избы через форточку, он сразу же увидел маленькую комнату, освещенную полупогасшим ночником и белоголовую десятилетнюю девочку; прижав к груди худенькие руки, она с ужасом в упор смотрела на него. И страшный человек рассмеялся.

Он был опытен и умен. «Э, девчонка, видно, одна!.. Это редкая удача после всех бед...»

— Эй, маленькая! — крикнул он тогда, стараясь, чтобы ни нетерпение, ни досада не сквозили в его голосе. — Эй, куколка! Открывай немедленно! Я есть районный агроном! Я иду на деревню, которая носит название Лежнево. Упал в лесу. Поранил руку. Пускай ночевать!

Теперь Танюшку била настоящая дрожь. Она отчаянно затрясла головой.

— Нет! Не открою! Уходи! Уходи, дядька!

— Слушай, ты, девочка, — заговорил этот человек сквозь стекло почти ласково, почти умоляюще. — Я есть хороший человек! Я есть раненый красноармеец!

Танюшка никогда не видела в жизни живого немца. Она никогда не могла предположить, что какой-то немец может вдруг

забраться сюда, в их глухие, тихие, далекие от фронта места. Но сейчас, услышав это слово «крас-нор-мейц», как его тщательно по слогам выговорил человек за форточкой, она вся содрогнулась. Нет, это был не разбойник! Это был фашист! Он пришел сюда...

И вот она вдруг перестала дрожать. Уже совсем уверенно она замотала головой.

— Не пущу я тебя. Ты — фашист!

Фашист отчаянно выругался за окном.

— Ну, я буду входить сам!

Стекло форточки звякнуло, выдавленное снаружи, осколки рассыпались по полу, в квадратик ставня торопливо вползла рука в черном рукаве. Она суетливо ощупала шпингалет оконной рамы, дернула его. Рама распахнулась, но ставеньто был закрыт. Человек что-то бешено пробормотал там за ставнем, дернул силой болт. Потом, поняв, в чем дело он с силой захлопнул раму опять. Танино сердце заметалось до боли. Сейчас он найдет гвоздь!

Человек, стараясь дотянуться рукой до болта, плотно заткнул плечом фортку. Он теперь не видел Тани. Не видел ничего в комнате. Он пыхтел и стонал там за окном. Болт был близко, очень близко. Рука, перебирая сухим пальцами, все тянулась и тянулась к нему.

Ее надо было остановить, во что бы то ни стало! Таня рванула с гвоздя веревку. Не дотрагиваясь до страшной руки, она окинула ее веревочной петлей, перебросила конец через оконницу на гвоздь и, повиснув на нем всей тяжестью, замотала.

Страшная рука с силой рванулась назад. Веревка впилась в нее у запястья. Ставень заходил ходуном. С улицы послышался целый фонтан заглушенных проклятий...

Как только до Лежнева дошел слух о том, что вечером несколько немецких парашютистов, сброшенных над лесной поляной, пытались пробраться к мосту, были замечены стражей, и, потеряв одного человека убитым, скрылись в лесу... — как только эта новость распространилась среди работавших в саду женщин, — Танюшкина мать забеспокоилась и хотела сейчас же одна бежать.

Танин дед, дядя Федор, не отпустил ее одну. Он зарядил свою верную бердянку, сунул пару патронов в карман на всякий случай, и они отправились...

Не удивительно, что накрепко привязанный этой проклятой русской девчонкой, ослабевший и от потери крови и от крайне неудобного положения, в котором ему пришлось долгое время полустоять, полувисеть, впал в обморок задолго до того, как подспели танины мамка и дед.

Нет ничего удивительного в том, что насмерть перепуганная Татьяна добрые полчаса не решалась открыть дверь, хотя и слышала голоса своих. Деду уже пришлось, тряхнув стариной, приготовляться к нелегкому путешествию через ворота, когда она, наконец, с отчаянным ревом распахнула их.

Не дивно, что мать схватила ее на руки. Припала к ней всем телом, ощупала только — цела ли, и вихрем ворвалась в избу. Даже позабыв про немца (про немца не забыл дед!).

То поразительно, что Митючок так и проспал всю эту страшную и необыкновенную историю... Но как только через мост, грохоча колесами, побежал и замелькал между деревьями леса первый поезд, как только в открытое окно ворвался первый могучий вопль паровоза, Митючок сел, как встрепанный, на подушке.

— Паш-ша-жир-шкий? — озабоченно спросил он и зевнул.

---

### Вопросы для обсуждения

- 1. Чем была вызвана тревога Танюшки, оставшейся одной в доме с маленьким братиком? Была ли напрасной эта тревога?*
- 2. Чего больше всего боялась девочка, услышав шорох за окном? Что она там увидела?*
- 3. Как повела она себя? В какой момент вы больше всего пережили за нее?*
- 4. Как ей, маленькой девочке, удалось спастись от вторжения немца и уберечь спящего брата? Как помогли ей мысли об отце, сражавшемся на фронте, и его фотокарточка со словом «Стойкий» на шапке.*
- 5. Как Танюшка встретила мать и деда, и чем, по-вашему, закончилась история с немцем?*

---

### О рассказе Д. Бродской и А. Голубевой «105 разъезд»

*Во время войны на вокзалах и железнодорожных станциях можно было встретить плакат с надписью: «Транспорт — родной брат Красной Армии». Воинские эшелоны с живой силой и вооруже-*

нием шли на фронт один за другим. Чтобы прекратить эту поставку, немцы засылали диверсантов для подрыва железнодорожных путей. Люди, жившие на станциях и железнодорожных разъездах вблизи фронта, хорошо знали о грозившей опасности и, чем могли, предотвращали крушения поездов.

Темой «105 разъезда» послужил рассказ одного из железнодорожников о случае, бывшем на Псковском направлении. Благодаря героическому поступку одиннадцатилетней девочки было предотвращено крушение и задержаны диверсанты, высадившиеся в этом месте.

Рассказ написан известной детской писательницей Антониной Голубевой в соавторстве с Дианой Бродской.

Диана БРОДСКАЯ, Антонина ГОЛУБЕВА

## 105 РАЗЪЕЗД

(«Костер», 1941, № 8, с. 10–12)

Ранним утром Надюшка вышла за порог будки и, дожевывая кусок хлеба, оглянулась по сторонам. Солнце стояло уже высоко. Деревянные стены будки, недавно выкрашенные в серый цвет, блестели словно мокрые, и особенно резко выделялась на них большая белая цифра 105. Эту цифру девочка привыкла видеть с самых малых лет, и ей казалось, что она составляет такую же неотъемлемую часть ее жизни, как сама будка стрелочника, как это железнодорожное полотно со стальными рельсами, убегающими вдаль.

Надюшка подошла к огородным грядкам и, выдернув из грядки молодую морковку, присела на скамейку. Перед самым отъездом на фронт отец сколотил специально для нее эту низенькую сосновую скамейку.

Он поставил ее под яблоней и сказал:

— Вот тут, дочка, будешь сидеть в холодке и книжки читать.

Надюшка обтерла морковку ладонью и только собралась запустить в нее зубы, как из оконца выглянула мать.

— Чего ж ты сидишь? Я думала — ты уж полдороги прошла! Беги скорей! Коленка плачет, да и мне к поезду скоро выходить.

Надюшка засунула морковку в рот и поднялась со скамьи. Через минуту она уже шагала по шпалам. Быстро мелькали ма-

ленькие босые пятки, испачканные смолой. В кармане выгоревшего ситцевого платья подпрыгивал стеклянный пузырек.

Не успела Надюшка дойти до маленького мостика, как до ее слуха донесся далекий словно подземный гул. Идет поезд. Почтовому еще рано, скорый прошел полчаса назад — значит, опять воинский эшелон.

Гул нарастал. Надюшка сбежала с насыпи вниз на узкую тропку, где росло много ромашек. Только она нарвала букет, как показался поезд.

Сначала с ревом промчался паровоз. На миг мелькнули его огромные колеса с красными спицами и черное потное лицо кочегара. Потом потянулись вагоны-теплушки, где в раскрытых дверях, свесив ноги вниз, сидели красноармейцы. Одни из них играли на гармошке, другие пели. Прошло несколько вагонов с лошадьми.

Надюшка стояла внизу под насыпью и, задрав голову, размахивала букетом. С таким же вот эшелоном уехал недавно ее отец. Он уже две недели воюет с фашистами, а эти едут ему помогать. Эх, добросить бы до них букет!

Бойцы, улыбаясь, махали светлоголовой девочке. Один из них что-то кинул. К ногам Надюшки упали четыре баранки, нанизанные на веревочку. Она подняла их, не успев даже заметить, кто бросил ей этот гостинец.

Надюшка надела бечевку с баранками на руку. Сгрызть одну? Нет, надо раньше показать маме.

Девочка свернула в лесок. Теперь только пройти холмы, а там на опушке домик дяди Гриши, лесничего. Она войдет в маленькую прохладную комнатку, где все стены завешаны пучками сушеных цветов и лекарственных трав и скажет лесничему, как учила ее мать:

— Здравсте, Григорий Иванович, мама просила — дайте нам немножко камфарного масла: у нас Коленька животом мается.

Лесничий, высокий усатый старик в полотняной блузе, открывает свою аптечку, устроенную в глубоком фанерном ящике, нальет пузырек и строго спросит:

— Ну, как, Надежда, у нас на сто пятом? Справляетесь?

— Справляемся, — скажет она.

— А меду хочешь?

И лесничий даст ее кусок хлеба, намазанный душистым липовым медом.

Так думала Надюшка, пробираясь лесом по чуть приметной тропинке между холмов, заросших вереском и брусникой. Было жарко. От горячего смолистого запаха хвои немножко кружилась голова. Хорошо бы сейчас улечься на мягкий мох и лежать, закинув голову и глядя в далекое небо, туда, куда тянутся эти прямые, как свечи, красные стволы сосен. Но некогда ей в лесу полеживать, дома больной братишка ждет.

Надюшка поднялась на холм. Вот внизу и домик лесничего. Блестит на солнце железная красная крыша, из трубы вьется дымок. Значит, Григорий Иванович дома.

Продравшись через заросли дикого шиповника, девочка услышала голоса. В маленьком дворике, отгороженном от леса жердями, стоял к ней спиной незнакомый человек в военной форме и в металлической каске. Он наклонился над большой бесформенной кучей светло-желтой материи и распутывал какие-то длинные веревки.

Рядом с ним Надюшка увидела старика лесничего, привязанного к стволу липы. Рубаха на нем была разорвана, один глаз запух, и по щеке струилась кровь.

«Немцы», — подумала Надюшка.



Худож. В. Раевская-Рутковская. «Награждённый»

У девочки от страха похолодели руки.

Немцев было трое. Тот, который складывал парашют, и еще два, разбиравших на крыльце какой-то странный, черный ящик.

— Развяжите! Разбойники проклятые! — стонал лесничий.

— Что же я стою? — спохватилась Надюшка. — Надо скорее бежать за людьми!

И раздвинув кусты, она бросилась бежать, не обращая внимания на колючки шиповника, царапавшие ее плечи.

Не переводя дыхания, она взлетела на высокий холм и здесь на минуту остановилась. Куда бежать? Домой? Нет, мама одна с немцами не справится — лучше бежать на станцию, там людей много.

И Надюшка помчалась во всю прыть, спотыкаясь о корни деревьев и скользя босыми пятками по сухой сосновой хвое.

Ей все еще виделся старик лесничий с окровавленным лицом, со страшным запухшим глазом. Неужели он умрет, не дождавшись помощи?

Вот уже железнодорожное полотно. Нестерпимо блестят на солнце рельсы. Горячий песок обжигает босые ноги, деревянные шпалы накалены как металл.

До станции еще добрых пять-шесть километров. Бежит Надюшка, жмурясь от солнца, которое слепит ей глаза... Кругом ни души. И вдруг среди тишины жаркого полдня — оглушительный взрыв.

Далеко впереди, где-то возле Спасова ручья, над полотном взметнулось облако черного дыма и во все стороны фонтаном разлетелись камни и песок.

Она остановилась. Дорогу взорвали... Могут погибнуть тысячи людей.

Вот уже совсем близко место взрыва. Развороченное полотно, изуродованная огромной воронкой насыпь, торчащие из земли обугленные шпалы. Здесь нельзя было пройти. Девочка сбежала на тропку и тут заметила удаляющуюся в ельник фигуру человека. Это был милиционер.

— Дяденька! Дорогу взорвали! — звонко крикнула Надюшка ему вслед. Человек оглянулся. Девочка увидела незнакомое искаженное злобой лицо. Прозвучал выстрел, и Надюшка упала, чувствуя сильную боль в ноге.

Она лежала ничком на траве, плача от боли и от испуга. Нет, это не милиционер. Милиционер не мог в нее выстрелить! Это тот, кто взорвал путь!..

Всхлипывая, она попробовала пошевелить пальцами и наконец осмелилась посмотреть. Пальцы шевелились, и нога была на своем месте. Только над коленкой темнела маленькая кровоточащая ранка и подол платья был рассечен пулей.

Надюшка стащила с себя платье, сняла рубашонку и, сложив ее втрое, обвязала ногу.

Теперь идти, скорей идти!

Она уже не думала о лесничем. Если она не поспеет вовремя на станцию, все поезда пойдут под откос. Надюшка представила себе, как, кренясь набок, валится паровоз, а затем падают опрокинутые вагоны, кричат люди, стонут раненые лошади...

И она заковыляла так быстро, как позволяла раненая нога. Но через полкилометра пришлось остановиться, чтобы перевернуть намокшую от крови повязку.

Тут Надюшка обнаружила, что баранок нет. Очевидно, она обронила их там, у Спасова ручья, когда упала. Но возвращаться назад не было ни времени, ни сил.

Вздыхнув, она потащилась дальше, оставляя за собой на песке темные пятна крови. Наконец, она упала, в глазах мелькали красные круги, в ушах звенело. И вдруг ей послышалось, что где-то далеко-далеко идет поезд.

Надюшка собрала последние силы и поползла по шпалам на четвереньках. Пот капал с ее лба и смешивался со слезами.

— Ой, мамонька! Не успею! Не успею... — повторяла она в отчаянье.

— Девочка, что с тобой? — раздался совсем близко над нею крик.

Надюшка подняла голову.

Навстречу с ней бежал смазчик с куском грязной пакли в руках.

— Батюшка, да это никак Надюшка со сто пятого?

Смазчик поднял ее с земли.

— Около Спасова ручья путь взорван. Дядю лесничего немцы к дереву привязали! — хрипло сказал Надюшка.

В маленькой, закопченной паровозным дымом комнатке блокпоста Надюшку уложили на лавку, напоили, перевязали ногу. Сразу же позвонили на станцию. Поезда были задержаны, отряд железнодорожников и красноармейцев отправился прочесать лес...

Вдруг дверь распахнулась, и девочка услышала встревоженный голос матери:

— Девчонка моя тут?

— Тут я, — закричала Надюшка, вскочив с лавки, но тут же, ахнув, подогнула больную ногу.

Мать присела на лавку и прижала к себе Надюшку.

— Я уж думала, ты под поезд попала! А ты во у меня какая...

Надюшка уткнулась носом в широкую материнскую кофту и смущенно пробормотала:

— Маманя! А я ведь камфарного масла не принесла. Там немцы были...

И, вздохнув, добавила:

— И баранки тоже потеряла.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Зачем Надюшке нужно было идти к леснику?
2. Как в своих фантазиях она представляла эту встречу и какой эта встреча оказалась в действительности?
3. Чего больше всего испугалась девочка? Зачем ей понадобилось немедленно идти на станцию?
4. Каким для нее оказался этот путь? Что случилось с ней? Переживали ли вы за нее? Что заставляло ее ползти на станцию, преодолевая боль?
5. Как ей удалось спасти поезд с нашими бойцами? Что могло бы случиться, если бы она не успела сообщить на станции о пути, взорванном диверсантом?
6. Каких черт характера потребовал этот поступок от девочки?

### Дополнительная литература

- С. Верейская. «Три девочки»  
В. Дубровин. «Мальчишки в сорок первом»  
А. Запорожец. «В двенадцать мальчишеских лет»  
Л. Кассиль. «Дорогие мои мальчишки»  
Е. Морозов. «Как росли мальчишки»  
Р. Погодин. «Где леший живет?»

## РАЗДЕЛ 14

# ПОДВИГИ ЮНЫХ

Наши мертвые нас не оставят в беде.  
Наши павшие — как часовые.

*Владимир Высоцкий*

Кураков Антон, 9 лет. **Танковое сражение**



Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, подвиг — это «геройский самоотверженный поступок». Думаю, что современным детям в определении этого понятия требуется разъяснение всех трех слов.

Начнем со слова «самоотверженный». Это моральное качество человека, которое представляет собой добровольное принесение в жертву своих личных интересов, а иногда даже жизни ради интересов или защиты других людей, или достижения высокой цели.

Проявление этого качества бывает необходимо в исключительных обстоятельствах, когда человек берет на себя ответственность за преодоление вставшего перед людьми препятствия на пути достижения цели. Если перевести это слово в существительное, то оно идентично слову «самопожертвование», то есть принесение в жертву самого себя, чтобы спасти других.

В потребительской среде, в какой живут современные дети, жертвенность далека от их понимания. По этой причине очень важно, чтобы ребенок, читая о подвигах своих сверстников, совершенных в годы Великой Отечественной войны, восхитился и удивился силе человеческого духа, проявлениями мужества, отваги и смелости для спасения других людей. Хорошо, если дети поймут, что даже гибель героя оптимистична, ибо она обеспечивает ему бессмертие в памяти людей.

К слову «самоотверженный» близко по смыслу слово «геройский». Обычно под ним понимают отчаянно-смелый порыв человека выполнить свой долг, каких бы сил и стойкости это не потребовало. Герой вызывает чувство восхищения и стремление стать похожим на него в борьбе за благородные цели, за умение мобилизовать все свои силы.

Не случайно к слову «герой» часто прибавляют слово «славный», то есть достойный славы, восхищения, всеобщего уважения.

«Поступок» применительно к теме подвига и героизма — это акт свершения действия, его апогей. В данном случае поступок имеет высокую цель и благородный мотив свершения. Он достоин славы.

О героических, самоотверженных поступках юных участников Великой Отечественной войны мы предлагаем для чтения и обсуждения три рассказа известных русских писателей, участников войны, написанных о подростках и для подростков. Все они посвящены светлой памяти названных и безымянных юных героев, отдавших свои жизни ради победы.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*Ю. Яковлев. «Помните Гришу!»*

*Л. Кассиль. «Рассказ об отсутствующем»*

*А. Фадеев. «Подвиг» (отрывок из романа «Молодая гвардия»)*

---

**О рассказе Юрия Яковлева «Помните Гришу»**

*После провала очередной операции подпольной организации, борющейся с фашистами, все ее пять членов были схвачены и преданы суду. Пятым в группе вместо ее командира стоял юноша Гриша Мезин, прозванный «лосенком».*

*Главу боевой организации звали Бурлак Николай Федорович. Он был паролем и шифром этой организации. Гриша Мезин, чтобы спасти его, выдал себя за него, осознавая, что идет на верную смерть. Хотя судьи и сомневались, Бурлак ли это, но Гриша так уверенно держался, на все вопросы следователя отвечал так, что убедил суд, что он и есть Бурлак Николай Федорович.*

*Всех пятерых, вместе с Гришей, немцы расстреляли. И в ту же ночь в городе произошли три взрыва: взлетела на воздух электростанция, рухнула на землю водонапорная башня, уничтожен немецкий эшелон со снарядами. Всем этим руководил Бурлак.*

*Рассказ ведется от имени переводчика, который присутствовал на следствии по делу подпольной организации. Он и рассказал позже Бурлаку, кто был на его месте в группе расстрелянных, кто его спас ценой собственной жизни. Никто не просил юношу назваться именем главы подпольной организации и погибнуть за него — Гриша это сделал добровольно и осознанно: «Чтобы остальные жили».*

*В этом и состоит его подвиг, великий смысл которого и надо донести до читателей-слушателей.*

Юрий ЯКОВЛЕВ

## ПОМНИТЕ ГРИШУ!

**Р**азрешите войти? Моя фамилия Маслов. Здравствуйте. Спасибо, я действительно сяду: наш разговор может затянуться. Нет, нет, я не по поводу квартиры, и с пенсией у меня тоже все в порядке. Я живу в другом городе, на Севере, а здесь проездом. Совершенно случайно узнал от соседа по купе, что вы здесь работаете. И сошел с поезда. Да, исключительно ради вас, если вы действительно тот, за кого я вас принимаю. Вас зовут Николай Федорович? Николай Федорович Бурлак? Вы родились в шестнадцатом году, 23 апреля? В деревне Колограды? Рост 176 сантиметров, густая черная шевелюра, лицо скуластое... Нет, это не вопрос, это из материалов допроса. Все это было подтверждено на заседании немецкого военного трибунала в городе К. И даже имеется ваша подпись. До войны — на комсомольской работе. В сороковом году вступили в партию. Правильно?

Моя фамилия Маслов, но она вам ничего не говорит. Мы с вами никогда не встречались. Не пытайтесь вспомнить. Не в этом дело... В сорок третьем году за активную подрывную деятельность против рейха вы были приговорены к расстрелу. И расстреляны. Все приметы сходятся. Только шевелюра теперь белая.

Я понимаю ваше нетерпение, но не забегайте вперед. Пусть лучше память вернет вас к тем дням, когда вы были членом подпольной партийной организации в городе К. и когда после взрыва интендантских складов все члены комитета были схвачены. Все, кроме вас. Правильно?.. Вы остались единственным человеком на воле, который знал явки людей, тайники с оружием. Вы были паролем и шифром целой боевой организации. Вам в свое время не показалось странным, что немцы не схватили вас, вы успели сменить квартиру, предупредить людей? Я могу вам дать объяснение. Фашисты искали пятерых членов комитета, и к ним в руки попали пятеро.

Кто оказался пятым? Совсем еще молодой парнишка. Он попался случайно. И его могли тут же отпустить, но он назвался вашим именем.

Дайте мне глоток воды... А он действительно был совсем не похож на вас, даже если отбросить два десятка лет. Большие впалые от голода глаза, потрескавшиеся губы, чуть оттопыренные

уши, голова подстрижена под машинку. Он стоял посреди камеры, вытянутый, длинноногий, похожий на молодого лосенка... Как немцы поверили ему? Он уговорил их.

«Ты родился в шестнадцатом году?» — спросил следователь, заглядывая в бумаги.

«Точно, — отозвался “лосенок”, — 23 апреля. В деревне Кологрady».

Следователь посмотрел на арестованного и пробурчал.

«Что-то молодо выглядишь...»

«Так у нас воздух целебный. Люди медленно стареют».

«А где твоя черная густая шевелюра?»

«Как где шевелюра? Остриг. Видите, какой ежик темный».

Он наклонил голову и провел рукой по стриженным волосам. Ежик был мягкий и светлый. Он золотился в тусклом свете лампы. Но следователь не обратил на это внимания. Он не мог устоять перед соблазном отрапортовать, что все пятеро в его руках, — он дал себя уговорить.

Никто не просил юношу называться вашим именем. Когда немцы ушли и железная дверь камеры захлопнулась, один из арестованных, приземистый, с рассеченной бровью, грозно шепнул ему:

«Кто разрешил тебе самовольничать?»

«Я не маленький, все сам понимаю».

«Ты не понимаешь, чем это пахнет. Завтра на суде скажешь как надо».

«Ладно, — буркнул “лосенок”, — сутки — большое время».

Он, видимо, был близок к подпольщикам и понимал, что за эти сутки вы, Николай Федорович, успеете спасти от провала многих людей и сохранить организацию. Да так оно и получилось. Не правда ли?

На другой день состоялся суд. Пятерых подсудимых ввели в помещение трибунала и посадили на длинную узкую скамью. Когда было названо имя Бурлак и юноша встал, приземистый, с рассеченной бровью, тоже поднялся и сказал:

«Какой он, к черту, Николай Бурлак! Разве вы не видите — мальчишка!»

Председатель трибунала, розовощекий старик, поднял маленькие брови и наклонил голову набок:

«Значит, он не Бурлак?»

«Нет».

«Господин секретарь, чья подпись стоит под протоколом допроса?»

«Бурлак, господин майор!» — отрапортовал секретарь.

«Бурлак, это ты поставил подпись? А?» — обратился председатель трибунала к юноше.

«Я».

«Вот и прекрасно, господин Бурлак. Вот и прекрасно».

«Да не Бурлак он!» — закричал приземистый, с рассеченной бровью.

«Молчать!»

Уж очень им хотелось, чтобы на скамье подсудимых сидело пять человек — пять членов комитета. Эта кругленькая цифра манила фашистов. Она нужна была им для донесения, для повышения по службе, для авторитета.

Подсудимые сидели на длинной узкой скамье, четверо взрослых и один юноша, «лосенок». Лицо его было удивительно спокойно, словно он не понимал, что ждет его за порогом этого уютного, холодного помещения. Члены трибунала переговаривались между собой и не обращали внимания на этих русских, потому что уже списали их со счета живых людей.

«Зачем ты это сделал, Гриша? Видишь, как дело обернулось», — с горечью сказал человек с рассеченной бровью.

«Так надо», — отозвался ваш двойник.

«Надо-то надо. Но мы свое пожили, а ты молодой».

«Кто-то должен... чтобы остальные жили», — тихо сказал Гриша.

Когда членов подпольного комитета повели на расстрел, приземистый замедлил шаг и жестом подозвал переводчика.

«Послушай, — сказал он глухо, — если у тебя сохранилась хоть капля совести и тебя не убьют ни хозяева, ни наши, расскажи людям, что этого парня, добровольца, звали Гришей Мезиным. Пусть помнят Гришу!»

Переводчик кивнул и отвел глаза...

А вы не знали Гришу Мезина? Не припоминаете? Он вас тоже, наверное, не знал... Откуда «23 апреля» и «село Колограды»? Так ведь до войны вас избрали в городской Совет! Наверное, Гриша голосовал за вас.

Их расстреляли на исходе дня. И Гришу тоже. И в ту же ночь в городе произошло три взрыва: взлетела в воздух электростанция, вспыхнул эшелон со снарядами, рухнула на землю водонапорная

башня. Это был салют погибшим товарищам и Грише. Да что вам об этом рассказывать, когда это было делом ваших рук.

Откуда мне известны подробности? Я был переводчиком у немцев... Нет, Николай Федорович, не по своей воле — по заданию командования... Теперь, оглядываясь на те годы, я думаю, что у каждого был свой безымянный Гриша, который на смертном рубеже оказался впереди... Кто-то должен... чтобы остальные жили. Но как после этого нужно жить!

Жаль, что судьба поздно свела нас с вами и вы ничего не знали о Грише. Теперь вы все знаете. Помните Гришу!

---

### Вопросы для обсуждения

1. Почему Гриша Мезин выдал себя на заседании военного трибунала за главу подпольной организации? Как вы думаете, что было бы, если бы он отказался от своего намерения?

2. Как он оказался на суде среди других членов этой организации?

3. Зачем он шел на верную смерть, зачем поставил свою подпись под протоколом за Бурлака?

4. Откуда он мог знать все о Бурлаке, чтобы оперировать данными его биографии?

5. Почему рассказчику этого случая было важно, чтобы Бурлак узнал о Грише?

6. Как вы понимаете фразу: «В те годы у каждого был свой безымянный Гриша, который оказался впереди и спасал других»? На какие мысли навел вас этот рассказ?

---

### О рассказе Льва Кассиля «Рассказ об отсутствующем»

Рассказ ведется от имени разведчика, получившего награду за спасение своей воинской части, попавшей в немецкую засаду. По его мнению, награду должен был получить погибший мальчишка, даже имени которого разведчик не успел узнать. Именно он ценной собственной жизни спас и самого разведчика и воинскую часть.

В сложной ситуации, когда немцы отсекли нашу часть от своих соединений, когда стало ясно: чтобы не погибнуть, надо пробиваться к своим, — в разведку был послан Николай Задохтин, тот самый, кто получил за это награду. Его задачей было найти возможность выйти к своим, найти «щелку» в расположении немцев.

*Эту щелку помог ему отыскать босоногий мальчишка, который выслеживал расположение немцев, дела вид, что разыскивает корову. Он рассказал Николаю, где пушки врага и где можно «проскочить» из зоны их огня.*

*В момент минометного огня разведчика ранило в ногу, и, чтобы его не обнаружили немцы, мальчишка кинулся подальше от оврага, где тот лежал. Немцы застрелили бежавшего мальчишку. Но зато разведчик был спасен и спасены от гибели наши солдаты.*

*Рассказывая об этом случае, человек сожалеет, что не узнал имени своего спасителя, который больше, чем он сам, заслужил награду.*

*Ведя разговор с детьми об этом рассказе, важно сказать, что таких безымянных героев во время войны не только среди взрослых, но и среди детей было много.*

*Не случайно на Красной площади в Москве горит Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата.*

Лев КАССИЛЬ

## **РАССКАЗ ОБ ОТСУТСТВУЮЩЕМ**

**К**огда в большом зале штаба фронта адъютант командующего, заглянув в список награжденных, назвал очередную фамилию, в одном из задних рядов поднялся невысокий человек...

— Разрешите обратиться?

— Пожалуйста.

— Товарищ командующий... И вот вы, товарищи, — заговорил прерывающимся голосом награжденный, и все почувствовали, что человек очень взволнован. — Дозвольте сказать слово. Вот в этот момент моей жизни, когда я принял великую награду, хочу я высказать вам о том, кто должен бы стоять здесь, рядом со мной, кто, может быть, больше меня эту великую награду заслужил и своей молодой жизни не пощадил ради нашей воинской победы.

Он протянул к сидящим в зале руку, на ладони которой поблескивал золотой ободок ордена, и обвел зал просительными глазами.

— Дозвольте мне, товарищи, свой долг выполнить перед тем, кого тут нет сейчас со мной.

— Говорите, — сказал командующий.

— Просим! — откликнулись в вале. И тогда он рассказал.

— Вы, наверное, слышали, товарищи, — так начал он, — какое у нас создалось положение в районе Р. Нам тогда пришлось отойти, а наша часть прикрывала отход. И тут нас немцы отсекли от своих. Куда ни подадимся, всюду нарываемся на огонь. Нашупал нас немец, зажал в лесу, почуял, что наших тут горсточка всего-навсего осталась, и берет нас своими клещами за горло. Вывод ясен — надо пробиваться окольным путем.

А где он — этот окольный путь? Куда направление выбрать? И командир наш, лейтенант Буторин Андрей Петрович, говорит: «Без разведки предварительной тут ничего не получится. Надо порыскать да пощупать, где у них шелка имеется. Если найдем — проскочим». Я, значит, сразу вызвался... Посмотрел он на меня внимательно, нахмурился. «Хорошо, говорит, товарищ Задохтин, отправляйтесь. Задание вам ясно?»

Вывел меня на дорогу, оглянулся, схватил за руку. «Ну, Коля, говорит, давай простимся с тобой на всякий случай. Дело, сам понимаешь, смертельное. Но раз вызвался, то отказать тебе не смею. Выручай, Коля... Мы тут больше двух часов не продержимся. Потери чересчур большие...» — «Ладно, говорю, Андрей, мы с тобой не в первый раз в такой оборот угодили. Через часок жди меня. Я там высмотрю, что надо. Ну, а уж если не вернусь, кланяйся там нашим, на Урале...»

И вот пополз я, хоронюсь по-за деревьями. Попробовал в одну сторону — нет, не пробиться: густым огнем немцы по тому участку кроют. Пополз в обратную сторону. Там на краю лесочка овраг был, буерак такой, довольно глубоко промытый. А на той стороне у буерака — кустарник, и за ним — дорога, поле открытое. Спустился я в овраг, решил к кустикам подобраться и сквозь них высмотреть, что в поле делается. Стал я карабкаться по глине наверх, вдруг замечаю, над самой моей головой две босые пятки торчат. Пригляделся, вижу: ступни маленькие, на подошвах грязь присохла и отваливается, как штукатурка, пальцы тоже грязные, поцарапанные, а мизинчик на левой ноге синей тряпочкой перевязан — видно, пострадал где-то... Долго я глядел на эти пятки, на пальцы, которые беспокойно шевелились над моей головой. И вдруг, сам не знаю почему, потянуло меня щекотнуть эти пятки... Даже и объяснить вам не могу. А вот подмывает и подмывает... Взял я колючую былинку да и покорябал ею легонько одну из пяток. Разом исчезли обе ноги в кустах, и на том месте, где торчали из ветвей

пятки, появилась голова. Смешная такая, глаза перепуганные, безбровые, волосы лохматые, выгоревшие, а нос весь в веснушках.

— Ты что тут? — говорю я.

— Я, — говорит, — корову ищу. Вы не видели, дядя? Маришкой зовут. Сама белая, а на боке черное. Один рог вниз торчит, а другого вовсе нет... Только вы, дядя, не верьте... Это я все вру... пробую так. Дядя, — говорит, — вы от наших отбились?

— А это кто такие ваши? — спрашиваю.

— Ясно, кто — Красная Армия... Только наши вчера за реку ушли. А вы, дядя, зачем тут? Вас немцы зацапают.

— А ну, иди сюда, — говорю. — Расскажи, что тут в твоей местности делается.

Голова исчезла, опять появилась нога, а ко мне по глиняному склону на дно оврага, как на салазках, пятками вперед, съехал мальчонка лет тринадцати.

— Дядя, — зашептал он, — вы скорее отсюда давайте куда-нибудь. Тут немцы. У них вон у того леса четыре пушки стоят, а здесь сбоку минометы ихние установлены. Тут через дорогу никакого ходу нет.

— И откуда, — говорю, — ты все это знаешь?

— Как, — говорит, — откуда? Даром, что ли, с утра наблюдаю?

— Для чего же наблюдаешь?

— Пригодится в жизни, мало ль что...

Стал я его расспрашивать, и малец рассказал мне про всю обстановку. Выяснил я, что овраг идет по лесу далеко и по дну его можно будет вывести наших из зоны огня. Мальчишка вызвался проводить нас. Только мы стали выбираться из оврага, в лес, как вдруг засвистело в воздухе, завыло и раздался такой треск, словно вокруг половину деревьев разом на тысячи сухих щепок раскололо. Это немецкая мина угодила прямо в овраг и рванула землю около нас. Темно стало у меня в глазах. Потом я высвободил голову из-под насыпавшейся на меня земли, огляделся: где, думаю, мой маленький товарищ? Вижу, медленно приподымает он свою кудлатую голову от земли, начинает выковыривать пальцем глину из ушей, изо рта, из носа.

— Вот это так дало! — говорит. — Попало нам, дядя, с вами, как богатым... Ой, дядя, — говорит, — погодите! Да вы ж раненый.

Хотел я подняться, а ног не чую. И вижу — из разорванного сапога кровь плывет. А мальчишка вдруг прислушался, вскарабкался к кустам, выглянул на дорогу, скатился опять вниз и шепчет:

— Дядя, — говорит, — сюда немцы идут. Офицер впереди. Честное слово! Давайте скорее отсюда. Эх ты, как вас сильно...

Попробовал я шевельнуться, а к ногам словно по десять пудов к каждой привязано. Не вылезти мне из оврага. Тянет меня вниз, назад...

— Эх, дядя, дядя, — говорит мой дружок и сам чуть не плачет, — ну, тогда лежите здесь, дядя, чтоб вас не слышать, не видеть. А я им сейчас глаза отведу, а потом вернусь, после...

Побледнел он так, что веснушек еще больше стало, а глаза у самого блестят. «Что он такое задумал?» — соображаю я. Хотел было его удержать, схватил за пятку, да куда там! Только мелькнули над моей головой его ноги с растопыренными чумазыми пальцами — на мизинчике синяя тряпочка, как сейчас вижу... Лежу я и прислушиваюсь. Вдруг слышу: «Стой!.. Стоять! Не ходить дальше!»

Заскрипели над моей головой тяжелые сапоги, я расслышал, как немец спросил:

— Ты что такое тут делал?

— Я, дяденька, корову ищу, — донесся до меня голос моего дружка, — хорошая такая корова, сама белая, а на боку черное, один рог вниз торчит, а другого вовсе нет. Маришкой зовут. Вы не видели?

— Какая такая корова? Ты, я вижу, хочешь болтать мне глупости. Иди сюда близко. Ты что такое лазал тут уж очень долго, я тебя видел, как ты лазал.

— Дяденька, я корову ищу, — стал опять плаксиво тянуть мой мальчонка. И внезапно по дороге четко застучали его легкие босые пятки.

— Стоять! Куда ты смел? Назад! Буду стрелять! — закричал немец. Над моей головой забухали тяжелые кованые сапоги. Потом раздался выстрел. Я понял: дружок мой нарочно бросился бежать в сторону от оврага, чтобы отвлечь немцев от меня. Я прислушался, задыхаясь. Снова ударил выстрел. И услышал я далекий, слабый вскрик. Потом стало очень тихо... Я как припадочный бился. Я зубами грыз землю, чтобы не закричать, я всей грудью на свои руки навалился, чтобы не дать им схватиться за оружие и не ударить по фашистам. А ведь нельзя мне было себя обнаруживать. Надо выполнить задание до конца. Погибнут без меня наши. Не выберутся.

Опираясь на локти, цепляясь за ветви, пополз я... После уже ничего не помню. Помню только — когда открыл глаза, увидел над собой совсем близко лицо Андрея...

Ну вот, так мы и выбрались через тот овраг из лесу.

Он остановился, передохнул и медленно обвел глазами весь зал.

— Вот, товарищи, кому я жизнью своей обязан, кто нашу часть вызволить из беды помог. Понятно, стоять бы ему тут, у этого стола. Да вот не вышло... И есть у меня еще одна просьба к вам... Почтим, товарищи, память дружка моего безвестного — героя безымянного... Вот даже и как звать его, спросить не успел...

И в большом зале тихо поднялись летчики, танкисты, моряки, генералы, гвардейцы — люди славных боев, герои жестоких битв, поднялись, чтобы почтить память маленького, никому неведомого героя, имени которого никто не знал. Молча стояли понурившиеся люди в зале, и каждый по-своему видел перед собой кудлатого мальчонку, веснушчатого и голопятого, с синей замурзанной тряпочкой на босой ноге...

---

### **Вопросы для обсуждения**

- 1. Каждый из сидящих в зале, кто выслушал рассказ разведчика о мальчишке, спасшем от гитлеровцев его самого и нашу воинскую часть, представлял его себе по-своему. А каким увидели его вы?*
- 2. Зачем подросток вел наблюдения за немцами?*
- 3. Как и чем он помог нашему разведчику?*
- 4. Можно ли назвать то, что он сделал, подвигом? Обоснуйте ваше мнение.*
- 5. Почему бывший разведчик жалеет, что не узнал имя мальчишка?*
- 6. Согласны ли вы с его убеждением, что награду вместе с ним должен был получить этот безымянный мальчишка?*
- 7. Какие мысли и чувства вызвал у вас этот рассказ? Почему он так назван?*
- 8. Разведчик, получивший награду, попросил присутствующих в зале участников жестоких битв почтить память безымянного юного героя. Давайте и мы с вами почтим его светлую память.*

---

### **О рассказе Александра Фадеева «Подвиг»**

*Роман советского писателя Александра Фадеева «Молодая гвардия», отрывок из которого мы предлагаем вам прочитать, посвящен действовавшей в городе Краснодоне во время Великой Отечественной войны молодежной подпольной организации под названием «Молодая гвардия» (1942-1943).*

*В середине февраля 1943 года после освобождения Краснодона советскими войсками из шурфа находящейся неподалеку от города шахты № 5 было извлечено несколько десятков трупов замученных подростков, состоявших в период оккупации в подпольной организации. Среди них был и Сергей Тюленин, о котором идет речь в предлагаемом рассказе.*

*Целиком роман «Молодая гвардия» был написан в 1946 году, хотя отрывки из него публиковались раньше. Предлагаемый отрывок под названием «Подвиг» был опубликован в журнале «Костер» в № 7—8 за 1945 год. В этом отрывке рассказывается, как, гонимый мстью к фашистам за их злодеяния в городе, Сергей совершает акт возмездия.*

*Кидая бутылки с зажигательной смесью в растворенные из-за душной ночи окна, он уничтожает группу немецких офицеров, расположившихся в здании треста.*

*В рассказе подробно описывается, как юноша готовился к свершению акта мести, его внутреннее состояние, осознание им важности того, что ему предстоит сделать. Мы видим, как он собирает все свои духовные и физические силы, чтобы совершить задуманное, как преодолевает страх, как реализует свой план, и что следует за этим, что переживает мальчишка, спасаясь бегством от преследования.*

*Здесь представлена читателю сама динамика свершения подвига, то внутреннее и физическое напряжение, которое испытывает герой, решившийся на самоотверженный поступок и выполнивший его. Обсуждая этот рассказ, важно донести мысль, как нелегко давались героям их подвиги и почему о них надо знать и вместе с ними пережить эти мгновения.*

Александр ФАДЕЕВ

## **ПОДВИГ**

(отрывок из романа «Молодая гвардия»)

**Н**адя сидела в косынке и в белом халате, как она прибежала из больницы, и снова и снова начинала рассказывать, как немцы выволакивали раненых из больницы, как они убили главного врача. Она не плакала, лицо у нее было белое, а маленькие скулы горели пламенем, и блестящие глаза ее не видели тех, кому она рассказывала.

— Явился! — яростно кашлял отец на Сережу, — ей богу, возьми, да выдеру кнутом. Немцы в городе, а он болтается где ни попало. Мало мать в могилу не свел.

Мать заплакала.

— Я ж извелась за тобой. Думаю, убили.

— Убили! — вдруг зло сказал Сережа. — Меня не убили. А раненых убили. В Верхнедуванной роще. Я сам слышал...

Он прошел в горницу, где спал. И кинулся на кровать в подушку. Мстительное чувство сотрясало все его тело. Сережке трудно было дышать. То, что так томило и мучило его, теперь нашло выход. «Обождите, пусть только стемнеет!» — думал Сережка, корясь на постели. Никакая сила не могла удержать его от того, что он надумал.

Спать легли рано, не зажигая света, но все были так возбуждены, что никто не спал. Не было никакой возможности уйти незаметно, — он вышел открыто, будто идет на двор, и шмыгнул в огород. Руками он раскопал одну из ямок, где спрятаны были бутылки с горючей смесью, — ночью опасно было копать лопатой. Он слышал, как звякнула дверь, из хаты вышла сестра Надя и тихо позвала его несколько раз:

— Сережа!.. Сережа!..

Она подождала немного, позвала еще раз, и дверь звякнула — сестра ушла.

Он сунул по бутылке в карманы штанов и одну за пазуху и во тьме июльской душной ночи, обходя центр города, снова пробрался в парк.

В парке было тихо, пустынно. Но особенно тихо было в здании школы, куда он проник через выдавленное окно. В здании школы было так тихо, что каждый его шаг, казалось, слышен был не только тут, но и во всем городе. В высокий проем окон на лестнице вливался снаружи какой-то смутный свет. И когда фигура Сережки возникла на фоне одного из этих окон, ему показалось, что кто-то затаившийся в углу, во тьме, теперь увидит и схватит его. Но он пересилил страх и вскоре очутился на своем наблюдательном пункте на чердаке.

Некоторое время он посидел у оконца, сквозь которое теперь ничего не было видно, посидел просто для того, чтобы перевести дух. Потом он нащупал пальцами гвоздики, которые держали раму окон, отогнул их и тихо вынул раму. Свежий воздух пахнул на него, на чердаке все еще было душно. После темноты школы и

особенно этого чердака, он уже мог различать то, что происходило перед ним на улице. Он слышал движение машин по городу и видел сновавшие приглушенные огни их фар. Непрерывное движение частей от Верхнедудуванной продолжалось и ночью. Там на всем протяжении дороги видны были светящиеся в ночи фары.

У главного подъезда здания треста шла военная ночная жизнь. Подъезжали немецкие машины, мотоциклетки. Все время входили и выходили офицеры и солдаты, бряцая оружием и шпорами, слышался чуждый, резкий говор. Но окна в здании треста были затемнены.

Все чувства Сережки были так напряжены и так направлены в одну цель, что это новое непредвиденное обстоятельство — то, что окна были затемнены, — не изменило его решения. Так он просидел возле этого оконца часа два, не меньше. Все уже стихло в городе. Движение возле здания тоже прекратилось, но внутри его еще не спали — Сережка видел это по полоскам света, выбивавшегося из-за полос черной бумаги. Но вот в двух окнах второго этажа свет потух, и кто-то изнутри отворил одно окно, потом другое. Невидимый, он стоял в темноте комнаты у окна — Сережка чувствовал это. Потух свет и в некоторых окнах первого этажа, и эти окна тоже распахнулись.

— Кто там? — раздался начальственный голос из окна второго этажа, и Сережка смутно различил силуэт фигуры, перегнувшейся через подоконник. — Кто там? — снова спросил этот голос.

— Лейтенант Мейер, господин полковник, — ответил юношеский голос снизу. Сережка, не понимая, с бьющимся сердцем прислушивался к немецкой речи.

— Я не советовал бы вам открывать в нижнем этаже окна, — сказал голос наверху.

— Ужасная духота, господин полковник. Конечно, если вы запрещаете...

— Нет, я совсем не хочу, чтобы вы превратились в тушеную говядину, — смеясь, сказал этот начальственный голос наверху.

В окнах гасили свет, подымали шторы, и окна открывались одно за другим. Иногда из них доносились обрывки разговора, кто-то насвистывал. Иногда кто-нибудь чиркал спичкой, осветив на мгновение лицо, папиросы, пальцы, и потом огненная точка папиросы долго еще видна была в глубине комнаты.

— Какая огромная страна, ей конца нет, — сказал кто-то у окна, обращаясь, должно быть, к приятелю своему в глубине комнаты.

Немцы ложились спать. Все затихло в здании и в городе. Только со стороны Верхнедуванной, прорезая верхним светом фар ночное небо, еще двигались машины.

Сережка слышал биение своего сердца, казалось, оно стучит на весь чердак. Здесь было все-таки очень душно. Сережка весь вспотел.

Здание треста с открытыми окнами, погруженное во тьму и сон, смутно вырисовывалось перед ним. Он видел зияющие тьмой отверстия окон вверху и внизу. Да, это нужно было делать сейчас... Он сделал несколько пробных движений рукой, чтобы вымерить возможный рывок и, хоть приблизительно, прицелиться.

Бутылки, которые он сразу, как пришел сюда, вынул из карманов и из-за пазухи, стояли сбоку от него. Он нащупал одну из них, крепко сжал ее за горлышко, примерился и с силой пустил в нижнее растворенное окно.

Ослепительная вспышка озарила все окно, и даже часть улочки между зданием треста и зданием школы, и в то же мгновение раздался звон стекла и легкий взрыв, похожий на то, как будто разбилась электрическая лампочка. Из окна вырвалось пламя. В это время Сережка бросил в это окно вторую бутылку. Она разорвалась в пламени с сильным звуком. Пламя уже бушевало внутри комнаты, горели рамы окна, языки его высовывались вверх по стене, едва не до второго этажа. Кто-то отчаянно выл и визжал в этой комнате, крики раздались по всему зданию. Сережка схватил третью бутылку и пустил ее в окно второго этажа напротив.

Он слышал звук, как она разбилась, и видел вспышку, такую сильную, что вся внутренность чердака осветилась, но в это время Сережка был уже далеко от окна, он был уже у выхода на черную лестницу. Стремглав пронесся он этой черной лестницей и, не имея уже времени разыскать в темноте класс, где было выдвлено окно, он вбежал в ближайшую комнату, — кажется это была учительская — быстро распахнул окно, выпрыгнул в парк и, пригибаясь, побежал в глубину его.

С того момента, как он бросил третью бутылку, и до того момента, как он осознал, что бежит по парку, он все делал инстинктивно и вряд ли мог восстановить в памяти, как все это происходило. Но теперь он понял, что надо упасть на землю, полежать одно мгновение и прислушаться.

Слышно было, как мышка шуршит где-то неподалеку от Сережки, в траве. С того же места, где он лежал, он не видел пламе-

ни, но оттуда, с улицы, доносились крик и беготня. Он вскочил и пробежал еще дальше, на самый край парка, к террикону выработанной шахты. Он сделал это на случай, если будут оцеплять парк, — отсюда он уже мог уйти при всех условиях.

Теперь он видел огромное, все более распространявшееся по небу зарево, отбрасывающее свой багровый отсвет даже на этот, далеко отстоящий от очага пожара, старинный гигантский террикон и на макушке деревьев парка.

Сережка чувствовал, что сердце его расширяется и летит. Все тело его содрогалось, он едва удерживался, чтобы громко не засмеяться.

— Вот вам! Зетцен зи зих! Шпрехен зи дейч! Гебен зи этвас!.. — повторял он с неопишным торжеством в душе этот набор фраз из школьной немецкой грамматики, приходивших ему на память.

Зарево все разрасталось, окрашивая небо над парком, и даже сюда доносилась суматоха, поднявшаяся в центральной части города. Нужно было уходить...

---

### Вопросы для обсуждения

1. *Какие причины побудили Сергея мстить фашистам?*
2. *Как готовил он эту месть?*
3. *Что он переживал, готовясь свершить задуманное, как преодолел страх?*
4. *Что он испытывал, когда осуществил свой план и пустился в бегство?*
5. *Что вы сами пережили, читая (слушая) рассказ? Поддерживаете ли вы его торжество?*
6. *Почему рассказ назван «Подвиг»?*

### Дополнительная литература

- Е. Ильина. «Четвертая высота»*  
*Е. Кошечкина. «Повесть о сыне»*  
*Л. Космодемьянская. «Повесть о Зое и Шуре»*  
*Е. Надеждина. «Партизанка Лара»*

## РАЗДЕЛ 15

# ВОЙНА И ГУМАНИЗМ

И пройдут счастливой жизни сотни лет,  
Только память сохранит военный след.  
Где мальчишка, воплотившийся в гранит,  
Мир от скорби на планете сохранит.

*О. Шамшурина, И. Михеева*

Пронькина Софья, средняя школа № 1 г. Щекино. **Нет войне!**



Как известно, война — это ненависть, а гуманизм — это любовь. Совместимы ли эти понятия, когда речь идет о взаимоотношениях врагов? Они не совместимы, если их орудия смерти направлены друг против друга. «Пусть ярость благородная вскипает как волна» — пелось в песне военных лет. «Наука ненависти» — так озаглавил Михаил Шолохов свое произведение, написанное в 1942 году. «Я призываю к ненависти», вторил Шолохову своим произведением Алексей Толстой.

Но случались на войне ситуации, когда враг оказывался безоружным, беспомощным и ждал пощады, когда за ним не скрывался убийца. Тогда писатели воспринимали войну как испытание гуманизма, утверждавшегося в самых негуманных условиях.

Пример такого случая мы приводили, говоря о рассказе Николая Богданова «Фюнфкиндер» в теме «Русские мальчики». Наши партизаны пожалели захваченного ими немецкого авиамеханика, отца пятерых детей, оставшихся у него дома.

Способность сострадать, проявить милосердие к беспомощному человеку, не замешанному в кровавом преступлении — это и есть гуманность человеческой души. Случаи ее проявления на войне отражены в ряде других рассказов советских писателей, адресованных в том числе и детям.

### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*С. Алексеев. «Данке шен»*

*В. Закруткин. «Матерь человеческая»*

*К. Воробьев. «Немец в валенках»*

---

### **О рассказе Сергея Алексеева «Данке шен»**

*Сергей Алексеев (1922-2008) — советский детский писатель. Перед Великой Отечественной войной учился в авиационном училище, и война застала его в полевом лагере недалеко от границы. Всю войну работал в летном училище инструктором. Обучал боевому искусству летчиков. После войны работал в издательстве «Детская литература».*

*Для писателя Алексеева дороже всего — идеи патриотизма, верности Родине, о ком бы он ни рассказывал — о полководцах или*

*о рядовых солдатах. Из произведений для школьников о Великой Отечественной войне наиболее известна его книга «Богатырские фамилии», знакомящая читателей с историческими личностями — участниками войны.*

*Говоря о каждом лице в отдельности, он создал обобщенный образ солдата, защитника Отечества, близкий по характеру к Василию Теркину — герою поэмы Александра Твардовского.*

*Рассказ «Данке шен» говорит о последних днях войны, когда наши войска уже находятся в Берлине. Уставшие от боев солдаты, находясь у походной кухни, подкрепляются кашей. Но им еда — не еда, когда они видят голодных немецких детей, их молящие глаза.*

*Показано, как оттаивает их солдатское сердце. Мстительное чувство по отношению к врагу сменяется доброжелательством к немецким детям. Все, кто подошли к кухне с мисками и тарелками, были накормлены.*

*Но фашистский летчик, из злого чувства, то ли на наших солдат, то ли на голодных немецких детей, сбросил бомбу на походную кухню. Не пощадил своих детей с протянутыми тарелками в руках.*

Сергей АЛЕКСЕЕВ

## **ДАНКЕ ШЕН**

**Н**а одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что отгремели кругом бои. Еще не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки солдаты. Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар, хозяин кухни.

Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что же — подбрось, — отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чудится Юрченко: словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчонку:

— Ну-ка, иди сюда.

Подошел тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, неробкий, — бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Тянет мальчишке.

— Данке шен, — произнес малыш, спасибо, значит. Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не слопай, смотри — верни.

— Э-эх, наголодался, видать, — отозвался ефрейтор Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер, — сказал мальчишка.

— Для сестренки мальчишка просит, — объяснил кто-то из сидящих рядом.

— Ну что же, тащи и сестренке, — ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шен, — произнес мальчишка. И снова исчез в подворотне...

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Тащит опять тарелку. Подошел он к походной кухне. Тянет вперед тарелку:

— Битте, фюр муттер, — просит для матери.

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты, какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша не в кашу, в солдатские рты не лезет.

Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну, подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

— Не толпись, не толпись! — наводит порядок Зюзин. Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому. Получают ребята кашу:

— Данке шен!

— Данке шен!

— Данке шен

— Данке шен!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки ребята.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолет. Глянули вверх солдаты. Не наш самолет — фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! — погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолет. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Ударила бомба и прямо в кухню. Смотрят дети — ни кухни, ни каши. Лишь миски пустые в руках остались!

---

### Вопросы для обсуждения

1. Разделяете ли вы чувство жалости к голодным немецким детям, какое возникло у советского солдата Зюзина и повара Юрченко?

2. Как ефрейтор Зюзин организовал выдачу каши немецким детям?

3. Как вы восприняли налет немецкого самолета на полевую кухню, где кормились немецкие дети?

4. Какое у вас возникло отношение к немецкому мальчишке, который не только сам поел у походной кухни советских войск, но и принес кашу голодной сестренке и матери.

---

### Об эпизоде из повести Виталия Закруткина «Матерь человеческая»

*Об этом произведении и его авторе мы уже говорили, касаясь темы «Сиротство». Речь там шла о том, как Мария спасла от голодной смерти семерых детей, укрывшихся в стоге сена. Сейчас мы приводим эпизод из повести, в основу которого положен другой реальный факт.*

*Как вы помните, немцы сожгли хутор и уничтожили всех его жителей. Одна лишь женщина Мария, у которой немцы повесили мужа и сына, осталась в живых, спрятавшись в кукурузном поле. И еще уцелел погреб, находящийся поодаль от сгоревшего дома. В этот погреб заполз раненый немецкий солдат, почти мальчик по виду. Мария решила проведать этот погреб и узнать, можно ли в нем пережить зиму. Вот тут она и увидела немца.*

*Первая ее мысль была убить «гаденыша» вилами, которые держала в руках. Но неожиданное, хриплым голосом умирающего мальчика, произнесенное слово «мама», остановило ее. Последние часы и дни его прощания с жизнью постепенно соединились в ее сознании с казненным немцами собственным сыном.*

*В аннотации на повесть написано: «Есть книги, которые, прочитав один раз, невозможно забыть всю жизнь. Они становятся мерилom человеческих ценностей. Они дают надежды и силы жить, преодолевать невзгоды и смотреть вперед».*

*Главная сила произведения в проявленном русской женщиной сострадании не к врагу, а к человеку. Пусть оправданием ее поступка послужат пушкинские строки: «И милость к падшим призывал».*

**Виталий ЗАКРУТКИН**

### **Эпизод из повести «МАТЕРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ»**

(публикуется в сокращении)

...Погреб был цел, даже деревянная крышка его лаза не сгорела. Мария протянула руку, чтобы поднять тяжелую крышку, но ее испугало поведение собаки. Дружок завертелся вокруг погребка. Шерсть на его спине встала дыбом. Оскалив острые клыки, он угрожающе заворчал.

Сжимая в руке вилы, Мария откинула крышку лаза и отпрянула. На земляном полу погребка, прислонившись к низкой кадлушке, сидел живой немецкий солдат. Он не мигая смотрел на нее... Мария успела заметить, что немец был бледный, изможденный, с тонкой мальчишеской шеей и что он был ранен. Мария заметила, что немец испугался ее, и поняла, что он безоружен.

Наклонившись над лазом, она молча смотрела на немца. Он не спускал с нее светло-голубых, расширенных от ужаса глаз... Все выдавало в раненом немце мальчишку, желторотого, лопоухого, объятото ужасом недоростка...

Мария еще ниже склонилась над лазом. Держак остро отточенных вил сжала так, что побелели пальцы. Хрипло сказала, не слыша собственного голоса:

— Чего будем делать? Скажи мне одно: где мой муж Ваня и сыночек Васенька? И еще скажи мне: за что удавили Феню и девочку Саню за что убили? Молчишь? Молчи, молчи...

Она повернулась, спустила ноги в лаз, постояла на первой ступеньке пологой погребной лестницы... Постояла на второй, глаз не сводя с немца и сжимая в руках вилы...

— Молчишь? — повторила она. — Ничего не знаешь и сказать ничего не можешь? И кто людей в неволю погнал — не знаешь... И кто хутор спалил, а скотину перестрелял — не знаешь... Брешешь, подлюка... Ты все знаешь и за все сейчас ответишь...

Медленно опускалась она в погреб, останавливаясь на каждой ступеньке, и каждая ступенька — Мария помнила: их было девять — приближала ее к тому неотвратимому, что она должна была совершить во имя высшей справедливости...

Вот и последняя ступенька. Мария остановилась. Сделала еще шаг вперед. Мальчишка-немец шевельнулся. Он хотел отодвинуться, втиснуться в угол, уползти в темноту, за кадушку, но обмякшее, бессильное тело не слушалось его. Уже в то мгновение, когда голова Марии показалась в открытом люке погреба, он по выражению ее лица почувствовал, что его ожидает смерть...

Мария высоко подняла вилы, слегка отвернулась, чтобы не видеть то страшное, что должна была сделать, и в это мгновение услышала тихий, сдавленный крик, который показался ей громом:

— Мама! Ма-а-ма!..

Слабый крик множеством раскаленных ножей впился в грудь Марии, пронзил ее сердце, а короткое слово «мама» заставило содрогнуться от нестерпимой боли. Мария выронила вилы, ноги ее подкосились. Она упала на колени и, прежде чем потерять сознание, близко-близко увидела светло-голубые, мокрые от слез мальчишеские глаза...

Очнулась она от прикосновения влажных рук раненого. Захлебываясь от рыданий, он гладил ее ладонь и говорил что-то на своем языке, которого Мария не знала. Но по выражению его лица, по движению пальцев она поняла, что немец говорит о себе: о том, что он никого не убивал, что его мать такая же, как Мария, крестьянка, а отец недавно погиб под городом Смоленском, что он сам, едва окончив школу, был мобилизован и отправлен на фронт, что ни в одном бою он ни разу не был, только подвозил солдатам пищу.

Мария молча плакала. Смерть мужа и сына, угон хуторян и гибель хутора, мученические дни и ночи на кукурузном поле —

все, что она пережила в тяжком своем одиночестве, надломило ее, и ей хотелось выплакать свое горе, рассказать о нем живому человеку, первому, кого она встретила за все последние дни. И хотя этот человек был одет в серую, ненавистную форму врага, но он был тяжело ранен, к тому же оказался совсем мальчишкой и — видно по всему — не мог быть убийцей. И Мария ужаснулась тому, что еще несколько минут назад, держа в руках острые вилы и слепо подчиняясь охватившему ее чувству злобы и мести, могла сама убить его. Ведь только святое, жалостное слово «мама», та мольба, которую вложил этот несчастный мальчик в свой тихий, захлебывающийся крик, спасли его...

Сдерживая стоны, немец молча следил за склонившейся над ним женщиной, потом крестом сложил над грудью указательные пальцы, спросил тихо:

— Капут?

— Зачем капут? — отводя глаза, сказала Мария. — Будешь жить...



Худож. Н. Бут. «Опалённое войной детство»

Сложив руку так, словно держала в ней стакан, и поднеся ее ко рту, спросила:

— Ты, небось, пить хочешь?

Немец закивал головой.

— Подожди, — сказала Мария, — я подою корову, напою тебя молоком. Воды на хуторе нет...

В темном углу погреба она отыскала глиняную миску, движением пальцев показала: пойду доить коров. Вылезла из погреба. Дружок и корова ждали ее под яблоней. Подумала о немце: «Не выживет он, помрет, и я его не спасу». И еще подумала, что ей будет жаль мальчишку, что она опять останется одна и ей не с кем будет слова молвить. А тут, хоть и не знает она немецкого языка, а умирающий немец знает только одно русское слово «мама», с ним можно разговаривать так, как это делают глухонемые: пальцами, головой, глазами. Ведь поняла она его, когда он с помощью жестов говорил ей о своей матери, об отце, о том, что они занимались крестьянским трудом, о том, что он сам не был в боях и никого не убивал...

Бережно неся миску с молоком, Мария спустилась в погреб. Присела рядом с немцем на корточки и, поддерживая рукой его горячий затылок, напоила молоком. Не выпуская ее руку, раненый всхлипнул, закрыл глаза и стал засыпать. Мария не хотела беспокоить его и долго сидела, всматриваясь в бледное лицо спящего. Тень рыжеватых ресниц под глазами еще больше подчеркивала восковую бледность его лица, чуть припухшие, бескровные губы вздрагивали.

Тихонько освободив руку из рук немца, Мария поднялась и, стараясь не стучать, чтобы не разбудить спящего, стала убирать в погребе... Она вспомнила, что на лугу, возле лесной опушки, должны стоять копешки не срезанного хуторянами сена. Решила сходить туда, принести охапку сена и постелить умирающему немцу...

Вокруг ничто не нарушало тишины. Фронт уже откатился далеко на восток, но Мария не знала этого и потому остерегалась. Солнце клонилось к закату, был тихий, безветренный день. Дойдя до самой опушки, Мария увидела, что копны целые...

Увязав проволокой охапку сена, Мария пошла на хутор. Немец уже не спал, он встретил ее слабой улыбкой, коснулся пальцем своего лба, указал на Марию, на вход в погреб и прощально замахал рукой.

Мария поняла. Он хотел сказать:

— Я думал, что ты покинула меня, ушла совсем.

Она отрицательно качнула головой:

— Зачем же? Сена вот принесла, постель тебе постелю, чтоб мягче было лежать.

Быстро и ловко она расстелила сено, разровняла его, передвинула раненого, подложила ему под голову затвердевший от крови серый мундир. Сказала, разъясняя руками значение своих слов.

Тоска сжала сердце Марии. Ни Ивана, ни Васятки, ни полей, ни соловьев, ни дома, ни родного очага больше не было. Оставались только неостывшее пожарище, темный погреб, а в погребе — тяжело раненный, умирающий мальчишка, враг, которого так и не дождется на дальней, неведомой Марии земле неведомая мать...

По дыханию раненого поняла, что немец спит. Мария вздохнула, прилегла рядом, подмачивая сено так, чтобы не касаться немца...

Обессиленная Мария уснула мгновенно. Во сне она видела покойных отца и мать. Будто они вели ее куда-то за руки, молодые, красивые, и ей было весело... Маленькая девочка Мария попросила отца купить ей красную конфету, и отец, звеня медяками, выбрал на прилавке и протянул ей самую большую. Он сказал: «Бери, доченька, кушай». Мария взяла конфету и содрогнулась от ужаса: это была не конфета, а чья-то горячая, липкая, окровавленная рука...

Она застонала, всхлипнула во сне и не почувствовала, что к ее руке прижался умирающий мальчишка-немец и, захлебываясь от слез, давясь серой смертной тоской, беззвучно шептал:

— Мама... мама.

На рассвете, заметив, что Мария проснулась, немец слабо улыбнулся, вздохнул, медленно постучал по своей груди согнутым указательным пальцем и несколько раз хрипло прошептал:

— Вернер Брахт... Вернер Брахт...

Потом он сложил пальцы крестом и сделал вид, что пишет на воображаемом могильном кресте свое имя...

---

### **Вопросы для обсуждения**

1. *Зачем Мария взяла в руки вилы, спускаясь в уцелевший от немецкого погрома погреб?*

2. *Почему, увидев в погребе живого немца, почти мальчишку, она отказалась от мысли убить его?*

3. Почему сдавленный крик немецкого юноши и произнесенные им слова «Мама! Ма-а-ма!» показались Марии громом?

4. О чем и как разговаривали Мария и немец, не зная языка друг друга?

5. О чем думала Мария, неся немецкому мальчику миску с молоком, а потом охапку сена, чтобы подстелить под него?

6. Почему умирающему мальчику было важно, чтобы на кресте его могилы было написано его имя?

7. Что дал вам этот эпизод из повести Виталия Закруткина для понимания трагедии войны? Расскажите о вашем отношении к поступку Марии.

---

### **О рассказе Константина Воробьева «Немец в валенках»**

Константин Воробьев (1919–1975) известен как писатель военной тематики. Он принимал участие в битве под Москвой и написал об этом повесть «Убиты под Москвой». Битва происходила в лютый мороз 1941 года. Многие солдаты, как с нашей стороны, так и с немецкой, были обморожены.

Этот факт и послужил основой написанного Воробьевым рассказа «Немец в валенках». Этот рассказ о лагерной жизни военнопленных автобиографичен. Автор ведет его от имени некоего Александра, военнопленного в лагере Саласпилса, охранником там оказался участник той же битвы только со стороны гитлеровских войск — немец Вилли Броде. Оба страдали обмороженными пальцами ног.

Писатель показал охранника в восприятии пленных сначала как врага, а позже как страдающего человека. Узнав, что у пленного тоже обморожены пальцы, и в отличие от него, пленный голоден, немец проникся к нему сочувствием и стал тайно приносить ему по кусочку хлеба, намазанного маргарином.

Этот кусочек пленный поделил сначала с напарником по несчастью Вороновым, а следующие хлебные подношения Вилли Броде он делил и с другими пленными, тем самым спасая их от голодной смерти. Но староста военнопленных выдал Вилли Броде начальству лагеря. И те пришли в барак для разбора поступка.

Кульминацией этой сцены является расправа не с тем, кому немец давал хлеб, а со старостой, ибо именно на него указал Вилли Броде, утверждая, что носил хлеб ему. Что стало с самим Броде и с его ногами, автор не знает, хотя ему это безразлично.

Константин ВОРОБЬЕВ

## НЕМЕЦ В ВАЛЕНКАХ

(публикуется в сокращении)

**В** Прибалтике уже наступала весна. Уже было тепло, а этот немец-охранник явился в наших русских валенках с обрезанными голенищами и в меховой куртке под мундиром. Он явился утром и дважды прошелся по бараку от дверей до глухой стены. Кого-то выискивал среди нас. Он был рыжий как подсолнух, и ступал мягко и врозваль, как деревенский кот.

Мы — сорок шесть пленных штрафников — сидели на нижних ярусах нар и глядели на ноги немца — эти сибирские валенки на нем с обрезанными голенищами ничего не сулили нам хорошего. Ясно, что немец воевал под Москвой. И мало ли что теперь по теплыни взбрело ему в голову и кого и для чего он тут ищет! Он сел на свободные нары, закинул ногу на ногу и поморщился. Я по себе знал, что отмороженные пальцы всегда болят по теплыни. Особенно мизинцы болят... Вот и у немца так. И мало ли чего он теперь задумал! Я сидел в глубине нар, а спиной в меня упирался воентехник Иван Воронов, — он был доходяга и коротал свой последний градус жизни... Немец протянул по направлению ко мне руку и несколько раз согнул и расправил указательный палец.

Я уложил Ивана и полез с нар. Немец отстранился, воззрившись на мои босые ноги с отмороженными пальцами. Он что-то спросил у меня коротко и сердито, глядя на ноги, и я отрицательно качнул головой — мы знали, что охранники и конвоиры особенно усердно били доходяг, больных и тех, кто хныкал, закрывался от ударов и стонал.

— Шмерцт нихт? — спросил немец и посмотрел на меня странно: в голубых глазах его было неверие, удивление и растерянность. Я понял, о чем он, и подтвердил, что ноги у меня не болят. Он мог бы уже и ударить — я был готов не заслоняться и не охать, а на вопросы отвечать так, как начал. Немец сидел, о чем-то думал, странно взглядывая на меня и поддерживая на весу свои ноги в валенках с обрезанными голенищами.. В бараке было тих и холодно. Наверно, Воронов видел, как я подходил к немцу, и теперь сам двигался к нам. Немец не замечал Воронова, пробуя склеить сигарету, — я поломал ее, когда упал на него,

а Иван все шел и шел. Я не знал, что замыслил мой друг доходяга. Управившись с сигаретой, немец увидел Воронова и сперва махнул на него рукой. А затем уже крикнул:

— Не болит?

— Ты лжешь, человек!

— Иди назад! — сказал я Ивану.

Воронов добрался до места и лег там, животом вниз.

— Что хочет он, — спросил немец. Он спрашивал о Воронове, и я ответил:

— Он просит пить.

Немец наморщил лоб, глядя на мой рот, и понял:

— Вода? (нем.)

— Вы не получаете воды? (нем.)

Немец закурил, но сигарета плохо дымилась, потому что была поломана, и он протянул ее мне.

Я зажал на ней надрыв и затынулся до конца вдоха. Воронов ожидал меня, не меняя позы, только растопырил указательный и средний палец правой руки — приготовился. Я вложил между ними окурочек и подождал. Я оглянулся на немца. Он позвал меня. Но не пальцем, а в голос.

Немец приподнял с пола ноги, и лицо его стало каменным и напряженным, наверно, защемило пальцы. Мне хотелось лечь там у себя рядом с Вороновым. Подтянуть колени к подбородку, а ступни обжать ладонями, чтобы затушить боль в мизинце. Я безотчетно, но на такую же высоту, как и немец, приподнял свои ноги и нечаянно охнул.

— Шмерцен? — спросил немец.

— Ну болят, болят! — со злостью сказал я. — Тебе от этого легче, да?

— Я крестьянин, понимаешь? Крестьянин. А ты? (нем.)

Может, потому, что у меня не проходила боль в мизинце и думалось об обуви, я выбрал ремесло сапожника. Я показал на свои больные ноги и помахал воображаемым молотком.

— Ну, все, пора идти! (нем.) — сказал немец.

Пленному полагалось двигаться впереди конвоира шагах в шести. Я так и пошел к выходу — впереди немца, но он сказал: «Момент», и я задержался, а оглядываться не стал, чтобы не видеть глаза Ивана. Немец поравнялся со мной, и мы пошли рядом.

— Меня зовут Вилли Броде. А тебя? (нем.)

Я назвал свое имя. Немец старательно и неверно произнес его по складам и не торопясь, врозваль ушел. Я постоял у дверей и побрел назад, на свое место. Иван пошевелился и, не открывая глаз, спросил:

— Чего он хотел, а?

— Не знаю, — сказал я. — Может, вернется...

Утром немец вернулся опять. Мы с Вороновым сидели спина к спине, и я чуть-чуть подался назад, чтобы стояк нар загородил меня от немца. Он и загородил, но немец в это время по складам сказал: «Алек-шандр», и я уложил Ивана и полез с нар.

Немец оглянулся на дверь — крадучись и опасливо, — сунул правую руку в карман френча. Он дважды сказал: «Возьми» (нем.)

Это он сказал, оглянувшись на дверь и протянув ко мне руку, и я различил маленький квадратный пакет из серой бумаги. Я взял пакет и сразу почувствовал невесомую мягкость хлеба, его скрытую теплоту. Немцу б надо было уйти тогда, чтобы я отнес хлеб на нары. Но он ожидающе смотрел на меня, а я молчал и пытался засунуть пакет в нагрудный карман гимнастерки, не спуская глаз с дверей барака — недаром же он сам оглядывался туда! Он показывал на пакет, и я понял, что ему зачем-то нужно, чтобы хлеб был съеден при нем. Он отобрал у меня обертку и спрятал в карман. Ровно обрезанный хлебный квадратик был намазан не то маргарином, не то каким-то другим эрзацем. Я перевернул хлеб намазанной стороной вниз, чтобы не было крошек, а немец что-то проворчал и махнул рукой в сторону дверей.

— Ну чего ты еще ждешь? Кушай свой завтрак. (нем.)

Таких бутербродов я мог съесть тогда дюжин пять. Немец неотрывно и пристально смотрел мне в лицо.

— Гут? — не унимался немец.

— Ну гут, гут! — сказал я. В бараке стояла какая-то враждебная мне тишина. Иван плашмя и молча лежал на своем месте, и глаза его тлели как угли в золе.

— Не дури там! Я помню! — сказал я. К тому времени от хлеба осталась ровно половина, но я подравнял еще немного углы и, когда бутерброд округлился, как коржик, рывком спрятал его в нагрудный карман.

— На обед?(нем.)

— Да. Мне! — подтвердил я, поторкав себя в грудь.

Нам пора было идти — немцу к себе, а мне к Ивану. Но немец

не уходил. Он ушел после того, как мы выяснили, сколько нам лет, — немец был старше меня на целое детство. Мне было трудно пробираться на свое место, потому что люди привстали на нарах и смотрели на меня отчужденно и почти мстительно. Я не чувствовал никакой вины перед ними, но они и не обвиняли, они только смотрели.

— Чего он опять, а? — спросил у меня Воронов.

— Не знаю. Хлеб вот дал, — сказал я. Мы разговаривали шепотом, и бутерброд Иван доел неслышно, уткнувшись лбом в нары, будто молился. С этой минуты я стал ждать конца дня и исхода ночи: очередной бутерброд нужно делить не на два, а на четыре части, следующий снова на четыре, потом опять и опять...

Вилли Броне пришел в свое время. Он позвал меня от дверей и проворчал: «Моен». Мы сели на нары, и он дал мне бутерброд — не больше и не меньше прежнего. Я перевернул хлеб намазанной стороной вниз, отломил от него четвертую часть и съел. Лицо у Вилли было хмурое и мятое, он морщился и непрестанно поднимал и опускал ноги.

— Поставь их сюда, — показал я на нары. Он понял и уселся, как я: составил ступни вместе, подогнул колени, а на них оперся локтями.

— Теперь легче, да?

Он отрицательно качнул головой, снял с левой ноги опорок, затем стащил серый, под цвет френча, шерстяной носок, осторожно и долго разматывал бинт. Все пять пальцев на его ноге казались одного размера и рдели, как черносливы.

— Тебе их отрежут, — сказал я, потому что тут ничего нельзя было поделать. И мне тоже оттяпают.

Ушел он бодрей, чем вчера — может, перестало щемить?

Иван уже не лежал, а сидел. Я дал ему его долю, а остальное понес в конец барака. Я знал, что после разового укуса хлеба доходяга оказывается в состоянии встать и пройти несколько шагов. Я это знал и нес хлеб по разовому укусу — первым двоим доходягам... А завтра хлеб получают свежие четверо доходяг, послезавтра еще четверо, потом еще и еще, — мало ли, сколько раз вздумается прийти сюда этому человеку!..

Меня уже не так сильно шатало, и хлеб я нес почему-то на ладонях обеих рук. Пленные лежали на нарах лицом к проходу и сидел тут только один военинженер Тюрин. Ему было под со-

рок. Он был негласным старостой барака, ютился немного обособленно, в углу, — мы так захотели сами. Он сидел, опершись на руки, подавшись к краю нар, и сумасшедшими глазами следил за мной. К нему я и направился, кивнув еще издали, а он не меня позы срывным, западающим голосом крикнул пленным:

— Помните, что я сказал... Тот, кто примет от него вражескую приманку, должен будет сурово ответить!

Он сразу лег, а я споткнулся, выронил и поднял хлеб.

— К охранникам подлизываешься... Сволочь!

Это сказал не староста, а кто-то другой, и я падением вперед достиг своего места. Иван сидел и пораженно глядел мне в лоб.

— Ну чего ты? — спросил я и разломал хлеб на две части. — На! Ешь! Ну чего остолбенел?!

Он зажмурился и взял хлеб.

Весь день и ночь в бараке было тихо, холодно и пустынно. С утра Тюрин начал к чему-то суетно и показно готовиться. Он даже простился со всеми, кроме нас с Иваном, но этот праведно спал и ничего не слышал. Незадолго до времени, когда являлся Вилли Броде, Тюрин обмотал ноги портянками, завязал их веревочками и спустился с нар. Я разбудил зачем-то Ивана и полез с нар. К Тюрину я пошел, прижав руки к бокам, и он тоже стал по команде «смирно».

— В нечаянные мученики собрался, товарищ военинженер? Или в посмертные герои? — спросил я. — Ничего у тебя не выйдет... Останешься тут! С нами! Выше старосты не подынешься!

— Иди и делай свое черное дело! — шепотом сказал Тюрин, глядя мимо меня, на дверь барака. Я оглянулся и увидел унтера Бенка и фельдфебеля Кляйна из комендатуры — кто же их у нас не знал! Между ними, в середине, шел Вилли Броде. Мундир на нем был распахнут, и пилотка сидела на голове криво и мелко. Я стоял впереди Тюрина. Они подошли, и Кляйн, не глядя на меня, безразличным тоном спросил у Вилли:

— Этому?

Вилли поспешно и громко сказал: «Найн» и вздернул голову, а распрямленные ладони прижал к бокам.

— Этому? — показал Кляйн на Тюрина. Я не услышал, что сказал Вилли: Бенк шагнул мимо меня и наотмашь ударил Тюрина ладонью по рту. Тюрин упал на нижний ярус нар и по инерции поехал вглубь, к стене.

— Брот брал я! Их! — сказал я фельдфебелю Бенку, и сердце у

меня подпрыгнуло к горлу. — Тот человек не ел! Это я один! Их!

Кляйн брезгливо тыльной стороной ладони ударил Вилли — и тоже по рту, — а на мой затылок Бенк обрушил что-то тяжелое и кругло-тупое как бревно. Я упал на пол в сторону дверей, оттого и запомнил, как уходили из барака Бенк, Кляйн и Вилли. Он шел в середине, а они по бокам, и возле колдобины Вилли споткнулся, но руки у него остались прижатыми к бокам...

Вот и все.

Между прочим, Иван Воронов остался жив.

Иногда я думаю, жив ли Вилли Броде? И как там у него с ногами? Нехорошо, когда отмороженные пальцы ноют по весне. Особенно, когда мизинцы ноют и боль конвоирует тебя слева и справа...

---

### Вопросы для обсуждения

1. Почему пленных раздражал немецкий охранник в валенках? Каким он им казался?

2. Чем была вызвана симпатия у немца к пленному Александру? Что их объединяло?

3. Почему Александр сразу не признался охраннику, что обмороженные пальцы у него болят?

4. Как постепенно менялось отношение у Александра и других пленников к Вилли Броде?

5. Кто предал охранника и с какой целью? Почему при допросе Вилли Броде скрыл правду, защитив тем самым Александра?

6. Как сами немцы отнеслись к поступку Вилли Броде, снабжающего пленников хлебом?

7. Как вы представляете дальнейшую судьбу этого охранника?

### Дополнительная литература

В. Кондратьев. «Сашка».

## РАЗДЕЛ 16

# ПОБЕДА

**И Я пришла. Меня зовут Победа.**

*Илья Эренбург*

Худож. Б. Иогансон. **Праздник Победы.** 1947



Эту радостную тему хочется начать с речи русского писателя и общественного деятеля Николая Тихонова (1896-1979), обращенной к детям и опубликованной в майском номере журнала «Костер» за 1945 год.

Вот что он говорил:

«Мы не ждали 22 июня. Но мы жаждали, чтобы наступил день, когда последний удар свалит с ног черное чудовище — фашизм. Мы сказали, что мы придем в логово фашистов, и пришли. И время ответило радостным звоном. Это часы пробили 23 часа в ночь на 9 мая. Что случилось в этот час? Случилось великое: советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков.

Девятое мая — это триумф всего советского народа, всех его сыновей и дочерей, всех его патриотов. Мы были свидетелями событий, о которых можно написать тома. Но мы вмещаем их в одно слово: Победа! Победа — это значит, что враг решительно и бесповоротно разбит, он сам признал это. Всем народом, всей душой творили мы дело победы. И вот оно вошло над нашими просторами, солнце Победы, солнце славы».

Победа венчала войну, которая длилась 1418 дней и унесла с собой неисчислимые человеческие жертвы погибших в боях, в концлагерях, умерших от голода и холода, но не сдавшихся врагу и победивших. Среди тех, кто приближал этот час, были и дети.

О Победе над Германией Леонид Леонов высказал очень важную мысль: «Мы защитили не только наши жизни и достояние, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм».

В день Победы, 9 мая, в 22 часа, столица нашей Родины Москва салютовала доблестной Советской Армии, одержавшей эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

О том, как встречали этот день советские люди и как радовались возвращению солдат с фронта, писатели рассказали в своих произведениях.

**Предлагаем обсудить рассказы:**

*С. Алексеев. «Радость Победы»*

*Е. Носов. «Красное вино Победы»*

*Н. Чуковский. «В последние дни»*

## О рассказе Сергея Алексеева «Радость Победы»

*Этот рассказ известного детского писателя вряд ли нуждается в комментариях. О его содержании говорит само название.*

*Сергей Алексеев посвятил свое творчество, адресованное детям, военной истории нашей Родины. К этой славной истории принадлежит и День Победы — 9 мая 1945 года.*

*О том, как был подписан акт о безоговорочной капитуляции и какое торжество состоялось в Берлине, рассказывает детям писатель.*

*Он предлагает нам, читателям, разделить эту великую радость, к которой шла наша армия более четырех лет.*

*Эту радость, как самый великий праздник, когда пошел в пляс даже прославленный полководец Советской Армии, передал нам Сергей Алексеев в своем рассказе и зарядил этой радостью своих читателей.*

Сергей АЛЕКСЕЕВ

### РАДОСТЬ ПОБЕДЫ

**П**осле падения Берлина война продолжалась всего несколько дней. Фашистская Германия была окончательно разбита.

Карлсхорст. Так называется один из пригородов Берлина. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года здесь собрались представители Советского Верховного главнокомандования и представители командования войск союзников. Вместе с Советским Союзом против фашистской Германии сражались Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция. Они были нашими союзниками. Вместе с нами и они отмечали победу над фашистской Германией. Сюда в Карлсхорст прибыли и фашистские генералы. Им предстояло подписать документ о безоговорочной капитуляции. Капитулировать — значит признать полное свое поражение, полностью слаться победителям...

Понурые, недовольные вошли в зал фашистские генералы.

Председательствовал маршал Жуков.

Посмотрел Жуков сурово на фашистских генералов:

— Изучили акт о безоговорочной капитуляции? Готовы его подписать?

— Готовы, — глухо ответили фашистские генералы.

После подписания акта маршал Жуков устроил торжественный прием в честь советских и зарубежных гостей.

Прием был не только торжественным, но и веселым.

Радость победы гуляет в зале. Слышится в смехе. Светится в глазах. Начались песни. Начались танцы. Кто-то из советских генералов ударил «русского». Танец быстрый, лихой, с пристуком.

Кто-то повернулся к маршалу Жукову. Стал приглашать:

— Товарищ маршал!

— Что вы. Что вы, — засмутился Жуков.

— Георгий Константинович!

Заколебался Жуков. Вспомнил молодость.

Уговорили боевые товарищи маршала Жукова.

Случилось невероятное — «капитулировал» маршал Жуков. Сдался Жуков. Сплясал он лихого русского.

Обступили маршала и наши и зарубежные гости.

— Жуков танцует!

— Маршал Жуков танцует «русского».

— И «русского» и «советского», — улыбается Жуков.

— И «советского» и «победного», — прошло по залу.

Вскоре, в июне 1945 года, в Москве, на Красной площади, состоялся грандиозный Парад Победы. Грозно чеканили шаг, шли по Красной площади воины-победители.

Парад принимал Маршал Советского Союза прославленный полководец Великой Отечественной войны Георгий Константинович Жуков.

---

## О повести Евгения Носова «Красное вино Победы»

*«Это радость со слезами на глазах» — поется в песне «День победы» на слова Владимира Харитоновна. Повесть выдающегося советского писателя, Героя социалистического труда за вклад в литературу, Евгения Носова (1925—2002), отрывок из которой мы приводим, — прозаическая иллюстрация этих слов песни.*

*Речь идет о том, как встречали известие о Победе раненые бойцы, находящиеся в госпитале. Одно то, что это были тяжело раненные: кто без руки, кто без ноги — вызывает боль. Но день Победы врывается в госпиталь в три часа ночи — и ночь превращается*

*в День. Ликование пополам с причитаниями женщин, стоявших перед окнами госпиталя, невольно вызывает слезы. Одинаково радуются долгожданному миру люди разных национальностей.*

*Повесть названа так потому, что в День победы каждому из раненых в честь праздника наливали по стакану красного вина.*

*Рассказ трогает самые глубины сердца, вызывает зрительные и слуховые образы, ощущение личного присутствия среди раненых и среди тех, кто стоит перед растворенными окнами госпиталя и поздравляет раненых с Победой.*

*Останутся ли наши дети равнодушными, воспринимая, например, сцену, когда девушка кидает в окно букет цветов солдату, а солдат не может их схватить потому, что у него нет рук. Апофеоз радости в сочетании с трагизмом ситуации передан писателем-художником потрясающе.*

*В этом рассказе нет детей. Только слышен голос ребенка причитающей матери: «Мам — не надо». Одного этого достаточно, чтобы осознать истинный смысл несовместимости понятий «дети и война».*

*Мы оставляем на усмотрение взрослых, сочтут ли они необходимым прочитать этот рассказ сегодняшним школьникам или воздержатся, не захотев причинять им душевную боль. Но самим взрослым понять и прочувствовать, как это было, чтобы никогда этого не было, очень важно.*

*Рассказ носит автобиографический характер. Евгений Носов — участник войны. Будучи раненым, он лежал в госпитале в городе Серпухове. Там и застала его весть о Победе, которую он так впечатляюще сумел отразить в своей повести. Самые известные его произведения — «Красное вино победы», «Усвятские шлемоносцы» и «Шопен, соната номер два».*

Евгений НОСОВ

## **КРАСНОЕ ВИНО ПОБЕДЫ**

(отрывок из повести)

**Т**ри часа ночи... Я вдруг остро ощутил, что госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время... Что-то враз обожгло меня изнутри, гулкими толчками забухала в подушку напрягшаяся жила на виске.

Внезапно Саенко вскинул руки, потряс в пучке лунного света кулаками.

— Все! Конец! Конец, ребята! — завопил он. — Это, братцы, конец! — И, не находя больше слов, круто, яростно, счастливо выругался на всю планету.

Михай свесил ноги с кровати. Пытаясь прийти в себя, как о сук, потерся глазами о правый обрубок руки.

— Михай, победа! — ликовал Саенко.

Спрыгнул с койки Бугаев, схватил подушку, запустил ею в угол, где спал Саша Самоходка. Саша заворочался, забормотал что-то, отвернул голову к стене.

— Сашка, проснись!

Бугаев запрыгал к Сашиной койке и сдернул с него одеяло. Очнувшийся Самоходка успел сцапать Бугаева за рубаху, повалил к себе на постель. Бугаев, тиская Самоходку, хохотал и приговаривал.

— Дубина ты бесчувственная. Победа, а ты дрыхнешь! Ты мне руки не заламывай. Это уж дудки! Не на того нарвался. Мы, брат, полковая разведка. Не таких вязали, понял?

— Это у меня... нога привязана... — сопел Самоходка. — Я бы тебе... вставил, куда надо...

— Бросьте вы, дьяволы! — окликнул Бородухов. — Гипсы ломаете.

— А, хрен с ними! — потрянул головой Саенко. Он дурашливо заплясал в проходе между койками, нарочно притопывая гипсовой ногой-колотушкой по паркету.

Эх, милка моя,  
Юбка лыковая...

Бугаев, бросив Самоходку, принялся подыгрывать, тряся, будто бубном, шахматной доской с громыхающими внутри фигурами.

У меня теперь нога  
Тоже липовая.

За окном в светлой лунной ночи сочно расцвела малиновая ракета, переспело рассыпалась гроздьями. С ней скрестилась зеленая. Где-то резко рывнула автоматная очередь. Потом сла-

женно забасили гудки: должно быть, трубили буксиры на недалекой Оке.

— Братцы! — Саенко застучал кулаком в стену соседней палаты. — Эй, ребята! Слышите!

Там тоже не спали и в ответ забухали чем-то глухим и тяжелым. Скорее всего, резиновым набалдашником костыля.

Прибежала сестра Таня, шелкнула на стене выключателем.

— Это что еще такое? Сейчас же по местам!

Но губы ее никак не складывались в обычную строгость. Наша милая, терпеливая, измученная бессонницами сестренка! Тоненькая, чуть ли не дважды обернута полами халата, перехваченная пояском, она все еще держала руку на выключателе. Вглядываясь, что мы натворили.

— Куда это годится, все перевернули вверх дном. Взрослые люди, а как дети... Бугаев! Поднимите подушку. Саенко! Сейчас же ложиться! Здесь Анатолий Сергеевич, зайдет, посмотрит...

Таня озабоченно подсела к Капешкину и озабоченно потрогала его пальцы.

— Спице, спице, Капешкин. Я вам сейчас атропинчик сделаю. И всем немедленно спать!

Но никто, казалось, не в силах был утихомирить пчелино загудевшие этажи. Где-то кричали, топали ногами, выстукивали морзянку на батарее. Анатолий Сергеевич не вмешивался. Понимал, что сегодня и он не властен.

Меж тем за окном все чаще, все гуще взлетали в небо пестрые ликующие ракеты, и от них по стенам и лицам ходили цветные всполохи и причудливые тени деревьев.

Город тоже не спал.

Часу в пятом под хлопки ракет во дворе пронзительно заверещал и сразу же умолк госпитальный поросенок.

Едва только дождались рассвета, все, кто был способен хоть как-то передвигаться, кто сумел раздобыть более или менее несത്യдную одежду — пижамные штаны или какой-нибудь халатишко, а то и просто в одном исподнем белье, — повалили на улицу. Саенко и Бугаев, распахнув для нас оба окна, тоже поскакали из палаты. Коридор гудел от стука и скрипа костылей. Нам было слышно, как госпитальный садик наполнялся бурливым гомоном людей, высыпавших из соседних домов и переулков.

— Что там, Михай?

— А-ай-ай... — качал головой молдаванин.

— Что?

— Цветы несут... Обнимаются, вижу... Целуются, вижу...

Люди не могли наедине, в своих домах, переживать эту радость и потому, должно быть, устремились сюда, к госпиталю, к тем, кто имел отношение к войне и победе. Кто-то снизу заметил высунувшегося Михая, послышался девичий возглас: «Держите!» — и в квадрате окна мелькнул подброшенный букет. Михай, позабыв, что у него нет рук, протянул к цветам куцые предплечья. Но не достал и лишь взмахнул в воздухе пустыми рукавами.

— Да миленькие ж вы мои-и-и! — навзрыд запричитала какая-то женщина, разглядевшая Михая. — Ох да страдальцы горемычные-и-и! Сколько кровушки вашей пролита-а-а...

— Мам, не надо... — долетел тревожно-взволнованный детский голос.



Худож. В. Харламов. «Победа»

— Ой да, сиротинушки вы мои беспонятныи-и-и! — продолжала вскрикивать женщина. — Да как же я с вами теперь буду! Что наделала война распроклятая, что натворила! Нету нашего родимого-а-а...

— Ну не плач, мам... Мамочка!

— Брось, Насть. Глядишь, еще объявится, — уговаривал старческий мужской голос. — Мало ли что...

— Ой да не вернется он теперь во веки вечныи-и-и...

И вдруг грянул неизвестно откуда взявшийся оркестр:

Вставай, страна огромная,  
Вставай на смертный бой...

Ухавший барабан будто отсчитывал чью-то тяжелую поступь:

Пусть ярость благородная  
Вскипает, как волна...

Но вот сквозь четкий выговор труб пробились отдельные людские голоса, потом мелодию подхватили другие, сначала неуверенно и нестройно, но постепенно приладились и, будто обрадовавшись, что песня настроилась, пошла, запела дружно, мощно, истово, выплескивая еще оставшиеся запасы ярости и гнева. Высокий женский голос, где-то на грани крика и плача, как острие, пронизывал хор:

Идет война народная-йя-яя.

От этой песни всегда что-то закипало в груди, а сейчас, когда нервы у всех были на пределе, она хватала за горло, и я видел, как стоявший перед окном Михай судорожно двигал челюстями и вытирал рукавом глаза. Саша Самоходка первым не выдержал. Он запел, ударяя кулаком по щитку кровати, сотрясая и койку, и самого себя. Запел, раскачиваясь туловищем, молдаванин. Небритым кадыком задвигал Бородухов. Вслед за ним песню подхватили в соседней палате, потом наверху, на третьем этаже. Это была песня-гимн, песня-клятва. Мы понимали, что прощаемся с ней — отслужившей, демобилизованной, уходящей в запас...

Оркестр смолк, и сразу же, без роздыха, лихо, весело трубы ударили «Яблочко». Дробно застучали каблуки.

Эх, Гитлер-фашист,  
Куда топаешь?!

До Москвы не дойдешь —  
Пулю слопаешь!

Частушка была явно устаревшая, времен обороны Москвы, но в это время она звучала особенно злободневно, как исполненное народное пророчество.

И уже совсем разудало, с бедовым бабьим ойканьем, с прихлопыванием в ладоши.

Я по карточкам жила  
Четыре годочка —  
Ненаглядного ждала  
Своего дружочка!  
Э-ой-ой-ой, йи-и-и-их.

Между тем начался митинг. Было слышно, как что-то выкрикивал наш замполит. Голос его и без того не шибко речистый, простудно-сиплый, теперь дрожал и поминутно рвался.

Когда он неожиданно замолкал, мучительно подбирая нужные слова, неловкую паузу заполняли дружные всплески аплодисментов. Да и не особенно было важно, что он сейчас говорил...

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как раненые бойцы встретили известие о Победе?
2. Что значит фраза: «Госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время»?
3. Кто из раненых вам особенно запомнился?
4. Какое впечатление произвела на вас реакция на известие о Победе городских жителей, поздравляющих раненых бойцов, находящихся в госпитале?
5. Как передан автором эмоциональный накал тех, кто в госпитале, и тех, кто был снаружи?
6. Почему автор считает, что содержание речей на митинге по случаю Дня Победы не было важным, о чем бы и как бы ни говорили выступающие — все встречалось аплодисментами?

---

### О рассказе Николая Чуковского «В последние дни»

Николай Чуковский (1904-1965) — сын известного каждому ребенку в нашей стране Корнея Чуковского — тоже был писателем. Он участвовал в обороне Ленинграда. С первого дня войны

был военным корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот».

Самый известный его роман о Великой Отечественной войне — «Балтийское небо», по нему был снят фильм. Для детей он написал рассказ «Девочка и жизнь» о блокадных днях Ленинграда.

В связи с темой Победы мы предлагаем небольшой отрывок из его рассказа «В последние дни». Речь в нем идет не столько о наступлении мира, сколько о последней военной операции по спасению летчика Седова, самолет которого был сбит фашистами накануне капитуляции.

Любопытно, что сообщение о капитуляции немцев летчик Седов проспал и узнал об этом великом событии самым последним из летной команды.

Николай ЧУКОВСКИЙ

## В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

(фрагменты из рассказа)

**В** тот самый день, когда по радио сообщили, что Берлин взят нашими войсками, летчик Коля Седов был сбит зенитным снарядом.

Это видел летчик Лукин, всегда летавший вместе с Седовым. Они вдвоем кружили над морем, следя за движением немецких кораблей, удиравших из Любавы. В Любаве и ее окрестностях немцы были нашими войсками вплотную прижаты к морю и могли удирать только по воде. Истребители Лукин и Седов вели разведку: выслеживали уходившие немецкие суда.

Оба они знали, что война вот-вот кончится, что немцы обречены и что эта разведка, быть может, последнее боевое задание, которое им поручили. Чувство торжества и счастья не покидало их в полете ни на мгновение. А между тем разведка оказалась трудной, потому что ветер гнал по морю длинные полосы тумана. Коля Седов только оттого и попал под снаряд, что слишком близко подошел к удиравшему суденышку, стараясь разглядеть его сквозь туман.

У Лукина горючего оставалось на семь минут полета — ровно столько, сколько нужно, чтобы долететь до аэродрома. Он как раз собирался повернуть к дому и приказать Седову следовать за

собой. Но не успел он произнести ни слова, как услышал у себя в шлемофоне резкий грохот — это в самолете Седова взорвался снаряд. Лукин обернулся, увидел плавающий самолет, волочащий за собой столб бурого дыма, и помчался к нему.

Седов выпрыгнул из самолета. Метров восемьсот пролетел он, не раскрывая парашюта. Наконец парашют раскрылся. И падение резко замедлилось.

Кружась вокруг парашюта, мечущегося на ветру, Лукин думал только об одном: раскроется у Седова резиновая лодка или не раскроется? Как все морские летчики, Седов был снабжен резиновой лодкой, занимавшей в сложенном виде очень мало места и раскрывавшейся от прикосновения к воде.

Лукин тоже имел такую лодку, но никогда не видел, как она раскрывается. И потому не был уверен, раскроется ли лодка Седова. Но не успел он сделать третьего круга, как лодка раскрылась. Она была похожа на байдарку. В ней сидел Седов и махал Лукину рукой. Волосы Седова развевались на ветру — он, падая, потерял свой шлем.

Лукин сейчас ничем не мог ему помочь. Он убедился, что немецкого судна, сбившего Седова, отсюда, снизу, не видно. До берега было километров восемь. Горючего у Лукина осталось на три минуты. Медлить больше невозможно, Он взмыл и помчался...

Мины Седову не страшны — лодочка его слишком легка, чтобы подорваться на mine. Не страшны ему пока и «Фоккевульфы» — они не найдут Седова в темноте, да и не станут искать. Вот разве на рассвете... Но увидит ли еще Коля Седов этот рассвет? Если его перевернет волной или вынесет на берег, к немцам...

Сдав самолет технику, Лукин, не ужиная, побрел по темному пустынному аэродрому к кубрику. Летчики уже поужинали и только что пришли из столовой. В столовой они слушали московскую радиопередачу, полную подробностей взятия Берлина, и обсуждали ее.

Они все уже знали о несчастье с Седовым и, увидев Лукина, приумолкли. Они любили Седова, боялись за его судьбу и жалели, что в такой счастливый день его нет вместе с ними...

Все уже спали, когда в кубрик вошел командир полка. Он подошел к койке Лукина, сел у его ног и стал обсуждать с ним план спасения Седова.

Они сразу сошлись на том, что Лукину следует вылететь при первых проблесках зари, чтобы найти Седова раньше, чем его найдут «Фокке-вульфы».

— Прогноз погоды на завтра хороший, — сказал командир полка, уходя. — Через час ветер уляжется, и волны станут меньше...

На востоке за лесом чуть-чуть розовело. Пора. Самолет понесся на запад, к морю. Он пролетел через немцев, прижатых к берегу, и был уже далеко над морем, когда сзади, из-за берега встало солнце.

Лукин несся то вверх, чтобы видеть подальше, чтобы не пропустить ни одного метра поверхности, то приближался к берегу, то уходил в открытое море. Седова не было.

Лукин в отчаянии готов был уже сообщить на командный пункт, что ночью Седов погиб и дальше искать его бесполезно, как вдруг на поверхности моря, в стороне от берега, заметил несколько всплесков — словно большая рыба, разыгравшись на солнце, пыталась выскочить из воды... Лукин отлично знал, что это такое. Такими с высоты кажутся разрывы артиллерийских снарядов, падающих в воду. Немецкие береговые батареи обстреливали море. Почему?

Там, где разрывы снарядов были гуще всего, Лукин увидел лодочку Седова... От Седова до берега было не больше двух километров...

Среди всех этих разрывов Седов неподвижно сидел в своей лодочке, ко всему равнодушный. Казалось, что он дремал. Может быть, он умер? Но когда Лукин пронесся над самой головой Седова и обернулся, ему показалось, что Седов приподнял голову и смотрит на него.

Наконец, появился гидросамолет. Лукин помчался к нему навстречу, чтобы привести его к Седову. Теперь Лукин был спокоен. Если в ближайшие три минуты ни один снаряд не попадет в лодочку, Седов будет спасен.

Гидросамолет сел на воду в полукилометре от Седова, и, как большая белая птица, поплыл к нему, оставляя за собой длинный пенистый след. И сразу же немецкие артиллеристы, обрадовавшись, что перед ними такая крупная мишень, оставили Седова в покое и перенесли огонь на плывущий гидросамолет. Столбы воды ежесекундно обступали его со всех сторон, окружали его все теснее... Лукин понял, что гидросамолет погибнет, если сейчас же не взлетит. И гидросамолет взлетел.

Командный пункт полка поминутно запрашивал Лукина о положении дел. Из переговоров по радио Лукин знал, что все наши авиационные, морские и сухопутные части, расположенные вокруг на сто километров, знают о Седове и внимательно следят за его судьбой. Сам командующий флотом приказал сделать все возможное, чтобы Седов был спасен. И действительно, все возможное делалось — там, за минным полем, уже сияли на солнце присланные для спасения Седова катера.

Страшно было смотреть, как шли они ощупью, один по следу другого, то сворачивая, то останавливаясь, иногда даже пятясь назад. При свете дня мину легче заметить, чем в сумерки, и все же каждое мгновение Лукин ждал взрыва. Но взрыва не было. Оба катера медленно, но упорно приближались к берегу, и мало-помалу их движения становились все увереннее.

Катера неслись, а снаряды рвались вокруг, и сверкающие столбы обступали их все гуще и гуще. И вдруг над передним катером возникло небольшое плотное облачко дыма. Лукину сначала показалось, что в катер попал снаряд и поджег его. Нет, он ошибся. Облачко дыма росло, росло. Протянулось за катером бесконечным хвостом и, повиснув, скрыло полморя. И Лукин, ликуя, понял: дымовая завеса!..

Стена плотного дыма, растянувшись на много километров, скрыла от немцев и Седова и оба катера. Немцы перестали стрелять. Лукин тоже ничего не видел, потому что и сам попал в дымовую мглу, подымавшуюся все выше.

Когда он наконец из нее выбрался, он снова нашел лодочку Седова. Она была пуста. Два катера осторожно пробирались гуськом через минное поле, направляясь в открытое море.

Час спустя Лукин сидел в землянке командного пункта полка и звонил по телефону на базу катеров. Оттуда ему сообщили, что Седова уже привезли.

— Ну, как он? Здоров?

— Здоров.

Что делает?

— Спит.

Лукин и сам очень хотел спать. От бессонной ночи, от длинного полета, от пережитого волнения он весь был полон счастливой усталости. Он пошел в кубрик. Разделся и лег. «Седов спасен», — думал он, засыпая.

Спал он спокойно и очень долго, много часов. «Седов спасен!» — подумал он, проснувшись. Он пошел в землянку командного пункта и опять позвонил на базу катеров.

— Седов спит, — ответили ему.

— Еще не просыпался?

— Не просыпался.

В этот день так ему и не удалось поговорить с Седовым — Седов спал. Только на следующее утро Седов наконец подошел к телефону.

— Коля!.. Ну как, выспался?

— Выспался.

— Очень было трудно на лодке?

— Очень. Ночью меня чайки измучили. Кружились надо мной, садились на голову, на плечи, я только и делал, что гонял их... Я знал, что меня выручат, знал!

— Не сомневался... А ты слышал новость? Только что сообщили — Германия капитулировала.

Война кончилась. Это был первый день мира.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Зачем в последний день войны наши летчики кружили над морем?

2. Как был сбит немцами летчик Седов и почему ему сразу не оказал помощи его боевой товарищ Лукин?

3. Каков был план у командира полка и у Лукина по спасению Седова и как он был реализован?

4. Какую роль в спасении Седова сыграли гидросамолет и два катера?

5. Как встретили первый день мира летчики Лукин и Седов?

6. Как вы думаете, почему немцы, зная, что Берлин взят советскими войсками, продолжали обстреливать наши катера и сбивать самолеты?

### Дополнительная литература

А. Караваява. «Черные брови»

Г. Бакланов. «Почем фунт лиха».

В. Панова. «Спутники».

## РАЗДЕЛ 17

# ВОЗВРАЩЕНИЕ

А дорогою степною  
Шли с войны советские солдаты.  
*Александр Коваленков*

Худож. А. Горский. **«Без вести пропавший»**



Не сразу после 9 мая 1945 года наши солдаты и офицеры вернулись домой. Великая Отечественная война завершилась, но Вторая мировая война, начавшаяся в 1939 году, еще не была закончена. На Востоке продолжала сражаться Япония — союзник поверженной Германии. Датой завершения этой операции считается 3 сентября 1945 года.

Вот тогда и началось массовое возвращение наших братьев и отцов с фронта. Многих бойцов, еще не снявших с себя военные шинели, встречали на вокзалах целыми эшелонами. Встречали их с цветами и плакатами нарядно одетые по этому случаю женщины и дети, на перронах звучала музыка. Люди радовались и плакали — кто-то от счастья встречи, кто-то от вида искалеченных войной фронтовиков.

Но были и неожиданные одиночные возвращения в родные места, такие, как показано в рассказе детской писательницы Валентины Осеевой, хорошо знавшей жизнь поселков и деревень в военное время.

Но возвращались после войны не только солдаты с фронта, но и целые семьи из мест эвакуации на свои родные места.

Многим пришлось начинать жизни заново, ибо немцы оставляли после себя разрушенные города и села, порой целые безжизненные пространства, которые надо было обживать заново.

### **Предлагаем обсудить рассказы:**

*Валентина Осеева. «Отцовская куртка (в отрывках)»*

*Петр Проскурин. «Снова дома»*

*Михаил Зощенко. «Интересный рассказ»*

---

### **О рассказе Валентины Осеевой «Отцовская куртка»**

*Этот рассказ довольно большой — несколько десятков страниц. Мы о нем уже говорили в разделе «Так началась война». Там был дан фрагмент, рассказывающий о проводах отца на фронт.*

*Здесь мы даем два фрагмента рассказа — его начало и конец. Обе части взаимосвязаны логически: в том и другом фигурирует отцовская куртка, которой любитесь Ленька-сын.*

*Если в первом отрывке куртка — предмет зависти ребенка — ему еще велика, да он пока и не достоин ее, такую нарядную, носить, то во втором она ему уже как раз в пору и носить ее он теперь может по праву.*

*Кроме того, обе части связаны отцовскими наказаниями сыну и сыновними наказаниями отцу. Уходя на фронт, отец наказывал быть Леньке «большаком» в семье, помогать матери, а сын наказывает отцу вернуться с фронта живым. При возвращении происходит своего рода подведение итогов выполнения этих наказов.*

*Разговор отца и сына при расставании и встрече дан писательницей немногословно. Расшифровка и наполнение его живым содержанием — задача для творческого читателя.*

Валентина ОСЕЕВА

## **ОТЦОВСКАЯ КУРТКА**

(фрагменты)

**К**уртка была черная, бархатная, карманы ее топорщились, в глубокое, мягком рубчике отливали серебром круглые пуговицы. Сидела она на отцовских плечах крепко, туго обхватывая широкую грудь.

— Папаня, а папаня! Отдай мне эту куртку. Ты, гляди, уж старый для нее, — с завистью говорил Ленька, обдергивая свой коротенький пиджачок и приглаживая вихрастую голову.

— Я стар, а ты больно молод, — отшучивался отец.

Ленька и правда был еще молод. Он учился в четвертом классе, но в семье был старшим...

Люди спешили с уборкой урожая. Армии нужен был хлеб.

Ленькин отец возвращался домой поздно, при свете фонаря долго возился во дворе и, озабоченно поглядывая на сына, говорил:

— Ты, брат, гляди, приучайся к делу. Я не сегодня-завтра на фронт уйду. Большаком в семье останешься!..

<...>

В день проводов отца в избе шла кутерьма. Мать, как потерянная, хваталась то за одно, то за другое. Стряпала, пекла, наспех укладывала в сундучок какие-то вещи. Отец вынимал их и отдавал ей обратно.

— Убери. Не в гости еду...

Увидев в руках матери бархатную куртку, он посмотрел на Леньку, усмехнулся и ласково сказал:

— Носи, большак!

Ленька вспыхнул и застеснялся.

— Да куда она ему! — всплеснула руками мать. — Не дорос ведь!

— Дорастет, — уверенно сказал отец и погладил мать по плечу. — Помощником тебе будет!

Уложив сундучок, отец обвел взглядом просторную избу, присел на край скамьи и сказал:

— По русскому обычаю посидим перед дорогой.

Мать поспешно усадила детей и села с ними рядом. Все притихли. Ленька посмотрел на отца, и горло его сжалось.

«Как же мы одни будем?» — подумал он, поняв вдруг, что отец действительно уезжает далеко и надолго.

<...>

Прощались у околицы. Ленька бросился к отцу на шею:

— Папка вернись! Живым вернись!

Теплыми ладонями отец оторвал от своей груди голову сына и заглянул в его глаза:

— Мать береги.

Отец крепко держал за руку сына:

— Солому внесите, а то дожди намочат... Дров заготовьте на зиму...

Отец останавливался, крепко сжимая маленькую жесткую руку.

— Слышь, Ленька!

— Слышу, папаня!

<...>

Ленька уже два месяца работал на пристани. На его обязанности лежало записывать принятый с парохода груз... В избе степенно здоровался с матерью и выкладывал на стол недельную получку. Мать умилялась, долго держала на ладони деньги, не зная, куда их положить. И потом всю неделю, в ожидании сына, говорила соседкам:

— Мой—то... большак, каждую копеечку в дом несет!

<...>

Стоял жаркий июль. На пристани сновали люди, скрипели на воде привязанные лодки. Ждали парохода.

Белоголовый, обветренный, вытянувшийся за лето Ленька стоял на пристани. Издалека донесся протяжный гудок. В голубые облака поползли черные клубы дыма. Покачивая белыми боками, показался пароход. Пассажиры заволновались. Матросы приготовили сходни. Пароход вплотную подошел к пристани. Глубокая темная щель с мутной водой сокращалась. Пароход, дрогнув, остановился. Матросы сбросили сходни.

— Поберегись! Поберегись!

Ленька стоял, опершись грудью на мешки... Пассажиры толпой протискивались вперед головой мимо него к выходу.

И вдруг губы у Леньки дрогнули, глаза уставились в одну точку; он бросился в толпу и застрял в ней, пробиваясь головой и руками.

— Стой, стой! Ошалел, что ли?

— Папка! Папаня! — вынырнув из толпы, отчаянно крикнул Ленька.

Люди стиснулись, откачнулись к перилам и пропустили человека в шинели. Одна рука его протянулась вперед, к Леньке, вместо другой повис пустой рукав. Обхватив отца за шею и не сводя глаз с этого пустого рукава, Ленька повторял, заикаясь и плача:

— Пришел, ты пришел... папаня мой!

Над лесной дорогой шумели старые дубы... Сын крепко держал за руку отца и неумолчно, торопливо рассказывал ему о своей жизни. Голос его иногда падал до шепота и терялся в шуме ветра и птичьих голосов, иногда прорывался слезами. И, охваченный горечью воспоминаний, Ленька останавливался:

— Слышь, папка?

Отец крепко сжимал тонкую жесткую руку сына:

— Слышу, сынок...

Встречный ветер трепал полы серой шинели и срывал с Ленькиных плеч черную бархатную отцовскую куртку.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как вы понимаете слова отца, обращенные к сыну: «Большаком останешься»?
2. Выполнил ли Ленька наказ отца оставаться большаком в доме?
3. Были ли основания у матери Леньки гордиться своим сыном?
4. Какое впечатление произвела на вас встреча Леньки с отцом, вернувшимся с фронта?

5. Как вы думаете, что вкладывали сын и отец в слова: «Слышь, Ленька!» — «Слышу, папаня!», произнесенные и в момент расставания, и в момент встречи?

6. Почему рассказ называется «Отцовская куртка»?

---

### **О рассказе Петра Проскурина «Снова дома»**

*Петр Проскурин (1928-2001) — известный советский писатель родом из Брянской области. Он лауреат многих литературных премий за свои романы и повести, рисующие созидательный труд русского народа. Из рассказов наиболее известны сборники «Любовь человеческая» и «Улыбка ребенка». Подростком он пережил фашистское нашествие и был свидетелем как отступления наших войск под натиском фашистов, так и бегства врагов с захваченных ими территорий. Центральной темой его творчества является Великая Отечественная война, ее влияние на нравственное самосознание народа, укрепление патриотизма и духовных сил.*

*В рассказе «Снова дома» отражена тема возвращения в родную деревню семьи — бабушки Палаги и ее внука Захара. Они идут босиком по дороге, исковерканной бомбами и снарядами, пересеченной траншеями. Перед взором Палаги и Захара встает все, что было брошено убежавшими с этих мест немцами, включая подбитые танки. Они стремятся быстрее дойти до своей родной деревни.*

*Но вместо деревни и своего дома они видят выжженное и развороченное снарядами безлюдное пространство. Надо начинать жизнь заново.*

*Показано вселение бабушки Палаги и внука Захара в обнаруженную ими землянку, брошенную немцами при отступлении. С принесенного Захаром с родника ведра воды начинается восстановление их жизни на родной земле, на которой еще вчера хозяйничали немцы.*

*Помогала надежда — авось вернутся из немецкого плена дочь Палаги и ее младший внук, для которых надо навести порядок в землянке, чтобы они почувствовали любовь и ласку родных людей.*

*Цель жизни Палаги и Захара обозначена, а значит, надо браться за дело.*

Петр ПРОСКУРИН

## СНОВА ДОМА

...Только-только отгремели здесь бои, фронт опять покатился на запад, и в опустошенную зону, где стояла шесть месяцев немецкая оборона, стали возвращаться на привычные места жители. Выходили из болот и лесов, шли из эвакуации вслед за своими, торопясь и надеясь на встречу с родными и близкими, отгоняя потаенные мысли о разных несчастьях и смертях. Самое главное — немца стронули, немец ударился в бег!

Бабка Палага, широко переставляя усталые, мосластые ноги, не отставала от своего внука — четырнадцатилетнего худого Захара с лохматым затылком — и на ходу все думала: может, им еще повезет, и Авдотья, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, отыщутся; всякие чудеса в жизни бывают, думала бабка Палага, поднимая босыми ногами с черными, потрескавшимися пятками тяжелую пыль с дороги.

Бабка Палага несла всякую всячину, связанную полотенцем и перекинутую через плечо. Впереди висела плетеная корзина с крышкой, где сидела белая кура — бабка сумела ее сохранить на семя; сзади покачивался тяжелый узел с разным барахлом: четыре миски, мешочек пшена, немного соли, рваные Захаркины штаны и рубахи, да еще всякое добро, которое уже мало на что пригодно, а все жалко бросить...

С короткими перерывами они шли уже часов шесть и теперь свернули на хорошо знакомую дорогу, в войну запущенную, размытую дождями, исковырянную бомбами и снарядами. И раза два уже бабке Палаге пришлось с помощью Захара перебираться через траншеи, пересекавшие дорогу; теперь до места оставалось верст восемь, не больше, и бабка Палага то и дело узнавала знакомые приметы: то старую ракету, то обрушенный мостик, то овражек. А Захар все незаметно прибавлял шаг, и бабка, не поспевая за ним, останавливалась, кричала:

— Захар, а Захар, остановись ты! Ишь расшагался, где мне за тобой поспеть?

И Захар сбавлял шаг, поправляя лямки заплечного мешка, натершие кожу на плечах до ссадин, и ждал, пока бабка догонит его.

— Бабуш, давай я что-нибудь у тебя возьму понесу, — предлагал он, но бабка Палага не соглашалась. Она считала его заморенным и ослабшим и жалела. Ей все казалось, что Захар мал и нуждается в послаблениях и детских поблажках, а Захар от этого сердился, но доказать ничего не мог и быстро отходил, характера он вышел покладистого, хороший паренек... Понятно, ему не сдержат шаг, ноги сами несли; так уж получилось, что бабка и он ушли со своими, когда те отступали из-под Брянска, а мать с Толиком остались у немцев, и теперь никто не знал, живы ли они и на месте ли, а то, может, погибли: вон сколько битых кругом, особо где фронт проходил.

Если бы махнуть через поле и лес, давно бы на месте были, да нельзя напрямую, кругом мины — саперы успели очистить лишь узкие проходы, и вот приходилось делать здоровенные крюки, чтобы выбраться к своей деревне, которая была на самой передовой. Захар знал это от знакомого командира роты, стоявшей на отдыхе в деревне Чернуха, где он с бабушкой переждал, пока немца опять сдвинут с места, оттеснят подальше и освободят их родную Воробьевку.

От того же командира роты Захар знал о полном уничтожении деревни, хотя увидеть своими глазами запустение и бурьян было труднее, чем слышать об этом. Все строения немцы разобрали для устройства землянок. Улицы и огороды изрыты траншеями, на огородах между обломанных яблонь понаделаны землянки, орудийные гнезда, укрытия машинам, везде валялись дощатые и железные ящики, винтовки без затворов, автоматы, разбитые или испорченные пушки, масса каких-то труб (потом Захар узнал, что в них, наглухо закрывавшихся, хранился орудийный порох). Тут же торчало несколько подбитых танков. Под ноги подвертывались самые неожиданные предметы — от солдатской каски, пробитой осколком, до учебного пенала, а в одном месте под яблоней висела, чуть покачиваясь, деревенская люлька. Захар заглянул в нее и увидел пустые консервные банки, вперемешку с бутылками, заклеенными нерусскими буквами.

Исковерканной снарядами улицей бабка Палага с Захаром пришли к своей усадьбе; хаты в деревне не осталось ни одной.

Когда они подошли к месту своего дома, бабка Палага перестала сдерживаться и завывала в голос. Она грохнула с себя поклажу, белая кура встревоженно закудахтала. Бабка Палага

села прямо на землю, причитая и крестясь, а Захар пошел бродить вокруг, обходя ямины и бугры из мусора, успевшего от давности прорасти слегка травой. Яблони в саду поломало и обило снарядами, и только несколько деревьев уцелело и осталось нетронутыми: три яблони, старая душистая груша и вишня; правда, и у них стволы посекло осколками, и Захар подумал, что нужно замазать поврежденные места глиной с навозом.

В самом дальнем конце сада он наткнулся на большую, выложенную дерниной с двумя окошками землянку в несколько накатов; от нее тянулась траншея в огород, к орудийным позициям, и там, метрах в ста от сада, вся земля была тоже изрыта и перекопана. Осмотрев землянку снаружи, Захар спустился в тамбур, обитый досками; просунув голову в дверь, он долго недоверчиво принохивался и приглядывался.

В полумраке тамбура широкие, удобные ступени уходили с крутым поворотом вниз, непосредственно к двери в землянку, по обе стороны в тамбуре лепились полки; казалось, за поворотом кто-то живой стоит и ждет ухватить за горло.

Захар вспомнил фанерный щит с надписью: «Проверено. Мин нет!» — и смело полез в землянку: глаза скоро привыкли к полумраку, и Захар удивлялся, как немцы умеют все сделать добротнo и удобно, даже на время. Он дернул дверь на себя и свистнул от удивления — помещение оказалось светлым и просторным, с двумя рядами двухъярусных нар, со столом и городскими стульями с высокими прямыми спинками, и Захар недоуменно пожал плечами.

Откуда они могли сюда попасть? На нарах лежали перины и матрацы, повсюду на полу валялись подушки и еще какие-то тряпки; на столе стояли немытые тарелки и два немецких алюминиевых котелка с крышками; сыро пахло табаком и грязным, слежавшимся бельем.

Захар походил по землянке, ничего не трогая, и, забыв о бабке Палаге, посидел на стуле с высокой спинкой, подробно и не торопясь оглядывая помещение еще раз: да, землянка большая, куда просторнее их старой хаты, и в ней вполне можно перезимовать. В самом деле, как это ему в голову сразу не пришло? Тут полколхоза поместится, если надо. Отыщутся мать с Толиком — совсем будет хорошо, можно печку сложить, трубу в окно вывести, и никакая зима не возьмет.

Он выбежал наружу, позвал бабуку; бабука пришла, вытирая припухшие от слез глаза и сморкаясь.

— Бабуш, землянка. Иди-ка погляди, живи зимой за милую душу. Давай иди, я уже глядел. Ночевать надо, а там перины есть, одеяла валяются.

Бабука Палага спустилась в землянку, захала и тут же стала все просматривать и складывать; в котелках на столе оказалась прокисшая овсяная каша, и бабука вынесла котелки из землянки и опорожнила их; по пути она углядела в тамбуре большое ведро и послала Захара за водой.

— Иди воды добудь. Колодец-то не забыл где? Или в ручей сходи, принесешь воды, кулешу сварю, на ночь надо поесть. Ах ты, святая божья мать, заступница, это на бедность нашу, гляди-ка, диво какое, готовое тебе жильё, хоть царем сюда садись. И стулья городские, и, главное, в своем саду, на своей-то земле, никто отсель не выгонит. Прямо на заказ. Вот так немец, ай да сукин сын, сдохнуть тебе, до своей державы не дойти, окаянному! Надо же, как слизало деревню! — рассуждала она сама с собой. — Раньше случись пожар, — хоть печка торчит, а тут и печек не осталось, все подчистую сгинуло.

Страсть сколько немец наташил в свое жильё добра, а Захарка, хоть и длинный ростом, умом мал. Грабленное все это добро, гляди, хозяева вернутся, отыщутся, из горла свое выдерут. Может, хоть солдатским, что осталось, и попользуешься.

Захара давно след простыл, а бабука Палага все говорила и говорила, и чем дальше, тем она становилась многоречивее и довольнее: теперь есть где жить, и в землянке осталось много нужного для жизни добра.

За нарами на кольшке висели три шинели, но бабука Палага побоялась их трогать. Кто знает, не ровен час, назад немец вернется, одежду потребует, — за войну всему научились.

Неожиданно раздался Захаркин голос, бабука Палага вздрогнула и перекрестилась, присела на нары.

— Бабуш, из ручья принес, — сказал Захар. — Колодец обвален. Есть другие дела?

— А что, собери посуше сору, огонек запали, котелки пополющи. Надо сюда сумки наши перетаскать.

— Ладно, перетаскаю, а ты котелки мой. Сказала б раньше, в ручье отскоблить можно.

— Куру не урони, — с опаской сказала вслед ему бабка и впервые за два года смутно, тяжело почувствовала, что никуда больше не суждено идти ей с места, и это чувство доставило ей тайную радость и облегчение, потому что ей до смерти надоело бродить по чужим углам и выслушивать попреки.

И она, забывая усталость, принялась за дело, твердо уверенная, что дочка Авдотья и второй, меньший внук Толик обязательно днями отыщутся и надо успеть навести порядок до их возвращения, отскоблить все и отчистить, пусть вернутся в обжитое место, увидят заботу о себе да ласку.

---

### Вопросы для обсуждения

1. Как шли домой, в покинутую из-за оккупации немцев деревню, бабушка Палага и ее внук Захар? Какую поклажу они несли с собой?

2. Что они видели по дороге и обнаружили на том месте, где была их деревня?

3. Как реагировали на эту картину бабушка и внук?

4. Как выручила их немецкая землянка, в которой они поселились и с которой начали обживать родную деревню?

5. Что дало бабушке Палаге чувство уверенности и облегчения, что она вернулась домой и никуда отсюда не уйдет?

6. Почему она так рьяно взялась за работу? Поддерживаете ли вы ее веру, что дочь и младший внук вернутся и надо сделать, чтобы они вернулись в обжитое место?

---

### О рассказе Михаила Зощенко «Интересный рассказ»

Рассказ Зощенко о возвращении семьи в свой деревенский дом резко отличается по настроению от рассказа Петра Проскурина. Война закончилась, и отец вернулся с войны.

Вот почему у Зощенко рассказ радостный, даже с песнями и танцами. В нем подчеркивается, что мальчик Коля за время своего пребывания на чужбине вырос, повзрослел, познал азы математики, изменился размер его шагов с того момента, как они с матерью уезжали в Казань. Уезжая, перед наступлением немцев, им пришлось закопать свои вещи в землю, чтобы они не достались врагу.

Моменты закапывания вещей при отъезде и раскапывания при возвращении показаны писателем без драматизма. Они уви-

*дены глазами ребенка как некий необычный интересный факт их жизни.*

*Взрослый читатель увидит в этих фактах войну с ее тяжелыми обстоятельствами и с напряженностью переживаний, когда покидали родное место, и с радостью возвращения семьи в свой дом, оставленный ими из-за вторжения оккупантов.*

Михаил Зощенко

## **ИНТЕРЕСНЫЙ РАССКАЗ**

**К**огда началась война, Коля Соколов умел считать до десяти. Конечно, это мало считать до десяти. Но бывают дети, которые и до десяти считать не умеют.

Например, я знал одну маленькую девочку Лялю, которая считала только до пяти. И то, как она считала? Она говорила: «Раз, два, четыре, пять». И «три» пропускала. Разве это счет? Это же прямо смешотворно.

Нет, вряд такая девочка будет в дальнейшем научным работником или профессором математики. Скорей всего она будет домашней работницей или младшим дворником с метлой. Раз она настолько неспособна к цифрам.

А наш Коля, я говорю, умел считать до десяти. И благодаря этому он отсчитал десять шагов от дверей своего дома. И, отсчитав эти шаги, он стал рыть яму, лопатой.

И вот он вырыл яму. И положил в эту яму деревянный ящик, в котором находились разные его вещи — коньки, топорик, маленькая ручная пила, складной карманный ножик, фарфоровый зайчик и другие мелкие предметы.

Положил он этот ящик в яму. Засыпал землей. Затоптал ногами. И вдобавок сверху набросал желтого песочку, чтобы не заметно было, что там яма и в яме что-то лежит.

Сейчас я объясню вам, зачем Коля зарыл в землю свои вещи, такие нужные для него.

Он с мамой и бабушкой уезжал в город Казань. Потому что фашисты наступали тогда.

И подошли очень близко к их деревне. И все жители стали поспешно уезжать.

И значит, Коля с мамой и с бабушкой тоже решили уехать.

А все вещи, конечно, с собой не захватишь. И по этой причине некоторые вещи мама положила в сундук и зарыла в землю, чтобы они не достались фашистам.

От дверей дома мама отсчитала тридцать шагов. И там зарыла сундук.

Она отсчитала тридцать шагов для того, чтобы знать то место, где зарыто. Не разрывать же весь двор, чтобы потом искать этот сундук. Стоит только отсчитать тридцать шагов по направлению к огороду, и сундук сразу буден найден, когда фашистов выгнют из деревни.

И вот мама зарыла сундук в тридцати шагах от дверей. А Коля, который считать умел до десяти, отсчитал десять шагов. И там зарыл свой ящик.

И в тот же день мама, бабушка и Коля уехали в город Казань. И в этом городе Казани они прожили почти что четыре года.

И там Коля подрос, стал ходить в школу. И считать научился до ста и больше.

И вот, наконец, стало известно, что фашистов выгнали из той деревни, где в свое время проживал Коля. И не только из той деревни, а вообще их выгнали с нашей земли. И тогда Коля с мамой и бабушкой вернулись в свои родные места.

Ах, они с волнением подъезжали к своей деревне. Коля думал: «Цел ли наш дом? Не сожгли ли его фашисты? И целы ли вещи, зарытые в земле? Или, может быть, фашисты вырыли эти вещи и взяли их себе? Ах, это будет очень жаль, если они взяли себе коньки, пилу и топорик».

Но вот, наконец, Коля дома. Дом цел, но, конечно, немножко разрушен. И все вещи, которые оставались в доме, исчезли. Фашисты украли их. Но мама сказала:

— Это ничего. У нас сохранилось еще много вещей, зарытых в землю.

И с этими словами мама отсчитала тридцать шагов и стала копать лопатой. И вскоре убедилась, что сундук там. И тогда Коля сказал маме:

— Вот что значит арифметика. Если бы мы зарыли сундук просто так, не отсчитали бы тридцать шагов, вот теперь и не знали бы, где копать.

Наконец мама открыла сундук. И там все было цело и исправно. И даже вещи не подмокли. Потому что поверх сундука была положена клеенка. И мама с бабушкой были так довольны,

что сохранились эти вещи, что даже запели песню: «Светит месяц, светит ясный».

И тогда Коля, в свою очередь, взял лопату, отсчитал десять шагов и сказал соседским ребятам, которые собрались вокруг него:

— Если бы я зарыл свои вещи просто так, где попало, не отсчитал бы десять шагов, вот я бы теперь и не знал, где они лежат. Но арифметика приносит людям огромную пользу. И благодаря арифметике я теперь знаю, где мне надо копать.

И с этими словами Коля стал копать.

Копает, копает, но найти своего ящика не может. Уже глубокую яму вырыл. Нет ящика. И немножко влево стал копать. И немножко вправо. Нигде нет.

Уже ребята стали смеяться над Николаем.

— Что-то, — говорят, — не помогла тебе твоя арифметика. Может быть, фашисты вырыли твои вещи и взяли их себе?

Коля говорит:

— Нет, если они наш огромный сундук найти не могли, то навряд ли они нашли мои вещи. Тут что-то не так.

Коля бросил лопату. Сел на ступеньки крыльца. И сидит скучный, грустный. Думает. Потирает лоб рукой. И вдруг, засмеявшись, говорит:

— Стоп. Ребята. Я знаю, где лежат мои вещи.

И с этими словами Коля отсчитал только пять шагов и сказал:

— Вот где они лежат.

И взяв лопату, стал копать. И действительно вскоре из земли показался ящик. И тогда все собравшиеся сказали:

— Странно. Ты зарыл свой ящик в десяти шагах от двери. А теперь он оказался в пяти шагах. Неужели же твой ящик за время войны сам подвинулся поближе к твоему дому?

— Нет, — сказал Коля, — ящики сами двигаться не могут. Тут вот что произошло. Когда я зарыл свой ящик, я был совершенно маленький малыш. Мне было всего пять лет. И у меня были тогда маленькие и даже крошечные шаги. А теперь мне девять лет, десятый год. И вон какие у меня огромные шаги. И вот почему я вместо десяти шагов отсчитал только пять. Арифметика приносит пользу тем людям, которые умеют понимать, что происходит в жизни. А происходит то, что время движется вперед. Люди растут. Их шаги меняются. И ничто в жизни не остается без перемены.

Тут Коля открыл свой ящик. Все оказалось на месте. И даже железные вещи не заржавели, потому что Коля обмазал их салом. А такие вещи не имеют права давать ржавчину.

Вскоре приехал Колин папа. Он был сержант, награжденный медалью за храбрость. И Коля ему все рассказал. И папаша похвалил Николая за его ум и смекалку.

И все были очень довольны и счастливы. Пели, веселились и даже танцевали танцы.

---

### **Вопросы для обсуждения**

- 1. Какое отношение к содержанию рассказа имеет арифметика, по-нынешнему — математика?*
- 2. Зачем Коле и его маме перед отъездом в Казань пришлось закапывать в землю сундуки с вещами?*
- 3. Почему при возвращении домой мамин сундук нашелся сразу, а сундучок Коли пришлось долго отыскивать?*
- 4. Как помогла делу Колина смекалка, за которую отец, вернувшийся с фронта, его похвалил?*
- 5. Какое чувство у вас вызвал этот рассказ? Почему Михаил Зощенко назвал его «интересный»?*

### **Дополнительная литература**

- В. Осеева. «Кочерыжка»*
- Л. Воронкова. «Село Городище»*
- А. Платонов. «Возвращение»*
- П. Федоренко. «Компас».*

## Заключение

В своем решении создать методико-библиографическое пособие, адресованное всем, кто думает о поддержке детского чтения и вместе с ним о формировании исторического сознания школьников, я руководствовалась следующими соображениями:

— посвятить его 70-летию Великой Победы, к встрече которого готовится наша страна;

— отдать дань поколению, которое в детском возрасте пережило или непосредственно участвовало в Великой Отечественной войне, приближало, как могло, День Победы;

— поддержать проект РШБА «Читающая мама — читающая нация», снабдив родителей нынешних детей качественным материалом для семейного чтения, которое не было бы затратным по времени и обеспечивало положительный результат;

— в Год Литературы открыть детям и напомнить взрослым читателям те имена советских детских (и не только детских) писателей, кто сам непосредственно побывал на фронтах боевых действий, в партизанских отрядах, в госпиталях, в блокадном Ленинграде. Кто был свидетелем участия детей и подростков в борьбе с фашистами, видел их работу в тылу и отразил это в своих произведениях;

— показать, на какой литературе духовно росло мое поколение, пережившее Великую Отечественную войну в детские годы, на какой литературе нас воспитывала школа, как формировалось наше патриотическое сознание, наш характер, как укреплялась вера в Победу и мобилизовались силы на помощь фронту;

— на материале достоверной литературы о войне, адресованной детям, способствовать формированию у младших школьников исторического сознания, касающегося периода Великой Отечественной войны.

Приступая к созданию пособия, я в полной мере осознавала неоднородность нынешнего российского общества по отношению к войне.

Сегодня есть немало людей, кто выступает против «навязывания» героики прошлого. Чувствуя подобное настроение людей, «уставших» от напоминания заслуг ветеранов, поэт Юрий Воронов писал:

А может, нам о них забыть?  
Опять война, опять блокада.  
Я слышу иногда: не надо,  
Не надо раны берeditь!

Ставя так вопрос, поэт сам же ответил на него, и я полностью присоединяюсь к его ответу:

Но даже если это правда,  
Такая правда — не права!

В противовес такой «правде», опровергающей героическое прошлое и идею патриотизма, в Москве в конце 2014 года состоялся молодежный конвент по этой теме. Он подтвердил: героизм — это не только тема прошлого, он — настоящее и будущее нашего Отечества.

А героизм, как показала Великая Отечественная война, — не имеет возраста. Об этом свидетельствуют цифры награжденных детей и подростков военного времени: 99 из них были удостоены Золотой Звезды Героя, 7 тысяч получили звание Герой Советского Союза. Не случаен и факт установления 9 декабря в России Дня Героя, который будет отмечаться ежегодно.

В недавней своей статье, опубликованной в «Литературной газете», казахский писатель Б. Канапьянов напомнил читателям прощальную речь прославленного диктора радио Левитана, произнесенную им перед уходом на пенсию.

Вот что он сказал: «За сорок лет работы мне было больно сообщать, что где-то люди все еще убивают друг друга, что где-то раздастся плач ребенка у тела мертвой матери, пришлось слышать о многочисленных жертвах ушедшей войны, о разрушенных городах и селах. Прощаясь с вами, я говорю: берегите мир, берегите нашу планету, берегите нашу Землю. Отнеситесь к ней как к своей матери».

Вдобавок он пожелал, чтобы тот, кто будет сообщать последние известия, никогда бы не произносил самого страшного слова на планете — война. Не потому, что ее не было в прошлом, а потому, чтобы ее не было ни в настоящем, ни в будущем.

Но даже если бы мы и не хотели произносить этого слова никогда, оно заявляет о себе то тут, то там. И не только в кино, но и в реальности, как оно заявило о себе нынче на Украине, не на словах,

а на деле. Под минным обстрелом и разрушительным огнем тяжелых орудий по селам и городам Донбасса рушатся школы, трагически гибнут мирные люди — взрослые и дети.

Но Великая Отечественная война для нашей страны — это не только защита от гибели людей. Это защита Отечества от уничтожения, которое планировал Гитлер, это и защита всего человечества от фашизма, посягнувшего на само звание «Человек», и защита наших духовных ценностей, которые, как сказал о них Президент Путин, «нас никогда еще не подводили».

Сегодня, когда «все меньше и меньше к Большому театру приходит участников прошлой войны», нам особенно важно поддерживать у оставшихся их дух, сказать каждому в отдельности и всем вместе «Спасибо» за то, что выстояли, одолели, победили, что дали жизнь последующим и ныне здравствующему поколению.

Отдельная благодарность тем, кто был ребенком в период 1941–1945 годов, но не был безучастным к тому, что видел, слышал, испытал. Они были маленькими, но жили в унисон со своей страной и помогали взрослым приближать победу в меру своих сил.

Когда я читаю стихотворение Роберта Рождественского «Баллада о маленьком человеке», ее начальные строки: «Жил да был человек маленький. Когда постучалась в окошко война, автомат ему выдали маленький, сапоги ему выдали маленькие, каску выдали маленькую и маленькую по размерам шинель...» — я вижу в лице этого маленького человека не социально забитого, как понимали классики сам термин «маленький человек», а детей войны.

Я вижу мальчика Сережу из рассказа Андрея Платонова «Маленький солдат», Вальку из торпедного катера Аркадия Первенцева, юного поэта Вову Лебедева из рассказа Валентина Каверина «Русский мальчик».

Среди них в моих глазах во весь рост встает хитрая девчонка из одноименного рассказа Сергеева Ценского, самоотверженный Гриша из произведения Юрия Яковлева «Помните Гришу!».

Как живые проходят передо мной безымянный маленький разведчик из рассказа Льва Кассиля «Рассказ об отсутствующем» и Коля Вихров из «Большого сердца» Бориса Лавренева и многие, многие другие.

Я вижу среди них не только маленьких солдат, но и тех, кто не был на фронте, но заменял отцов и братьев, ушедших на фронт, кто стоял у станков, кующих оружие для них, кто вместе с матерями се-

ял и убирал хлеб на полях, чтобы солдаты были сыты, кто сиротствовал, потеряв родителей под вражеской бомбежкой, кто помогал партизанам, поддерживал раненых, находящихся в госпиталях, кто вытаскивал их с поля боя, как это делала «Кнопка» из рассказа Каверина.

Я вижу и тех Леночек, Васей, Танюш, что жили на оккупированных немцами территориях, детей из блокадного Ленинграда: Таню Савичеву зримо воссозданную Юрием Яковлевым, Маринку Леонида Пантелеева, Мишку Юрия Германа, девочку Маришу из рассказа Каверина «Самое необходимое».

Мне не забыть имен бесстрашных перевозчиков через Неву в блокадном Ленинграде — брата Матвея и сестру его Маньку, которые сменили на этой работе погибшего отца и которых так любовно изобразил Леонид Пантелеев в рассказе «На ялике».

Я никогда их реально не видела, но если бы и видела, я бы так ярко и так впечатляюще не узнала, не поняла, не ощутила их своей душой, как ощутила и поняла их из прочитанных произведений. Они как живые предстают передо мной.

Мою собственную память о войне обострили и преумножили писатели силой своего таланта и художественного чутья. Я надеюсь, что такими зримыми, незабываемыми, живыми они предстанут и перед нашими сегодняшними читателями, когда мы, взрослые, проникнемся сами литературными героями и, прочитав детям о них, вместе поговорим об их подвигах, мысленно нарисуем их в своем воображении, отдадим им частичку своего сердца.

Я хочу, чтобы память о них и сегодняшнее стремление нашей страны к миру, вера в растущее поколение стали бы продолжением подвига, совершенного и совершаемого ради жизни на Земле.

Все названные и не названные мной имена литературных героев — это не просто имена. Это олицетворенные образы войны. Каждого в отдельности и всех вместе ведут писатели дорогой мужества, нацеленной на победу. За именами детей стоят судьбы и характеры, стоят личности, подчас более решительные и бесстрашные, чем личности взрослых.

Литературные герои школьного возраста показывали нам пример, не только как держать винтовку в руках. Они учили выносливости, способности превозмогать физическую и душевную боль, голод и холод, не гнушаться никакого труда, преодолевать усталость и невзгоды. Они готовили нас к жизни в суровых условиях,

вырабатывали умение безбоязненно переносить трудности, участвовать в общем деле приближения Победы.

Не теряю надежды, что кого-то из нынешних детей — читателей или слушателей — знакомство с мужественными и стойкими сверстниками военных лет заставит задуматься о самом себе, поверить в свои силы, кому-то подскажет выбор жизненного идеала. Герои войны не столько нужны сегодня для исполнения долга перед ветеранами, сколько для развития в самих себе человека, ответственного не только за себя, но и за других. Величие души тех, кто пережил войну, выросло из страданий, потерь, преодолений, обнаживших лучшие качества личности.

Разговор о детях войны, более чем семидесятилетней давности, способный задеть за живое сердце ребенка и сегодня — это одновременно разговор и о Литературе. Ибо задача воспитания на примерах и образцах — это ее задача.

Алесь Толстой об этой задаче писал так: «Не показ, не отражение, а осмысление происходящего и происшедшего, творческий взгляд в будущее» — вот что такое, по его мнению, Литература. Причем литература это делает не путем логических построений, а силой образов, метафор, иносказаний, которые будят воображение, воскрешают и тревожат память, соединяют чужие жизни с собственным опытом читателя и с известным ему опытом других людей, дают материал для домысливания того, чего в тексте нет.

Особое значение литература имеет для эмоционального развития читателя, его способности переживать за других. Замечательно сказал об этой способности писатель Григорий Бакланов. Он считал, что литература и искусство «нащупывают в душах людей то, что должно болеть, не дает успокаиваться. И пока мы способны сопереживать, страдать за других, как за себя, мы остаемся людьми, мы — человечество».

Литература, адресованная детям, воскресила сюжеты войны, воссоздала войну через судьбы детей, через их участие в общем деле Победы. Она запечатлела и осмыслила все этапы войны, начиная с раннего утра 22 июня 1941 года и заканчивая 9 мая 1945 года, возвращением солдат с фронта. Она передала красоту и величие милосердия, проявленного нашими бойцами и санитарками.

Литература показала, как бесчинствовали фашисты на захваченных ими территориях нашей страны, как росло сопротивление, в котором участвовали и дети. Как подростки ходили в разведку, вместе с партизанами крушили немецкие поезда с боеприпасами,

как провожали на фронт и встречали братьев и отцов с фронта. Как теряли многих из них безвозвратно. Как дети жили в эвакуации, в детских домах, как сиротствовали и блуждали в поисках приюта. Как становились сынами полков или морских команд. Как выжидали, умирали, трудились и учились в блокадном Ленинграде.

Все эти глубоко человеческие черты и штрихи к портрету поколения военных лет, «осердечены» писателями-классиками. Вера в победу, которой они заражали детей, основывалась у писателей на ощущении морального превосходства нашего народа, на правоте и справедливости возмездия. Литература становилась голосом народа.

Многие обретали свой опыт непосредственным участием в боях. В жестокие дни войны писатели не забыли поведать и о проявлениях гуманизма наших людей по отношению к поверженному врагу. Не забыт ими и счет потерям детей, повешенных фашистами Феничках, Васеньках, Санечках, застреленных, как Гриша, или безымянный мальчик из «Рассказа об отсутствующем» Льва Кассиля.

Вместе с портретом поколения прошла перед нами плеяда самих писателей. Все, о чем они писали, пронизано их сакральными чувствами. Каждый их рассказ — это история и самих писателей, всего того, что видели их глаза, что слышали их уши, что переживало их сердце.

Годы жизни этих писателей, какие я установила, говорят о том, что в подавляющем большинстве они уже покинули этот мир. Но осталась их душа, их боль, страдания за погибших на фронтах боевых действий детей, за изуродованные фашистами их судьбы.

Вместе с тем, в каждом их рассказе торжествует жизнь, а не смерть. Все они проникнуты патриотизмом, воспитанным (по собственному опыту знаю) школой, учебниками по истории, портретами героев, песнями о Варяге и Порт-Артуре, о Великой Отечественной войне.

Их произведения не просто ушедшее в небытие прошлое. Это настоящее, присвоенное нами из прошлого, это тот духовный опыт, что прочно заложен в нас и чем мы можем гордиться сегодня.

В своем пособии я рассказала и дала краткую справку о 34 писателях, авторах 48 произведений о детях войны. Все произведения, за редким исключением, принадлежат к жанру рассказа, рассчитанного на 15-20 минут чтения вслух. Исключения составляют такого же объема отрывки из повестей В. Закруткина, Н. Чуковского, В. Голявкина, Е. Носова, В. Пикуля, А. Фадеева, Е. Рысс.

К каждой из 17 отраженных в пособии тем дано мной краткое введение, сделаны комментарии к текстам самих рассказов или отрывков произведений, предложены вопросы для обсуждения. В конце каждой темы дан краткий список дополнительной литературы, какую удалось разыскать.

Взрослым, кто возьмется прочитать детям тот или иной рассказ, будь это родитель, учитель или библиотекарь, я предоставила возможность выбора, дав по каждой теме несколько литературных текстов.

Не является жестким и перечень вопросов для обсуждения произведений. Они тоже могут варьироваться по желанию ведущего обсуждения, дополняться, по его усмотрению, другими более простыми или более сложными вопросами.

Моя задача была увести детей от простого пересказа текста, побудить их к осмыслению прочитанного, к высказыванию собственного мнения о поступках героев.

Трудности составления пособия состояли, главным образом, в поисках текстов рассказов по намеченным темам. Основной костяк добротной литературы я получила из журналов «Костер» и «Мурзилка» военных лет издания.

Надо заметить, что существующие справочники, библиографические указатели, отразившие детскую литературу военной тематики, в большинстве случаев обошли вниманием жанр рассказа и чаще всего предлагают читателям повести, очерки, романы.

В сборниках, монографиях, обзорах, отразивших литературу о Великой Отечественной войне, адресованную детям и о детях и созданную в период войны, рассказы упоминаются крайне редко. Единственной книгой, которая назвала и раскрыла несколько рассказов Вениамина Каверина о детях войны, стала для меня монография исследователя и методиста Т.И. Михалевой «Литература о Великой Отечественной войне в гражданском становлении личности», изданная в 2005 году издательством «Школьная библиотека».

Остальные рассказы приходилось отыскивать, полагаясь или на собственную память военного детства или память моих сверстников. Много дали мне, как автору пособия, собрания сочинений писателей, где среди других жанров литературы не были забыты и рассказы.

Определенную помощь оказали библиографы — сотрудники детских библиотек Санкт-Петербурга. Открытием было для меня участие «взрослых» писателей военной поры в написании расска-

зов для детей. В пособии отражен опыт в этом деле таких писателей, как Константин Федин, Борис Лавренев, Сергей Сергеев-Ценский, Аркадий Первенцев, Петр Проскурин, Юрий Герман и другие. Всего 11 «взрослых» советских писателей. Рассказы этих классиков — глубокое и серьезное дополнение к детской литературе военного времени, написанной о детях и адресованной им.

Выбор жанра рассказа в созданном пособии был обусловлен следующими причинами:

— краткостью текста, ведь для нынешнего мало читающего молодого поколения, игнорирующего объемные книги, жанр рассказа не столь обременителен по времени, отданному на чтение, и потому более предпочтительный;

— удобством для чтения вслух, возможностью в «один присест» прочитать произведение целиком, не дробя его на части и не разрывая во времени;

— возможностью обсуждать прочитанное по свежим впечатлениям, когда яркость образов еще не успела угаснуть и возникшие мысли в ходе чтения живы и вызывают желание поделиться ими;

— качеством литературного материала: краткость рассказа у большого писателя обычно сочетается с емкостью содержания и смысла, с особой силой образного слова.

В силу указанных причин я выбирала рассказы, вышедшие из-под пера писателей-классиков. Подлинность изображенных ими событий войны была проверена временем, подтверждена нашим собственным опытом и рассказами фронтовиков.

Каждый рассказ — это единичный факт в цепочке тысячи фактов на фронте и в тылу, в оккупации и в детских домах, на заводах и в семье, на море и на суше, в труде и в бою, составляющих единое целое, называемое «война». Они написаны так, чтобы читатели полюбили героев рассказов так, как любили их сами писатели.

Раскрывая прошлое в рассказах о войне, я все время думала о настоящем, о том, как воспримут нынешние дети произведения, любимые нами. Еще и еще раз перечитывала, порой, обливаясь слезами.

Мне было важно, чтобы наши дети испытали не только гордость подвигами своих сверстников, но и глубокую печаль оттого, что тем приходилось это делать — сменить радость детства на преждевременную взрослую жизнь, полную опасностей, горя и слез и требующих от них недетской заботы жить в условиях, подчас противоречащих жизни.

Прежде чем я предлагаю прочитать тот или иной рассказ ребенку, я веду о нем разговор со взрослым человеком, с тем, кто будет чтецом, пытаюсь дать для него самое главное, на мой взгляд, что может быть вынесено на обсуждение, на общий разговор с детьми, отталкиваясь от текста произведения и возможностью соединить его с сегодняшним днем и с представлениями нынешних детей о войне и мире.

Я не знаю, передалось ли мое волнение, счастье и слезы от воспоминания собственного военного детства, когда я работала над данным пособием, читала и перечитывала выбранные мной рассказы.

Мне казалось, что я вновь окунулась в то время и заново пережила те четыре военных года, когда, идя из школы, падала в обморок от голода.

Я вспоминала, как, живя в то время в Горьковской области, мы принимали эвакуированных женщин и детей из Ленинграда, как жили одной семьей с теми, кого поселили в наш дом. Это была мать с двумя детьми — девочкой дошкольного возраста и мальчиком школьного возраста, моим сверстником.

Для меня и нашей провинциальной семьи они были своего рода декабристами в Сибири. Они оставили нам культуру поведения, речи, быта и обращения с людьми. Они оставили рассказы о Ленинграде, заронили мечту побывать в нем.

Заразившись идеей книги, связанной с собственно пережитым временем войны, мне хотелось на материале литературы 1941-1945 годов создать достоверный образ военного детства, чтобы нынешние дети наглядно представили его себе, пережили, как свое, и вышли бы из этого чтения с новым ощущением счастья мирной жизни и стремлением охранять ее.

Чтобы, читая, они проверили себя на прочность собственного характера и задались вопросом: «Смог бы я так?».

Чтобы поняли, что такое настоящая литература, и чтобы им захотелось ее читать.

Чтобы разговор о литературе воспринимался ими как разговор о жизни и о них самих — такого разговора им, захваченным идеей потребления, нынче очень не хватает.

Чтобы в результате чтения предложенных рассказов они безошибочно могли ответить, кто с кем воевал в той войне, когда она началась и завершилась, кто победил, что такое фашизм и что такое человечность.

## Указатель авторов и названий произведений для обсуждения

- Алексеев С. Радость Победы / 296  
Алексеев С. Данке шен / 278  
Богданов Н. Красная рябина / 158  
Богданов Н. Фюнфиндер / 137  
Боронина Е. Мальчик из Севастополя / 74  
Бродская Д. и Голубева А. 105 разъезд / 251  
Воробьев К. Немец в валенках / 287  
Герман Ю. Петька / 58  
Герман Ю. Война началась / 15  
Голявкин В. Мой добрый папа / 23  
Закруткин В. Матерь Человеческая / 53  
Зощенко М. Бедный Федя / 54  
Зощенко М. Интересный рассказ / 321  
Зощенко М. Леночка / 114  
Зощенко М. Храбрые дети / 242  
Каверин В. Кнопка / 198  
Каверин В. Русский мальчик / 130  
Каверин В. Самое необходимое / 193  
Кассиль Л. Алексей Андреевич / 180  
Кассиль Л. Рассказ об отсутствующем / 265  
Кассиль Л. У классной доски / 164  
Кассиль Л. Отметки Риммы Лебедевой / 210  
Катерли Е. Как на фронте / 37  
Катерли Е. Юрка-пенек / 42  
Лавренев Б. Большое сердце / 144  
Митяев А. Отпуск на четыре часа / 118  
Носов Е. Красное вино Победы / 298  
Осева В. Отцовская куртка / 20  
Осипов И. Петя / 172  
Пантелеев Л. Маринка / 91  
Пантелеев Л. На ялике / 30  
Первенцев А. Валька с торпедной девятки / 231  
Пикуль В. Мальчики с бантиками / 224  
Платонов А. Маленький солдат / 176  
Полякова С. В гостях у раненых бойцов / 206  
Приставкин А. Фотографии / 81  
Пришвин М. Козочка / 83  
Проскурин П. Снова дома / 316

**УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ**

- Рысс Е. Невольничий караван  
(глава из повести «Девочка ищет отца») / 122
- Сергеев-Ценский С. Хитрая девчонка / 188
- Толстой А. Нина / 50
- Успенский Л. Танюшка / 245
- Фадеев А. Подвиг / 270
- Федин К. Вася / 106
- Цвирка П. Соловушка / 154
- Чуковский Н. В последние дни / 304
- Яковлев Ю. Помните Гришу! / 261
- Яковлев Ю. Девочка с Васильевского острова / 97

